

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

162

РАННИЙ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

162

РАННИЙ
ЖЕЛЕЗНЫЙ ВЕК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
МОСКВА 1980

Редакционная коллегия:

О. С. Гадзяцкая (ответственный секретарь), *Н. Н. Гурина*,
А. Н. Кирпичников (зам. ответственного редактора),
Ю. А. Краснов, *В. В. Кротошкин*, *И. Т. Кругликова* (ответственный редактор),
В. П. Любин, *В. М. Массон*, *Н. Я. Мерперт*, *Р. М. Мунчаев*,
В. В. Седов (зам. ответственного редактора), *Д. Б. Шелов*

СТАТЬИ

Д. Г. САВИНОВ, Н. Л. ЧЛЕНОВА

СЕВЕРОКАВКАЗСКИЕ ОЛЕННЫЕ КАМНИ
В РЯДУ ОЛЕННЫХ КАМНЕЙ ЕВРАЗИИ

Одним из важных свидетельств древних связей Северного Кавказа с Востоком в VIII—VII вв. до н. э. являются надгробные изваяния типа оленных камней. В 1967 г. Д. Г. Савинов определил два камня-обелиска из курганов у Зубовского хутора и у станицы Усть-Лабинской на Кубани (раскопки Н. И. Веселовского 1899—1900 и 1903 гг.) как оленные камни, сравнив их с такими же изваяниями Тувы и Монголии¹. В том же году Н. Л. Членовой в Одесском археологическом музее был обнаружен оленный камень, происходящий из Ольвии². Этим было положено начало изучению рассматриваемой категории древних памятников в Европе и на Кавказе. Сейчас оленные камни известны от Монголии и Забайкалья на востоке до Эльбы на западе³. В Европе и на Кавказе их известно 14: 1) из Гумарово Оренбургской обл.⁴; 2) из Кызбуруна в Кабардино-Балкарии (рис. 3, 1); 3) из района Армавира (рис. 3, 2); 4, 5) уже упомянутые камни из Зубовского хутора и станицы Усть-Лабинской на Кубани (рис. 1, 2); 6) из центральной Грузии, между селениями Шипяк и Санонер (Цалкинское плато); 7) из Джанкойского района в северном Крыму; 8) из района Днепрорэса; 9) из Царской могилы в районе Кривого Рога; 10) из с. Пески к северу от г. Николаева; 11) из Ольвии; 12) из Диногетии-Гарвэн в Добрудже (Румыния); 13) из с. Белоградец в северо-восточной Болгарии; 14) из Зеэхаузена близ Магдебурга на Эльбе (ФРГ)⁵.

В Азии один оленный камень найден в центральном Казахстане (в долине р. Кенгир)⁶, несколько — на Алтае⁷, около 20 — в Туве⁸, не менее 20 — в Забайкалье⁹ и более 500 — в Монголии¹⁰. К сожалению, большинство этих камней (в том числе почти все камни из Монголии) до сих пор не издано. Тем не менее имеющийся материал дает возможность наряду с общими чертами, характерными для всего ареала оленных камней, выделить и некоторые черты, характерные для отдельных районов.

Из-за ограниченных рамок статьи нет возможности описывать подробно северокавказские изваяния и изображения на них (рис. 1, 2, 3). На таблице указаны признаки, свойственные оленным камням различных территорий. Каждая горизонтальная строка этой таблицы представляет одно изваяние. Исключение составляют оленные камни Сибири и Центральной Азии, которые рассматриваются суммарно.

Из таблицы видно, что признаки 12—15 свойственны всем без исключения оленным камням. Это овальные или подпрямоугольные сечения изваяния, скошенный назад верхний его торец, узкая лицевая грань, отсутствие на изваянии изображений лица, рук и ног.

Признак 16 — углубленные изображения на изваянии — почти столь же универсален (он не встречен лишь на двух оленных камнях — из Армавира и Кызбуруна, где все изображения рельефные). Признаки 9—11 встре-

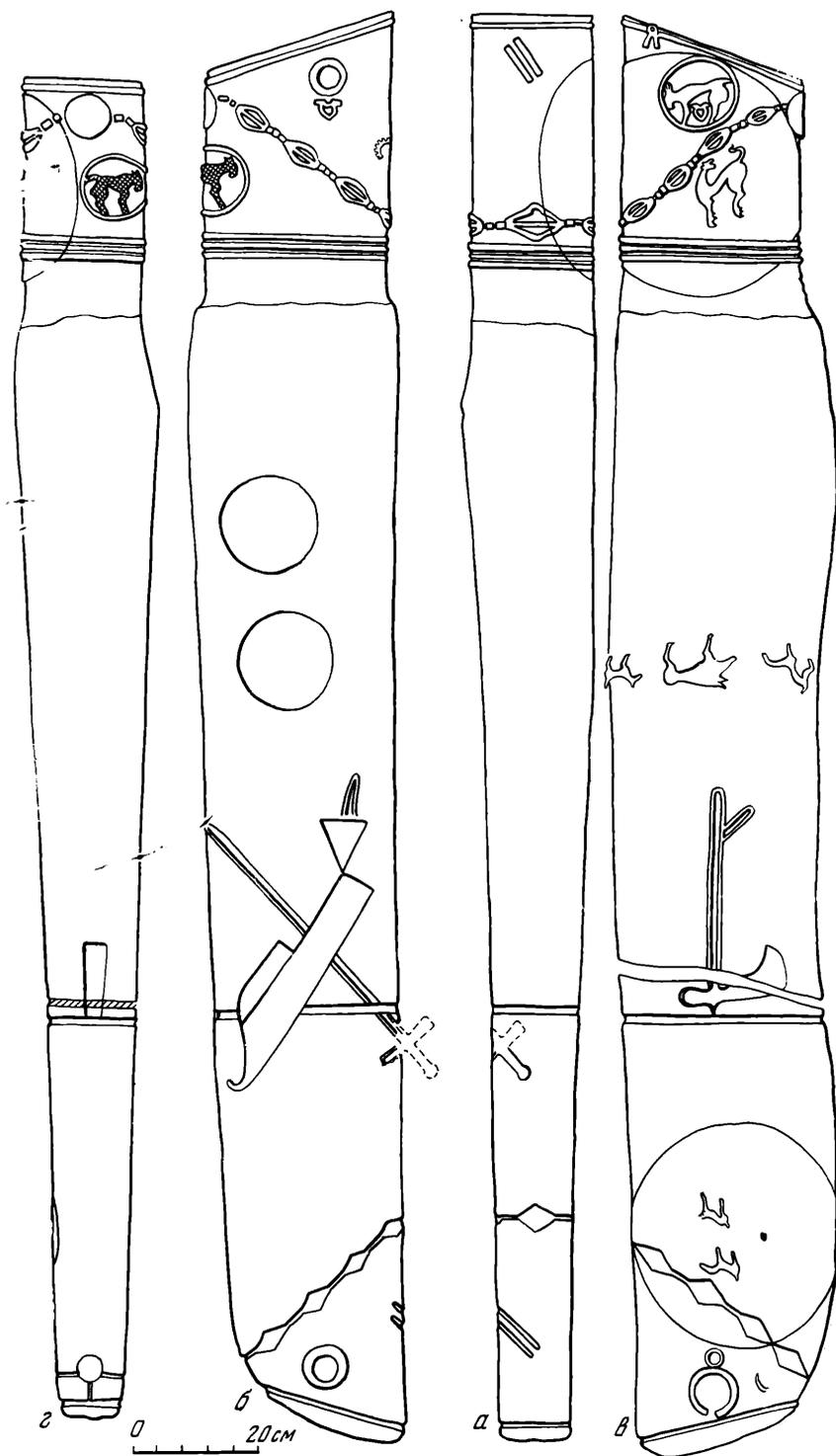

Рис. 1. Олений камень из Zubовского хутора

а — лицевая сторона; б — правая сторона; в — левая сторона; г — оборотная сторона

чаются на всех территориях, хотя и не на каждом изваянии. Это изображения оселка, лука или горига, пояса в виде одной узкой черты. Следовательно, восемь признаков (9—16) свойственны оленьим камням всего ареала, остальные 37 признаков — только памятникам той или иной территории.

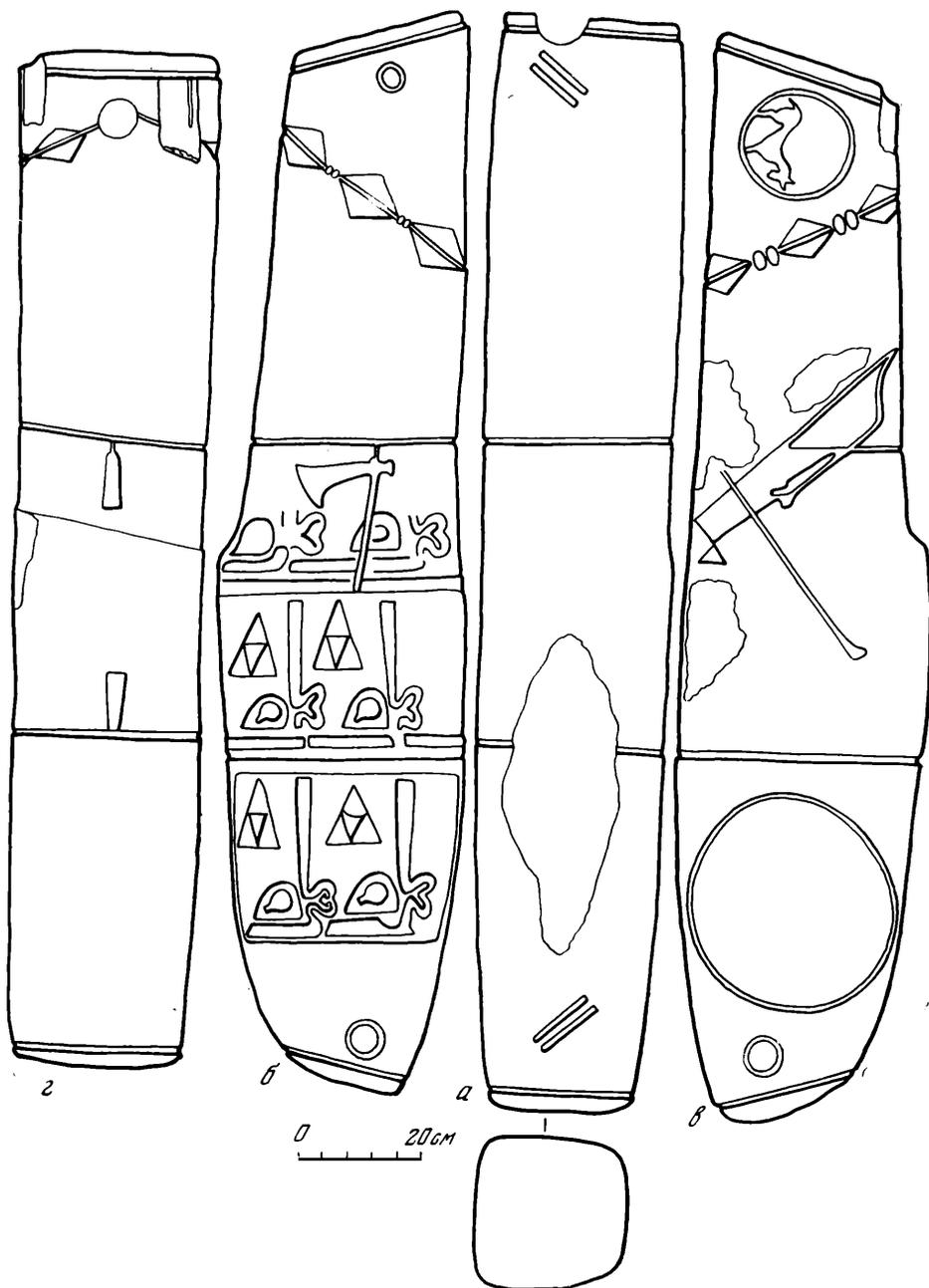

Рис. 2. Олений камень из станицы Усть-Лабинской
 Обозначения те же, что на рис. 1

Северокавказские оленные камни характеризуются 24 признаками — 5—8, 17—36. Признаки 5—8 свойственны как северокавказским оленным камням, так и более западным (с Украины, из Крыма, Добруджи и северо-восточной Болгарии). Это изображение орнаментированного мешка (футляра для стрел?), пояса, заштрихованного несколькими продольными линиями, ножа, ожерелья из крупных овально-ромбических бус с продольным желобком (вероятно, раковин каури или гешировых бус).

С восточными, сибирско-центральноазиатскими, оленные камни Северного Кавказа имеют пять общих признаков (32—36): изображения на голове изваяния ленты или диадемы, две косые черточки на месте

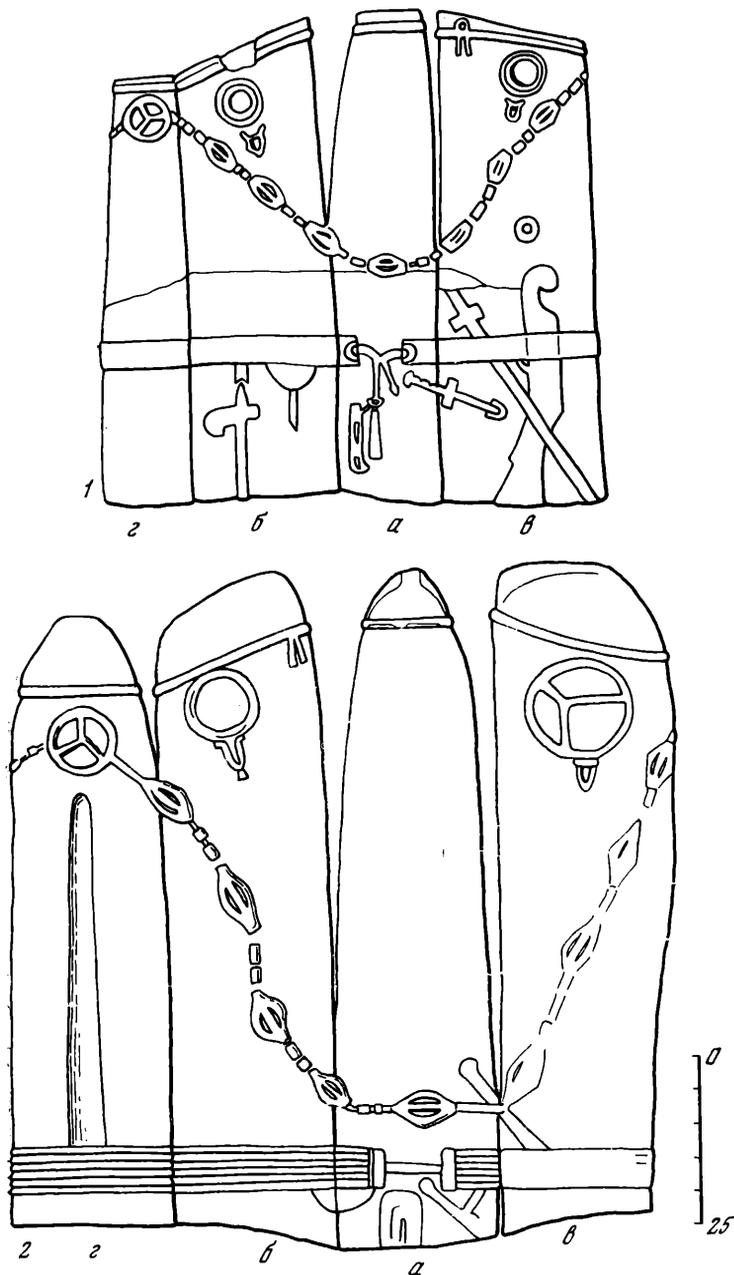

Рис. 3. Оленьи камни из Кызбуруна (1) и из района Армавира (2)
 Обозначения те же, что на рис. 1

лица, изображения кольцевых серег, подвесок в виде животного в кольцевой рамке, животных по бокам изваяния.

Наконец, 15 признаков (17—31) свойственны только северокавказским оленьим камням: головы изваяний показаны обвязанными лентой с узелком на виске; в одном случае, кроме этого, на голове имеется четырехгранный головной убор; на загылке изваяния изображена круглая бляха (сплошная или прорезная), замыкающая ожерелье и иногда соединенная с головной повязкой-лентой; прорезные сердцевидные подвески к серьгам или кольцевым подвескам; иногда изображается широкий гладкий пояс; на концах пояса — парные пряжки, полукруглые или прямоугольные; концы пояса не сходятся, а соединены ремешком или двумя ремешками,

завязанными узлом, так что концы их свешиваются вниз; на одном из концов такого ремешка — пулевидный наконечник, к поясу привешен кинжал каменномоетского типа; за пояс заткнут меч того же типа; к поясу подвешен кобанский топор или секира; все изображения (или многие из них) выполнены в рельефе; некоторые изображения покрыты нарезной сеткой.

Перечисленные предметы, изображенные только на северокавказских оленных камнях и составляющие их отличительные особенности, находят точные параллели в могильниках каменномоетско-березовского типа и типа хут. Кубанского и с. Николаевского, а также в некоторых кобанских могильниках. Это прежде всего оружие — хорошо известные кинжалы и мечи кабардино-пятигорского или киммерийского типа. Таких кинжалов на Северном Кавказе сейчас известно около 30¹¹. Большинство их находок концентрируется в области Кабардино-Пятигорья (особенно в окрестностях Кисловодска). Это кинжалы из могильников Березовского, Эчкивашского, у мебельной фабрики, Султан-гора I, Каменномоетского и из Хабаза, Баксана, Кескема. В Прикубанье они известны в могильниках Николаевском и у хут. Кубанского, из станицы Абадзехской и с. Благодарного; в Северной Осетии — из станицы Змейской; в Чечено-Ингушетии — из могильника Сержень-Юрт; в Дагестане — из могильников Мугерганского и Хосрех¹². Киммерийских мечей известно всего три: из Субботовского городища (длиной 108 см), неизвестного происхождения из Киевского исторического музея (длиной 58 см)¹³ и из Биляра на средней Волге (длиной 54,7 см)¹⁴. На Северном Кавказе пока не найдено ни одного такого меча¹⁵, но они там были, поскольку изображены на изваяниях из Зубовского хутора и Кызбуруна. Изображение на зубовском изваянии меча имеет длину 55,7 см, длина его ручки 5,5 см. Поскольку длина ручек реальных киммерийских кинжалов колеблется от 9,1 до 15 см, причем у длинных кинжалов и мечей преобладают короткие ручки (9,1—12 см)¹⁶, можно предполагать, что меч на зубовском камне изображен в 1/2 натуральной величины. Тогда длина его ручки в натуральную величину — 11 см, а общая длина — 111,4 см. Это немного превышает длину субботовского меча.

Изображение киммерийского кинжала сохранилось полностью на кызбурунском изваянии (рис. 3, 1). У него грибовидное навершие и перекрестье в виде широких лопастей — типичные признаки многих киммерийских кинжалов. На конце клинка — наконечник, точно передающий форму киммерийских наконечников с Северного Кавказа (Эчкиваш, Сержень-Юрт) и с Украины (Субботовское городище)¹⁷. Общая длина изображения кинжала на кызбурунском камне — 15,3 см, длина ручки — 7,5 см. Вероятно, он также изображен в 1/2 натуральной величины. Тогда его длина в натуральную величину составляет 30,6 см, что вполне соответствует длине многих киммерийских и карасукских кинжалов¹⁸.

Изображение топоров на зубовском, усть-лабинском и кызбурунском камнях заставляет вспомнить кобанские топоры. Особенно они напоминают миниатюрное изображение такого топора, отлитое вместе с ручкой из бронзы (Кобанский могильник)¹⁹. Топорик с кызбурунского камня, пожалуй, еще более напоминает каменные топорики, найденные в могильниках у хут. Кубанского и Султан-гора I²⁰. Парные прямоугольные поясные пряжки на армавирском изваянии несомненно изображают кобанские пряжки. Показан даже желобок на той ее части, которая обращена к поясу. Это типичная особенность кобанских пряжек. Правда, на сохранившихся в погребениях кобанских поясах находят по одной пряжке²¹, но рассматриваемые изваяния показывают, что их носили и по две. Парные пряжки полукруглой формы с кызбурунского изваяния кобанских параллелей не находят. Они весьма напоминают урартские и фригийские пряжки и относятся к малоазиатским элементам восточноевропейских и кавказских оленных камней, на которых в данной статье мы не останавливаемся²². Уже приходилось сравнивать продольно заштрихованные пояса на ольвийском и белоградецком оленных камнях с металличе-

скими кобанскими поясами с продольными ребрами, широко представленными, например, в могильнике Тли²³. Теперь такой кобанский пояс найден и на северокавказском оленнем камне из Армавира.

На конце одного из маленьких ремешков, которым завязан пояс на кызбурунском изображении, показано расширение, несомненно изображающее пулевидный наконечник ремешков того типа, которые известны из каменномоетских и кобанских погребений²⁴.

Упомянутые вещи, особенно киммерийские кинжалы и мечи, а также каменные топорки указанной формы, известные по памятникам VIII—VII или скорее VII вв. до н. э., позволяют хорошо датировать северокавказские оленние камни.

Украшения, изображенные на них, также находят параллели в каменномоетских и кобанских памятниках. Это овально-ромбические бусы, возможно из раковин каури или гешировые; подвески, изображающие животных в кольцевой рамке, известные в кубанских памятниках (правда, более позднего времени — IV в. до н. э.)²⁵. Поскольку на зубовском камне эти подвески изображены вместе с киммерийским мечом, мы вправе заключить, что они бытовали по крайней мере с VII в. до н. э. Фигурки лошадок в кольцевых рамках, изображенные на зубовском камне, покрыты косой нарезной «сеткой». Этот прием встречается на бронзовых изображениях кобанских животных (например, косой сеткой покрыта морда лошадки из Кубанского могильника, фигурка лошади на кобанском топоре из могильника Тли)²⁶. Сами фигурки животных на зубовском камне довольно геометризированы, это свойственно многим изображениям животных на кобанских пряжках и др.

Изображенные на зубовском камне животные показаны стоящими «на кончиках копыт», со вскинутым крупом, друг под другом. Такие изображения широко распространены в Евразии, в том числе и на Кавказе (стоящие друг под другом олени на поясе из Душети, VI в. до н. э.; пряжка из Фаскау того же времени; многочисленные изображения из могильника Тли; олени на черволощенных сосудах из Нальчика и Ставропольского кургана и др.)²⁷.

Таким образом, большинство вещей, изображенных на северокавказских оленних камнях, встречается в памятниках кобанской культуры каменномоетского типа и типа могильников у хут. Кубанского и с. Николаевского. Этим и определяется их культурная принадлежность. Она подтверждается и инвентарем впускных погребений в курганах у Зубовского хутора и станицы Усть-Лабинской, к которым, видимо, и относились найденные в этих курганах изваяния²⁸. Что же касается этнической принадлежности населения, оставившего эти камни, то ее можно определить как киммерийскую. Основанием для этого могут служить следующие соображения: 1) рассматриваемые памятники относятся к VII, а может быть, и к VIII—VII вв. до н. э. и отличны от скифских изваяний типа «каменных баб», распространенных на тех же территориях (Северное и Северо-Западное Причерноморье, Крым, Северный Кавказ); 2) изображенные на оленних камнях оружие и другие предметы находятся в погребениях, которые принято определять как киммерийские; 3) памятники каменномоетско-березовские и типа хут. Кубанского и с. Николаевского авторы считают киммерийскими. Подробнее эти аргументы уже рассматривались²⁹. Наша трактовка восточноевропейских оленних камней как киммерийских была принята и А. И. Тереножкиным³⁰. Дополнительные аргументы в пользу трактовки восточноевропейских и северокавказских оленних камней как киммерийских представляют малоазийские, урартские и фригийские параллели, датированные концом VIII—началом VII в. до н. э., т. е. временем взаимоотношений киммерийцев с Урарту и разгромом ими Фригийского царства³¹.

- 1 Савинов Д. Г. О культурной принадлежности северокавказских камней-обелисков.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977. В указанной статье Д. Г. Савинова даны неточные прорисовки этих камней, поэтому в настоящей статье даны новые обмерные рисунки Н. Л. Членовой (1978 г.).
- 2 Членова Н. Л. О связях Северо-Западного Причерноморья и Нижнего Дуная с Востоком в киммерийскую эпоху.— In: *Studia Thracica*. София, 1975, с. 85, рис. VI, 1, с. 86.
- 3 Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Западные пределы распространения оленных камней и вопросы их культурно-этнической принадлежности.— В кн.: Монгольский археологический сборник. Новосибирск, 1978.
- 4 Попов С. А. Археологические находки на территории Оренбургской области.— АЭБ, Уфа, 1964, т. II, с. 261, рис. 1, 7, 8, с. 264; Членова Н. Л. О связях..., рис. VI, 4.
- 5 Чеченов И. М. Некоторые проблемы этнической истории Центрального Кавказа в свете новейших исследований на территории КБ АССР.— В кн.: VIII Крупновские чтения: Тезисы докл. Нальчик, 1978, с. 6—7; Батчаев В. М., Керешов Б. М. Оленный камень из Кабардино-Балкарии.— СА, 1980, № 3; Гриневич К. Э. Отчет об археологических исследованиях 1949 г.— Архив ИА, д. 350, л. 15, 98, рис. 31; Армавирский краеведческий музей; ОАК за 1900 г. СПб., 1902, с. 38—40; ОАК за 1903 г. СПб., 1906, с. 67—68, рис. 21; Меликсет-Бекоев Л. М. Мегалитическая культура Грузии. Тбилиси, 1938, табл. XLII—XLIII. На груз. яз.; Он же. Вишапы и вишапоиды Грузии.— КСИИМК, 1947, вып. XV, с. 34, 36, рис. 12; Раскопки В. Н. Корпусовой 1977 г., сообщено А. И. Тереножкиным; Раскопки А. А. Миллера, 1930 г.; Fabricius I. W. «Tzareva mohila» près de Kryvoï Rog (gouv. de Kherson), fouilles exécutées par V. I. Gochekévitch en 1907/1908.— ESA, 1929, t. 4, p. 127—129, fig. 2, 2a; Раскопки О. Г. Шапошниковой, сообщено Е. В. Черненко и В. С. Бочкаревым; Одесский гос. археологический музей, инв. № А-50748, издан: Членова Н. Л. О связях..., рис. VI, 1; Barnea I. Idol feminin sau «kamennaia baba»?— SCIV, 1962, t. XIII, N 1; Тончева Г. Два надгробных монументальных памятника фракийским вождям.— *Thracia. Serdicae*, 1972, 1; G. Kirchner: Die Menhire in Mitteleuropa und die Menhirgedanke. Wiesbaden, 1955, Taf. XXII, c, S. 791; Савинов Д. Г., Членова Н. Л. Указ. соч.
- 6 Кыласов Л. Р. Ушукский курган Аржан и вопрос о происхождении сакской культуры.— СА, 1977, № 2, с. 74, рис. 4.
- 7 Ядринцев Н. М. Описание сибирских курганов и древностей.— В кн.: Древности. М., 1883, с. 195. (Тр. MAO; Т. 9); М., 1886, табл. IV, 4 (Тр. MAO; Т. 11); Потанин Г. Н. Памятники древности в Северо-Западной Монголии.— Там же, М., 1885, т. 10, с. 52; 1886, т. 11, табл. II, 10; Адрианов А. В. К археологии Западного Алтая.— ИАК, 1916, вып. 62, с. 75, рис. 33; Савинов Д. Г. Археологические памятники в районе хребта Чихачева.— АО 1971 г. М., 1972, с. 286; Кубарев В. Д. Первые работы в долине р. Юстыд.— АО 1976 г. М., 1977, с. 210—211; Доклад В. А. Могильникова в секторе скифо-сарматской археологии ИА АН СССР 10 мая 1978 г. о раскопках могильника Кызыл-Джар IV на Алтае в 1977 г.
- 8 Маннай-оол М. Х. Оленные камни Тувы.— УЗ ТНИИЯЛИ, 1968, вып. XIII; Грязнов М. П., Маннай-оол М. Х. Третий год раскопок кургана Аржан.— АО 1973 г. М., 1974, с. 194—195.
- 9 Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 43; Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1970, ч. 2, с. 58—63, табл. 79—91.
- 10 Волков В. В., Новгородова Э. А. Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия).— В кн.: Первобытная археология Сибири. М., 1975, с. 78.
- 11 Podborský V. Stramberska dýka s křížovým jílcem a otázka rozšíření, původu a datování těchto dýk v Evropě.— AR, Praha, 1968, XIX; Тереножкин А. И. Киммерийские мечи и кинжалы.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, рис. 9, 10; Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа с карпато-дунайским миром.— Там же, с. 68—69, рис. 9, 10.
- 12 Последняя находка — из раскопок О. М. Давудова (1977 г.), которому авторы признаты благодарности за сообщение.
- 13 Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев, 1976, с. 83—84, рис. 19, 1; с. 81—82, рис. 47, 3.
- 14 Халиков А. Х. Железные кинжалы из Волго-Камья.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 276, рис. 1, 1; Членова Н. Л. О связях..., с. 76, табл. 1, № 13.
- 15 Возможно, что железный меч был найден во впускном погребении кургана 1 у станции Усть-Лабинской (где был найден и дублируемый оленный камень). До раскопок Н. И. Веселовского в 1903 г. этот курган подвергался грабительским раскопкам, и есть сведения, что в верхней его части была найдена железная сабля (меч?) (Отчет Н. И. Веселовского за 1903 г.— Архив ЛОИА, ф. 1, д. 14, л. 101).
- 16 Членова Н. Л. О связях..., с. 76, табл. 1, № 11—17; длина ручки киевского меча — 12,6 см (благодарим В. С. Бочкарева за рисунок этого меча в натуральную величину).
- 17 Виноградов В. Б. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время. Грозный, 1972, с. 336, рис. 20, 3, 4; Козенкова В. И. Связи Северного Кавказа..., с. 67, рис. 9, 2; Тереножкин А. И. Киммерийцы, с. 84, рис. 49, 2; с. 85, рис. 50, 3, 4.
- 18 Членова Н. Л. О связях..., с. 76, табл. 1, № 18—21; Она же. Карасукские кинжалы. М., 1976, с. 74, табл. А, № 9—20; с. 78, табл. Б, № 4—8, с. 80, табл. В, № 1, 3, 4.
- 19 Уварова П. С. Могильники Северного Кавказа.— МАК, СПб., 1900, VIII, табл. XXIX, 5.
- 20 Анфимов Н. В. Новый памятник древнемеотской культуры (могильник хут. Кубанского).— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 41, 42; рис. 6; Рунин А. П. Отчет об археологических работах 1964 г.— Архив ИА АН СССР, р. 1, д. 2869.

- ²¹ *Техов Б. В.* Центральный Кавказ в XVI—X вв. до н. э. М., 1977, рис. 95—98.
- ²² См. об этом: *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Указ. соч.
- ²³ *Техов Б. В.* Раскопки Глийского могильника в 1960 г.— СА, 1963, № 1, рис. 8, 5, 6, с. 172; *Членова Н. Л.* О связях..., с. 86.
- ²⁴ Например, из могильников у Мебельной фабрики, Эчкиваш, Верхняя Рутха, Зандак. См.: *Виноградов В. Б., Рунчи А. П., Мизайлов Н. М.* Новое о кобанской культуре Центрального Предкавказья.— АЭС, Грозный, 1976, т. IV, с. 54, рис. 1, 15; с. 59, рис. 6, 6, 16; *Крупнов Е. И.* Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 460, табл. XXXVIII, 9—13; *Козенкова В. И.* Кобанская культура: Восточный вариант. М., 1977, табл. XXI, 30.
- ²⁵ *Rostovtzeff M.* Iranians and Greeks in South Russia. Oxford, 1922, p. 194, fig. 21 A, p. 201, 237; *Членова Н. Л.* Скифский олень.— МИА, 1962, № 115, с. 185, табл. V, 1.
- ²⁶ *Уварова П. С.* Указ. соч., табл. XVII, 3; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., рис. 74.
- ²⁷ *Артамонова-Полтавцева О. А.* Культура северо-восточного Кавказа в скифский период.— СА, 1950, XIV, с. 95, 98, рис. 48; *Членова Н. Л.* Скифский олень, табл. IV, 3, 4; *Техов Б. В.* Центральный Кавказ..., рис. 70, 74, 77, 80; *Пиотровский Б. Б., Исесен А. А.* Моздокский могильник. Л., 1940, с. 36, рис. 10; с. 34, рис. 6; табл. XII, 1.
- ²⁸ *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности..., с. 123.
- ²⁹ *Членова Н. Л.* О связях...; *Она же.* Памятники I тысячелетия до н. э. Северного и Западного Ирана в проблеме киммерийско-карасукской общности.— В кн.: Искусство и археология Ирана: Всесоюзная конференция 1969 г. Доклады. М., 1971.
- ³⁰ *Тереножкин А. И.* Киммерийцы, с. 118—119.
- ³¹ *Савинов Д. Г., Членова Н. Л.* Указ. соч.

Ю. С. ГРИШИН

О «ФИГУРНЫХ» ПЛИТОЧНЫХ МОГИЛАХ ЗАБАЙКАЛЬЯ И МОНГОЛИИ

Среди погребальных памятников культуры плиточных могил Забайкалья и Монголии особый интерес представляют так называемые фигурные плиточные могилы. В отличие от обычных плиточных могил, имеющих четырехугольную форму с прямыми сторонами, образованными стоящими на ребре каменными плитами, они характеризуются вогнутыми боковыми сторонами при плоской каменной насыпи. По внешнему виду эти могилы зачастую напоминают как бы распластанную шкуру животного (рис. 1). Встречаются они довольно редко. Территория их распространения ограничена некоторыми регионами внутри ареала культуры плиточных могил. «Фигурные» плиточные могилы зарегистрированы в Западном Забайкалье, отчасти в долине Баргузина и преимущественно в долине Селенги и ее притоков. Далее к югу они встречаются уже на территории Монгольской Народной Республики, на р. Толе, входящей в бассейн Селенги, и еще южнее, в гобийской зоне Убурхангайского аймака¹. Кроме того, отдельные, видимо изолированные, районы их распространения имеются на р. Керулен и во Внутренней Монголии². В соседних областях восточной части Забайкалья и Монголии они отсутствуют³. Таким образом, основная, вероятно прерывистая, полоса их распространения протянулась с севера на юг от Байкала до гобийской зоны Монголии, только по западным районам ареала культуры плиточных могил. Внутри этой полосы «фигурные» плиточные могилы не занимают сколько-нибудь значительных обособленных территорий, а находятся нередко в непосредственном соседстве с могильниками обычных плиточных могил, хотя и располагаются в основном изолированно от них. «Фигурные» плиточные могилы известны и в составе могильников с плоскими каменными насыпями неопределенных очертаний. Последние, возможно, также относятся к «фигурным» плиточным могилам, в значительной степени разграбленным⁴. Как правило, «фигурные» могилы образуют небольшие могильники, состоящие из двух-трех могил. Очень редко их количество достигает десятка.

Вопросы хронологии этих памятников затрагивались исследователями

бронзового и раннего железного века Забайкалья и Монголии. Так, Г. И. Боровка допускал возможность отнесения их к началу скифотагарского времени⁵. Г. П. Сосновский, исходя из особенностей устройства «фигурных» могил, погребальной обрядности и инвентаря, датировал их конечным этапом этой культуры, т. е. III—II вв. до н. э.⁶ Н. Н. Диков справедливо возражая Г. П. Сосновскому, что бронзовая полусферическая пуговица с насечками по краю, обнаруженная в одной из таких могил, не может служить основанием для отнесения всех их к III—II вв. до н. э. высказал предположение о принадлежности забайкальских «фигурных» могил с меридиональной ориентировкой к гуннскому времени, в отличие от более ранних монгольских, у которых преобладает обычная для других плиточных могил широтная ориентировка⁷. А. П. Окладников исследовал на горе Тапхар в долине р. Уды в Забайкалье «фигурную» плиточную могилу с костяком человека, ориентированным на запад. На основании находок в ней фрагментов глиняного сосуда с шахматной (вафельной) орнаментацией он отнес эту могилу к начальному периоду культуры плиточных могил⁸. В. В. Волков, опираясь на собственные раскопки «фигурных» плиточных могил в Монголии, фактически отвергал возможность их датировки концом I тысячелетия до н. э., указав на ранние особенности погребального обряда (захоронения покойников на животе)⁹.

Для решения вопроса о датировке «фигурных» могил и определения места этих памятников в культуре плиточных могил Забайкалья и Монголии необходимо напомнить основные сведения о сравнительно малочисленных (около полутора десятков) исследованных раскопках захоронениях. По своему внутреннему устройству и погребальному обряду они во многом не отличаются от обычных плиточных могил (могильные ямы под каменной кладкой, труположения, обычно ориентированные по линии запад—восток с некоторыми отклонениями). Но в ряде случаев имеются некоторые существенные особенности.

К сожалению, погребальный инвентарь встречается в рассматриваемых могилах очень редко, что затрудняет решение вопроса об их хронологии. Уже упоминались находки бронзовой полусферической пуговицы с насечками по краю и фрагментов глиняного сосуда с техническим вафельным орнаментом. В одной из могил, недавно исследованной Е. А. Хамзиной и пока не опубликованной, были найдены бронзовое шило с кольчатым окончанием рукоятки и бронзовая восьмерковидная пряжка с намеченным утолщением на месте шпенька¹⁰.

Глиняная посуда с вафельной орнаментацией в датированных забайкальских памятниках является довольно ранней, глазовско-шиверской по возрасту. В более северных районах Якутии она бытовала на протяжении большей части II и в самом начале I тысячелетия до н. э.¹¹ Аналогии бронзовому шилу с кольчатым окончанием рукоятки можно найти среди железных шильев раннего гуннского Иволгинского городища конца I тысячелетия до н. э. Бронзовая восьмерковидная пряжка, найденная с шилом, имеет параллели в памятниках тагарского или переходного тагарско-таштыкского времени в Минусинской котловине¹². Таким образом, «фигурные» плиточные могилы в хронологическом отношении укладываются в пределы I тысячелетия до н. э., совпадая по времени с культурой плиточных могил в целом¹³.

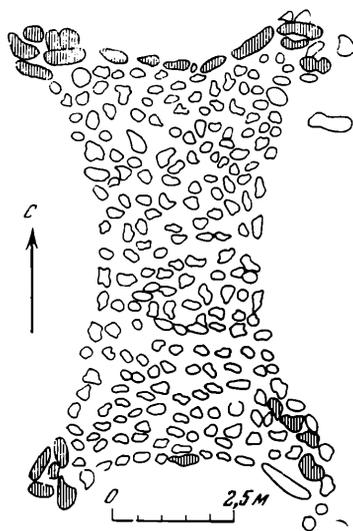

Рис. 1. Фигурная плиточная могила (Забайкалье. Сосновая падь, могила 113)

В пользу этой даты говорит и такая особенность погребального обряда, как захоронение покойников на животе. Такие захоронения известны на Байкале в конце II—начале I тысячелетия до н. э. (шиверский этап) и даже в сравнительно ранних памятниках эпохи бронзы (погребения афанасьевского времени в Минусинской котловине и иньского времени в Китае)¹⁴. На период, близкий к концу I тысячелетия до н. э., может указывать наличие фигурных плиточных могил с захоронением покойников во внутренних каменных ящиках. Плиточные могилы такого типа, как показали последние исследования, являются довольно поздними. Каменные ящики-гробы отмечаются и среди гуннских погребений¹⁵.

К числу особенностей погребального обряда в фигурных могилах относится и появляющийся, видимо, уже в конечном периоде культуры плиточных могил обычай частичного трупосожжения. Он зарегистрирован в двух забайкальских погребениях¹⁶. В обычных плиточных могилах использование огня в погребальном обряде (небольшие очажки или кострища) отмечается для сравнительно позднего времени (Саянтуй, погребение 10, 91—V—III вв. до н. э.). Однако трупосожжения ни в одном случае не были зафиксированы¹⁷.

Таким образом, вряд ли возможно считать «фигурные» плиточные могилы простой хронологической разновидностью обычных плиточных могил. Расположение их лишь на небольшой части всей территории, занимаемой последними, как правило, в виде обособленных могильников и могил, своеобразная форма надмогильного сооружения и некоторые важные особенности погребального обряда заставляют считать эти памятники принадлежащими особой группе населения культуры плиточных могил, видимо, неоднородной по этническому составу.

Можно предположить, что группа населения, оставившая «фигурные» плиточные могилы, жила первоначально лишь на ограниченной территории в пределах забайкальско-монгольских степей. В эпоху формирования ранних кочевых обществ, которая характеризовалась постоянными войнами, набегами, борьбой за скот и пастбища, эта группа попала в зависимость от более сильных племен культуры плиточных могил и частично была вытеснена ими из мест первоначального обитания. Изгнанные со своей родины, они могли продвигаться в другие, в том числе весьма отдаленные районы. Возможно, поэтому «фигурные» плиточные могилы зарегистрированы местами на прямо противоположных окраинах огромной территории культуры плиточных могил, например близ Байкала и во Внутренней Монголии. В конечном итоге группы населения, оставившие «фигурные» плиточные могилы, могли войти в союз племен культуры плиточных могил, предположение о существовании которого уже высказывалось исследователями¹⁸.

¹ Боровка Г. И. Археологическое обследование среднего течения р. Толы.— В кн.: Северная Монголия. Л., 1927, т. II, с. 62—63; Сосновский Г. П. Плиточные могилы Забайкалья.— Тр. отдела первобытной культуры Гос. Эрмитажа, 1941, т. 1, с. 282—298 и карта; Волков В. В. Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 37.

² Боровка Г. И. Указ. соч., с. 61; Окладников А. П. Новые данные по древнейшей истории Монголии.— ВДИ, 1951, № 4, с. 163.

³ Диков Н. Н. Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, с. 31; Волков В. В. Указ. соч., с. 35.

⁴ Боровка Г. И. Указ. соч., с. 62; Сосновский Г. П. Указ. соч., с. 288.

⁵ Боровка Г. И. Указ. соч., с. 63.

⁶ Сосновский Г. П. Указ. соч., с. 308.

⁷ Диков Н. Н. Указ. соч., с. 33.

⁸ Окладников А. П. Археологические исследования в бассейне р. Уды летом 1958 г.— Зап. Бурят. науч.-исслед. ин-та культуры, 1958, вып. XXV, с. 205.

⁹ Волков В. В. Указ. соч., с. 43, 44.

¹⁰ Пользуясь случаем принести глубокую благодарность Е. А. Хамзиной за предоставленную возможность ознакомления с этими материалами.

¹¹ Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья.— МИА, 1955, № 43, с. 198—200; Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация камельного века Якутии. М., 1969, с. 193, 194; Мочанов Ю. А., Федосеева С. А. Абсолютная хро-

- нология голоценовых культур Северо-Восточной Азии.— В кн.: Якутия и ее соседи в древности. Якутск, 1975, с. 46.
- ¹² Davidova A. V. The Ivolga Gerodische a monument of the Hiungnu culture in the Trans-Baikal region.— ААН. Budapest, 1968, t. 20. fig. 16. 12—18; *Кыргыссы Л. Р.* Таштыкская эпоха. М., 1960, рис. 29. 5: *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1968, с. 79, 80. табл. 17, 20, 21.
- ¹³ *Гришин Ю. С.* Бронзовый и ранний железный века Восточного Забайкалья. М., 1975, с. 62—64.
- ¹⁴ *Волков В. В.* Указ. соч., с. 44.
- ¹⁵ Там же, с. 43, 45; *Гришин Ю. С.* Указ. соч., с. 49.
- ¹⁶ *Диков Н. Н.* Указ. соч., с. 31.
- ¹⁷ Там же, с. 41, 63.
- ¹⁸ *Ларичев В. Е.* О происхождении культуры плиточных могил Забайкалья.— В кн.: Археологический сборник. Улан-Удэ, 1959, 1, с. 72, 73; *Окладников А. П.* Ранняя история Забайкалья в свете новых исследований: Итоги и проблемы.— В кн.: 50 лет освобождения Забайкалья от белогвардейцев и иностранных интервентов. Чита, 1973, с. 28.

В. Г. ПЕТРЕНКО

ИЗОБРАЖЕНИЕ БОГИНИ ИШТАР ИЗ КУРГАНА В СТАВРОПОЛЬЕ

В 1973—1974 гг. Ставропольской экспедицией Института археологии АН СССР под руководством автора у хут. Красное Знамя в Александровском районе Ставропольского края был исследован большой курган, оказавшийся чрезвычайно интересным памятником скифской архаики¹. Детальное рассмотрение предметов, составляющих комплекс находок в кургане, представляет большой интерес как в плане изучения начальных этапов скифской культуры, так и ее связей с соседними областями, в частности с Передней Азией.

В одной из исследованных под насыпью кургана гробниц между останками двух взузданных коней, лежавших слева от входа и сохранившихся *in situ*, найдены девять бронзовых обойм, которые, по-видимому, должны интерпретироваться как украшения дышла колесницы или повозки². Восемь из них имеют вид цилиндрических трубок длиной от 2,7 до 11 см и диаметром от 2,7 до 6 см. Поверхность обойм украшена тисненым орнаментом в виде групп частных горизонтальных полос, чередующихся с гладкими плоскостями.

Одна из обойм отличается от других размерами, формой и орнаментацией. Она согнута из прямоугольного бронзового листа, в первоначальном виде имевшего ширину 17,7 см. По всему периметру листа примерно через каждый сантиметр были пробиты отверстия диаметром 0,2 см. В отверстиях наружной стороны обоймы сохранились бронзовые, тыльной — железные заклепки. К сожалению, обойма оказалась сильно фрагментированной и с большим трудом поддавалась реставрации. Сохранилось пять крупных и несколько мелких обломков (рис. 1, 2.) Судя по изогнутости крупных фрагментов, пластина была набита на овальный деревянный предмет шириной около 13 см.

Обойма орнаментирована группами горизонтальных полос (по восемь в каждой), выполненных тиснением, чередующихся с гладкими плоскостями. В центре лицевой стороны оттиснут круглый медальон, в который вписан круг, обрамленный лучами, завершающимися четырехлепестковыми розетками. В центральном круге помещена человеческая фигура так, что голова ее выступает за пределы круга и находится на одном уровне с лучами. Изображение профильное, правостороннее, выполнено гравировкой. Лицо безбородое, на голову надета рогатая тиара, из-под которой до плеч спадают разделенные на пряди волнистые волосы. Обозначено ухо с серьгой. Фигура человека очень сильно испорчена и фрагментирова-

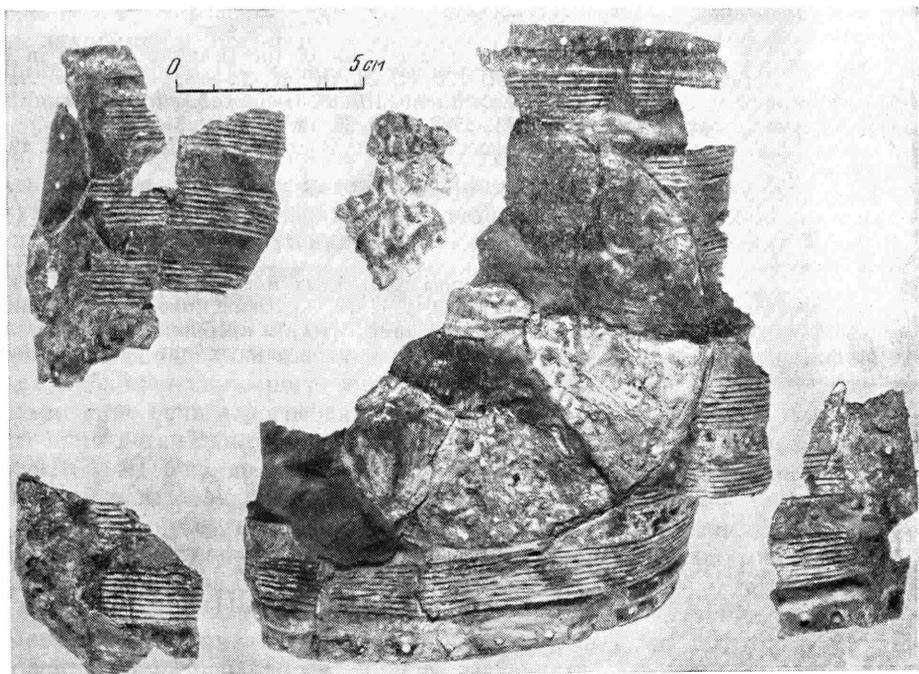

Рис. 1. Обойма от дышла из кургана у хут. Красное Знамя

Рис. 2. Фрагмент изображения богини

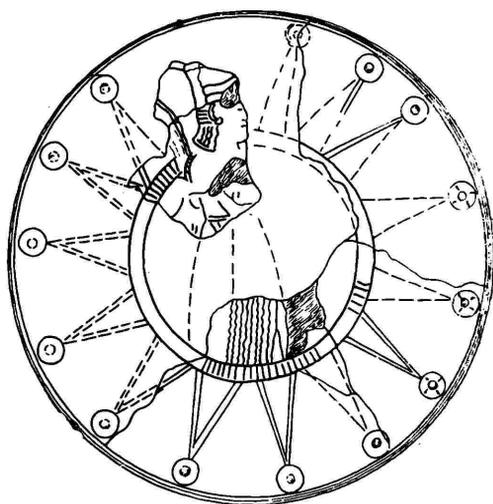

Рис. 3. Реконструкция изображения на центральном медальоне обоймы из кургана у хут. Красное Знамя

на. Читается овал правого плеча и выступающий из-за него какой-то предмет. Платье как будто перехвачено в талии поясом. Частые волнистые линии, видные на некоторых фрагментах, обозначают, вероятно, складки ткани на подоле. Круг, обрамляющий фигуру, образован двумя линиями выпуклой полосы, расчлененной рубчиками. Лучи, отходящие от круга, выполнены двойными линиями, сходящимися к розетке. Реконструкция изображения показывает, что лучей должно было быть от 14 до 16 (рис. 3). Это уникальное для скифского искусства изображение какого-то астрального божества.

Рис. 4. Сцена охоты из дворца Ашурбанипала (по Р. Д. Барнету)

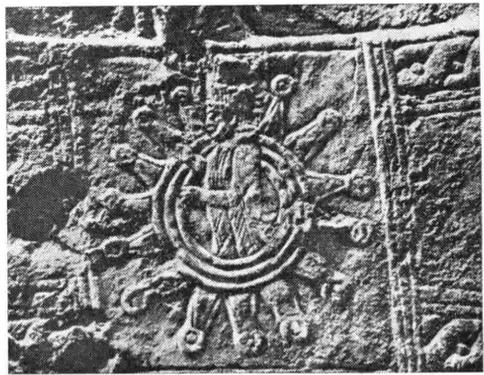

Рис. 5. Фрагмент дышла колесницы с рельефа из дворца Ашурбанипала с изображением богини Иштар

Близкие аналогии рассматриваемому предмету имеются в Ассирии. В Ниневии, на стене комнаты С дворца Ашурбанипала, изображена сцена охоты царя на львов с колесницы, запряженной парой коней. Дышло колесницы в месте скрепления его с кузовом, а также, вероятно, и ступицы колес³ украшены изображением аналогичного божества (рис. 4, 5).

При сравнении ниневийского изображения с нашим видно, что они почти идентичны и отличаются только в деталях. Здесь тот же диск с помещенной в центре безбородой фигурой в тиаре, окруженной четырнадцатилучевой звездой. Каждый луч звезды оканчивается розеткой. Голова фигуры также выступает за пределы круга и располагается между лучами. Руки согнуты в локте, складки ткани одежды показаны волнистой линией. Все изображение на ниневийской колеснице замкнуто в квадрат, что диктовалось формой той части дышла, на которую оно помещено.

Отличия двух сравниваемых изображений состоят в иной форме розеток на концах лучей, а также в том, что вместо одинарного круга, расчлененного рубчиками, на колеснице Ашурбанипала интересующая нас фигура обрамлена тремя выпуклыми кругами. Несколько отличается, по-видимому, и форма тиары⁴. Во всяком случае, тиара изображения из ставропольского кургана вполне традиционна. Эту форму рогатой тиары с тремя валиками в затылочной части мы встречаем на изображениях богов и гениев ассирийских рельефов не позже чем с начала I тысячелетия до н. э.⁵

По мнению Р. Д. Барнета, на дышле колесницы Ашурбанипала следует видеть «богиню, вероятно Иштар, благославляющую и держащую кольцо, которое образует центр любопытного лучистого диска, предположительно звезды»⁶. В панетоне ассирийских богов Иштар была наиболее

почитаемой богиней, приближающейся к рангу верховного бога Ашура⁷. Она выступает в двух ипостасях: с одной стороны, как богиня любви и плодородия, с другой — как богиня войны и охоты. Олицетворением Иштар считалась планета Венера, которая изображалась обычно в виде звезды с восемью или шестнадцатью лучами в круге в сочетании с лунным серпом и солнечным диском⁸. В Ассирии особенно подчеркивалось значение Иштар как богини войны, которая выступает во главе войск и делает сражения победоносными⁹. На стеле из Тель-Барсиб она изображена в тиаре, над которой помещена восьмилучевая звезда, заключенная в круг. Слева у нее меч, а на спине перекрещены два колчана. Левая рука держит льва, на котором она стоит, а правая поднята в жесте благословения. Аналогичны ее изображения и на ассирийских печатях. Однако иногда ее аксессуарами являлись арфа и бумеранг, только арфа и только лук. Наиболее постоянной принадлежностью Иштар является диск с лучами. Правая рука богини обычно показана поднятой в жесте благословения.

Изображение богини на обойме из кургана у хут. Красное Знамя достаточно своеобразно. Однако наличие здесь шестнадцатилучевой звезды (на месте двух лучей, вероятно, помещена голова богини) подкрепляет предположение, что это именно Иштар, главным символом которой была такая звезда.

Находка среди инвентаря скифского кургана изображения богини, художественный стиль которого безусловно свидетельствует о единстве его с традициями переднеазиатского искусства, является еще одним доказательством связей населения предкавказских степей с Ближним Востоком в третьей четверти VII в. до н. э.¹⁰ Можно было бы предположить, что рассматриваемое украшение происходит с ассирийской колесницы, которая была военным трофеем одного из предводителей скифских дружин, участвовавших в переднеазиатских походах. Однако узда, найденная вместе с обоймами от дышла, находит ближайšie аналогии в ряде памятников Ставрополя и Прикубанья. Спектральный анализ предметов упряжи из кургана показал единый состав металла всех ее бронзовых деталей¹¹. Это может свидетельствовать о местном изготовлении деталей упряжи, в том числе и с изображением Иштар.

Возникает вопрос, как и по чьему заказу выполнено рассмотренное изображение. Мастером, изготовившим его, мог быть приведенный в плен ассириец или вавилонянин, изготовивший изображение в известных ему канонах ассирийской иконографии. Неясно, почему на колеснице скифского вождя была изображена переднеазиатская богиня. Религиозные представления скифов известны далеко не в полном объеме. Можно предположить, что во время походов в Переднюю Азию скифы оказались под определенным влиянием религий расположенных там государств, прежде всего Ассирии. Помещение на колеснице изображения богини Иштар, вероятно, объясняется тем, что оно непосредственно связало с самим предметом — боевой колесницей, а следовательно, и символикой покрывавших ее изображений.

Изображение богини войны могло символизировать ее присутствие и помощь в битве. Военские аксессуары Иштар — меч, лук и колчан — близки скифам.

Представляется, что близкие стилистически изображения богини на предметах одинакового назначения, которые мы видим на пиневийской и ставропольской колесницах, не могут отстоять далеко по времени. Поэтому для нашего изображения мы можем принять дату середина — третья четверть VII в. до н. э.

¹ Петренко В. Г. Ставропольская экспедиция. — АО 1974 г. М., 1975, с. 125.

² Других остатков повозки обнаружено не было, так как гробница сильно попорчена и ограблена еще в древности. Однако предположение, что эти обоймы являлись частями единого гарнитура конской запряжки, подтверждают найденные здесь же бронзовые фалары, выполненные в том же стиле и технике, что и обоймы.

- ³ К сожалению, в имевшемся в моем распоряжении воспроизведении этой сцены фотографии данной детали крупным планом нет. На общем изображении можно рассмотреть на ступице колеса только круг с отходящими лучами, заканчивающимися розетками, и разрыв в верхней части между лучами.
- ⁴ В этой части ниневийское изображение несколько попорчено.
- ⁵ *Barnett R. D. Assyrian Sculpture. Toronto, 1975, pl. 9, 10, 15, 17, 18, 39, 52.*
- ⁶ *Ibid., pl. 107.*
- ⁷ *Jastrow M. Die Religion Babiloniens und Assyriens. Giessen, 1905, S. 214.*
- ⁸ *Dhorme E. Les religions de Balylonie et d'Assyrie. Paris, 1945, p. 67.*
- ⁹ *Ibid., p. 69.*
- ¹⁰ Время правления Ашурбанипала, по Р. Д. Барнету, — 660—630 гг. до н. э.
- ¹¹ Анализ произведен Т. Б. Барцевой в лаборатории естественнонаучных методов Института археологии АН СССР. Пользуясь случаем, приношу Т. Б. Барцевой благодарность за проделанную работу.

В. С. ПАТРУШЕВ

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ИЗ СТАРШЕГО АХМЫЛОВСКОГО МОГИЛЬНИКА

Антропоморфные изображения представляют большой интерес в плане изучения идеологии, социального состава, этнографических особенностей и антропологического типа древнего населения.

В Старшем Ахмыловском могильнике (VIII—VI вв. до н. э.), расположенном в Марийском Поволжье и относящемся к западно-волжскому варианту ананьинской культуры, найдено 12 таких изображений. В большинстве своем это плоские бронзовые идольчики. Некоторые из них хорошо передают тип лица и особенности одежды.

Уникальный идольчик происходит из погребения 249 (рис. 1, 1). На бронзовой пластине длиной 7,5 см переданы контуры человеческого тела. На внешней поверхности рельефными резными линиями обрисованы удлиненные очертания лица, округлые глаза, довольно длинный нос, обведенный параллельными линиями, переходящими в несколько скошенные брови, овальный рот. Шапка усеченно-конической формы, наушники касаются широких приподнятых плеч. Возможно, на ней имелись узоры, переданные косыми линиями. Отведенные в сторону прямые руки подчеркивают стройное тело. Ноги слегка согнуты в коленях. От подбородка до уровня пояса идет вертикальный зигзаг с округлыми выпуклинами, вероятно изображающий застежки с пуговицами. Через бедро к талии с обеих сторон проходят по две косые линии, передающие детали одежды, с помощью которых штанины как бы соединяются с верхней частью костюма. Возможно, впрочем, что так обозначен нижний край короткой куртки. На руках хорошо видны рукавицы с узорами из поперечных полос. На ногах — сапоги, доходящие до колен, окантованные в верхней части и украшенные узорами на голенище. На оборотной стороне пластины имеется дужка для подвешивания.

Фигурка обнаружена в захоронении с неполным скелетом. Из-за отсутствия сопровождающих вещей датировка ее затруднена. Учитывая общую дату памятника, этот идольчик можно отнести к раннеананьинским.

Определенное сходство с чертами лица вышеописанного идольчика наблюдается у антропоморфной фигурки из погребения 263. Сходны удлиненное лицо, глаза и рог овальной формы, сильно вытянутый нос (рис. 1, 2). Косые линии над бровями, возможно, передают узоры на шапке. Лишь формой пластины выделены очертания слегка покатых плеч, туловища и разведенных в сторону рук и ног. Насечки по туловищу и копочностям, возможно, передают складки одежды. Фигурка сопровождалась спиралевидными медными пронизками, навитыми на кожаный

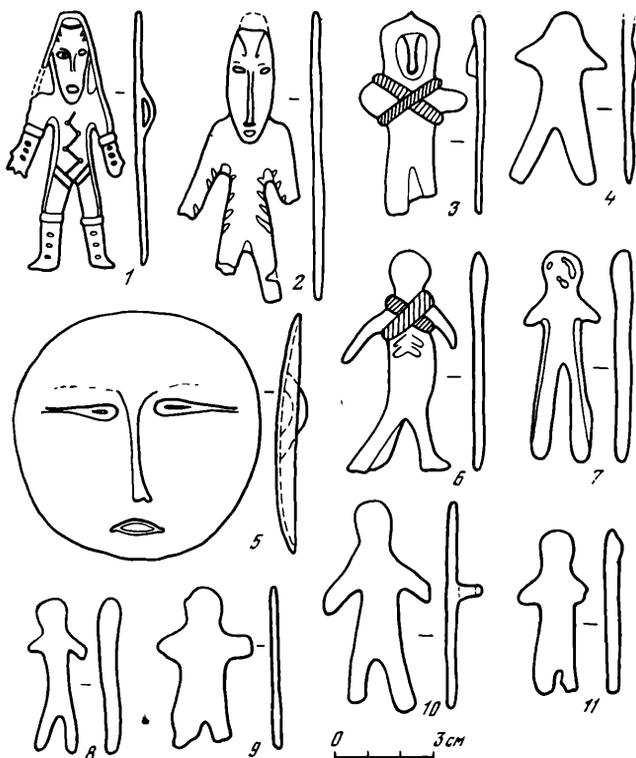

Рис. 1. Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника

1 — погребение 249; 2 — погребение 263; 3 — погребение 240; 4 — погребение 194; 5 — погребение 391; 6 — погребение 301; 7 — погребение 18; 8 — погребение 70; 9 — погребение 109; 10 — погребение 823; 11 — подъемный материал

ремешок (рис. 2, 19), бронзовым кочедыком с рукоятью в виде головки лошади (рис. 2, 6) и четырьмя бронзовыми парными бляшками на ремешке (рис. 2, 1). Последние аналогичны бляшке из погребения 25 Акозинского могильника, которое датировано А. Х. Халиковым VI—V вв. до н. э.¹ С учетом общей даты могильника эту фигурку можно отнести к VI в. до н. э.

Представляет интерес изображение человеческого лица на внешней поверхности бронзовой бляхи из погребения 391 (рис. 1, 5). Бляха округлая, края ее составляют контуры лица. Характерна удлиненная форма глаз со зрачками, переданными штрихами. Брови обозначены пунктирными линиями. Они переходят в длинный прямой нос со слабо обозначенными ноздрями. Уголки губ несколько опущены. Характер передачи черт лица придает ему выражение решимости, некоторой суровости. Бляха с изображением сопровождалась двумя круглыми бусинами из желтой пасты (рис. 2, 14). По комплексу «дома мертвых» № 1, к которому примыкало погребение 391, бляху можно датировать VII—VI вв. до н. э., так как в погребении 359, расположенном в этом сооружении, обнаружены бронзовые трехлопастные (рис. 3, 1) и двухлопастные с шипом (рис. 3, 2) наконечники стрел VII в. до н. э.² и кельт акозинско-меларской формы (рис. 3, 4; III тип, датированный нами VII—VI вв. до н. э.)³. В погребении 358, находившемся в том же сооружении, найден кельт ананьинского типа с шестигранной втулкой, который относится к VI в. до н. э.⁴

Идолчик из погребения 240 отличается маленькой головкой, как бы покрытой капюшоном (рис. 1, 3). На полуовальном лице выделяется вытянутый нос, выступающий над поверхностью пластины. Короткие руки разведены в стороны. Ноги выделены небольшим углублением.

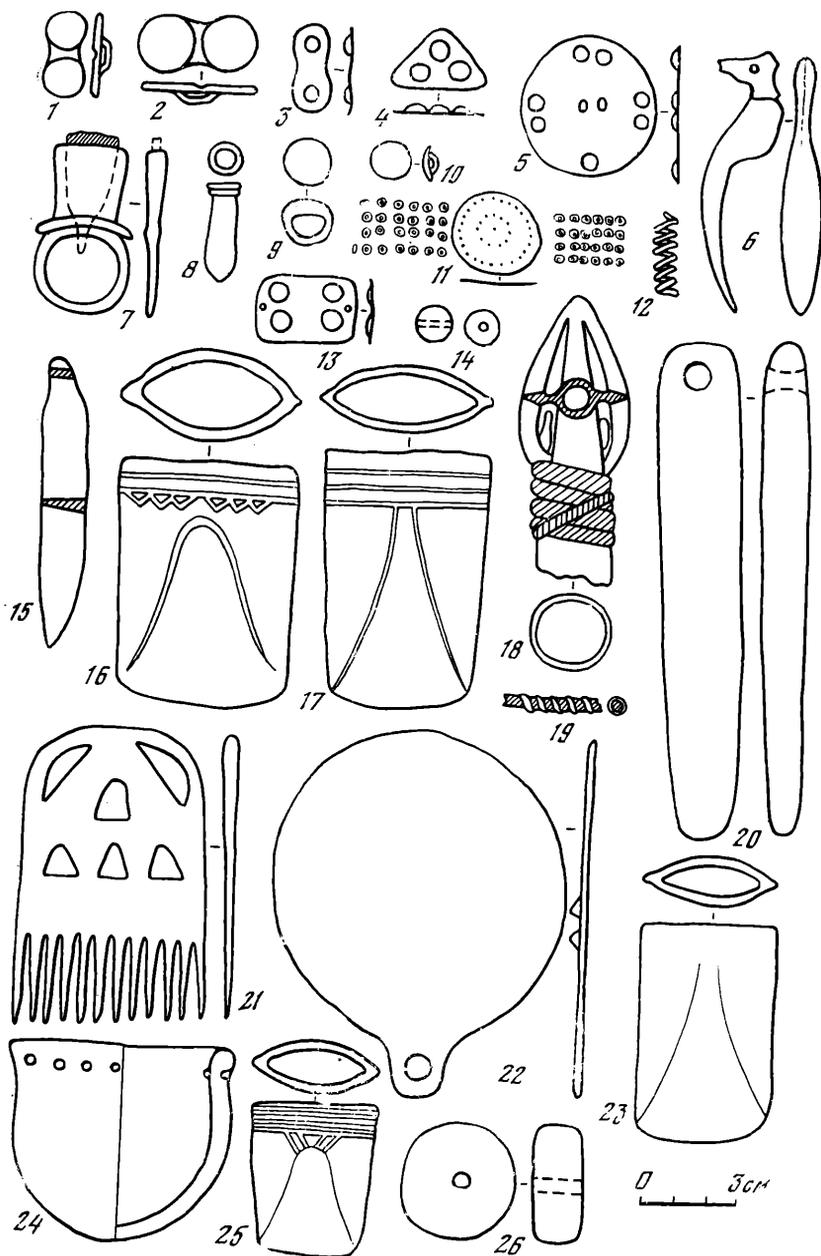

Рис. 2. Инвентарь из Старшего Ахмыловского могильника, найденный вместе с антропоморфными изображениями

1, 2, 6, 19 — погребение 263; 3—5 — погребение 225; 7—9, 17, 18, 20 — погребение 240; 10, 12, 13, 15 — погребение 301; 11, 21—25 — погребение 194; 14 — погребение 391; 16 — погребение 70; 26 — погребение 823.

1—10, 12, 13, 16—19, 22, 23, 25 — медь и бронза; 11 — паста и медь; 14 — паста; 15 — железо; 20 — камень; 21 — кость, 24, 26 — глина

Грудь перехвачена крест-накрест ремнями. В комплексе погребения, кроме рассмотренной фигурки, встречены кельт анабийнского типа с линзовидной в сечении втулкой (рис. 2, 17), который датируется временем от рубежа VIII—VII до VI в. до н. э.⁵, оселок из плотного песчаника (рис. 2, 20) VIII—VII вв. до н. э.⁶, бронзовый наконечник дротика раинного облика (рис. 2, 18)⁷, поясная подвеска с кольцевым завершением (рис. 2, 7) и железный нож с дуговидной спинкой (типа рис. 2, 15).

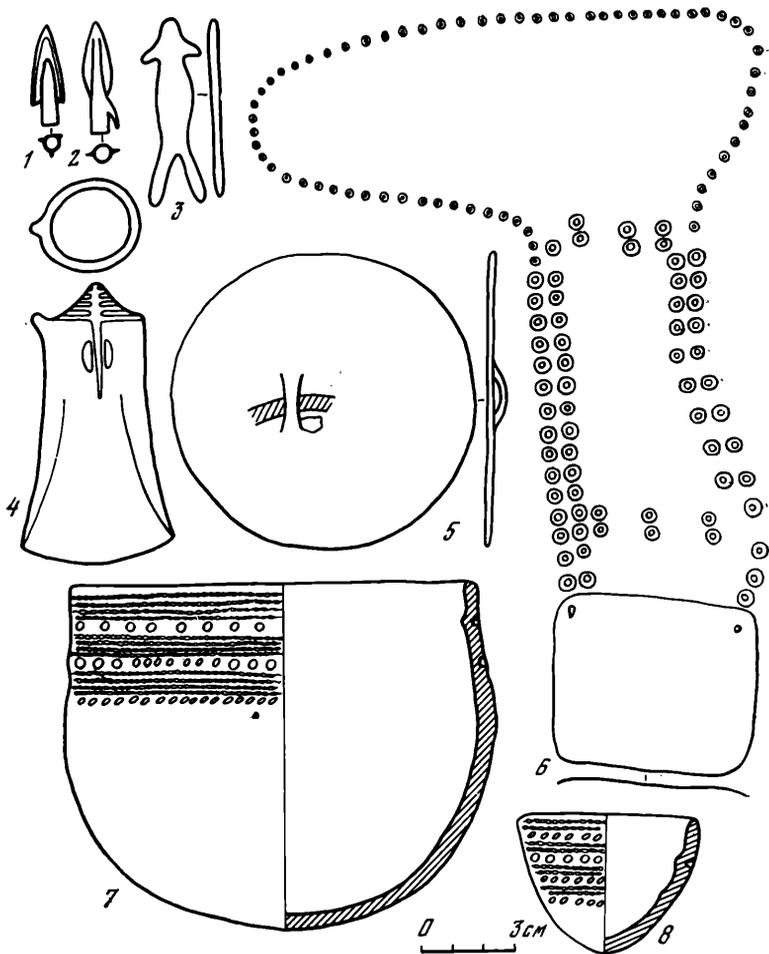

Рис. 3. Бронзовый идольчик и другие находки их Старшего Ахмыловского могильника: 1, 2, 4 — погребение 359; 3, 7, 8 — погребение 225; 5 — погребение 301; 6 — погребение 822. 1—5 — бронза; 6 — паста и медь; 7, 8 — глина

С учетом датировок этих вещей идольчик из погребения 240 можно отнести к VII в. до н. э.

Большую группу антропоморфных изображений составляют идольчики с выступающими головками и отведенными в стороны конечностями, без обозначения черт лица и деталей одежды. Вместе с тем они отличаются друг от друга оформлением отдельных частей.

В погребении 109 бронзовый идольчик с почти квадратной головой (рис. 1, 9) сопровождался бронзовыми парными бляшками (типа изображенной на рис. 2, 2) VI—V вв. до н. э.⁸ С учетом общей датировки могильника погребение датируется VI в. до н. э.

Идольчик из погребения 194 отличается слабо выступающей головкой и сравнительно длинными ногами (рис. 1, 4). Вместе с ним найдены вещи, положенные, видимо, в берестяной короб и перекрытые кожей: железное пило с остатками деревянной ручки, костяной гребень с 12 зубцами (рис. 2, 21), кельт ананьинского типа VIII—VI вв. до н. э. (рис. 2, 23)⁹, второй кельт с несколько иным орнаментом, который датируется второй половиной VII—VI в. до н. э. (рис. 2, 25)¹⁰. Круглодонные сосудики с узорами из одного ряда ямок (рис. 2, 24) также бытовали в VII—VI вв. до н. э.¹¹ Не противоречит этим датам и бронзовое зеркало (рис. 2, 22)¹², находящееся аналогии в Среднем Поднепровье.

Идолычик из погребения 70 отличается узким туловищем и округлой выпуклой головой (рис. 1, 8). Он сопровождался двумя кельтами ананьинского типа с овальной втулкой (рис. 2, 16, 17). Первый датируется концом VIII—VI в. до н. э.¹³, второй — VII—VI вв. до н. э.¹⁴ Близок к нему идолычик из погребения 18 (рис. 1, 7). В женском погребении 225 найдена фигурка с короткими руками, длинными ногами, небольшой головой и утолщенным в области талии туловом (рис. 3, 3). Идолычик сопровождался головным убором из кожи с медными накладками (рис. 2, 3, 4, 5) и двумя глиняными сосудами. Один из них — чашевидный с округлым дном (рис. 3, 7), другой — миниатюрный, с приотстренным дном (рис. 3, 8). Оба сосуда украшены орнаментом из ямок и горизонтальных шнуровых вдавлений. Погребение датировано VII в. до н. э.¹⁵

Бронзовый идолычик из погребения 823, имевший массивную дужку с обратной стороны (рис. 1, 10), сопровождался прямоугольной накладкой от нагрудного украшения (рис. 3, 6). Аналогии таким украшениям в Аозинском могильнике датируются VII—VI вв. до н. э.¹⁶

Во всех случаях, когда удавалось проследить положение идолычика в погребениях, он находился на груди. Часть из них прикреплялась к одежде с помощью дужки на обратной стороне, другие, по-видимому, кожаными ремешками.

Вероятно, рассмотренные антропоморфные изображения играли особую магическую роль и клались в могилы представителей родового культа. О принадлежности идолычиков шаманам могут свидетельствовать и некоторые сопровождающие вещи. Так, в погребении 263 обнаружен бронзовый кочедык с рукоятью в виде головки лошади (рис. 2, 6). В погребении 301 медные накладки (рис. 2, 13) были нашиты на своеобразную, возможно шаманскую, сумку. Любопытно, что восемь из 13 антропоморфных изображений найдены в женских захоронениях. Лишь погребения 70, 194, 240 с кельтами и оружием следует считать мужскими. Трудно определить половую принадлежность погребений 263, 249.

Большинство идолычиков изображают мужские фигуры. Синхронными ахмыловским являются изображения мужчин ананьинцев на каменных стелах из Прикамья. Передача черт лица у них в целом близка к некоторым идолычикам из Ахмылова. Вместе с тем у некоторых антропоморфных изображений из Старшего Ахмыловского могильника лица удлиненные, со сравнительно удлиненным носом и округлыми глазами. В них следует видеть представителей европеоидного типа. Лишь лицо на бляхе из погребения 391 имеет узкий разрез глаз, но удлиненный нос. А. В. Збруева отмечала, что среди населения Прикамья в ананьинское время преобладал ярко выраженный монголоидный тип с относительно невысоким лицом и лишь с некоторой примесью длинноголового европеоидного типа¹⁷. В антропологических материалах Аозинского и Старшего Ахмыловского могильников, принадлежащих населению западно-волжского варианта ананьинской культуры, преобладает европеоидный тип¹⁸. Представляет интерес отмеченная А. Х. Халиковым близость некоторых вещей из западных могильников ананьинской культуры к чирковско-сейминским (Сейминский могильник, Галический клад). Среди них — тесла, бляхи, копыя, а также антропоморфные фигурки¹⁹. У лиц некоторых антропоморфных фигурок из Галического клада такие же вытянутые очертания, длинный нос, округлый рот, как и у ахмыловских. Подобную трактовку лица можно заметить и у так называемых пламенеющих идолов из бассейна р. Печоры, относящихся к более позднему времени²⁰.

¹ Халиков А. Х. Очерки истории Марийского края в эпоху железа.— Тр. МАЭ, Йошкар-Ола, 1962, т. II, с. 73—74.

² Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, табл. I, 1, 13; II, 4.

³ Патрушев В. С. Марийско-Чувашское Поволжье в эпоху раннего железа (VIII—VI вв. до н. э.): Дис. ...канд. ист. наук.— Архив кабинета археологии Марийского университета.

⁴ Там же, с. 261.

- ⁵ Там же, с. 250.
⁶ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 51.
⁷ Прорезные наконечники копий меньших размеров из погребений 23, 36, 58 Луговского могильника А. В. Збруева датирует VIII—VI вв. до н. э. См.: Збруева А. В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, с. 97, табл. XX, 1.
⁸ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 73, табл. XIV, 9.
⁹ Патрушев В. С. Указ. соч., с. 252.
¹⁰ Там же, с. 245.
¹¹ Там же, с. 182—183.
¹² Рабинович Б. О датировке некоторых курганов Среднего Приднепровья.— СА, 1936, I, с. 29 и сл.
¹³ Патрушев В. С. Указ. соч., с. 254.
¹⁴ Там же, с. 247.
¹⁵ Там же, с. 190.
¹⁶ Халиков А. Х. Указ. соч., с. 68—73, табл. X, 7, 8.
¹⁷ Збруева А. В. Указ. соч., с. 20—21.
¹⁸ Акимова М. С. Палеоантропологические материалы из погребений эпохи бронзы и раннего железа с территории Среднего Поволжья.— Тр. МАЭ, Йошкар-Ола, 1962, т. II, с. 235; Халиков А. Х. У истоков финно-угорских народов.— В кн.: Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967.
¹⁹ Халиков А. Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969, с. 205—206.
²⁰ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 96, рис. 5, 18—20.

В. П. КОПЫЛОВ

МЕЧИ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ V В. ДО Н. Э. ЕЛИЗАВЕТОВСКОГО КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА *

Елизаветовское городище и его курганный могильник в дельте Дона являются узловыми памятниками скифского времени Северного Причерноморья. Расположенный на стыке крупнейших этнокультурных массивов — скифского, савроматского и меотского, этот культурно-исторический комплекс представляет большой интерес для решения ряда кардинальных проблем истории скифского периода на Юге СССР.

В последние годы Южно-Донская экспедиция ЛОИА АН СССР, помимо широких работ на Елизаветовском городище, возобновила раскопки расположенного рядом курганного могильника, где исследована группа погребений V в. до н. э., надежно датированных греческой импортной керамикой¹. В инвентаре содержится полный набор вооружения. Целью настоящей работы является публикация мечей из этих погребений.

Большинство мечей имеет простые антенные навершия и бабочковидные перекрестья. А. И. Мелюкова относит такие мечи ко 2-му типу I-го подотдела II отдела².

Наиболее ранний экземпляр найден в кургане 15 (рис. 1, 1)³. Меч имеет двухкольцевое навершие и неширокое бабочковидное перекрестье, наваренные на стержень рукояти уплощенно-овальной в сечении формы. Клинок в сечении линзовидный, имеет вид сильно вытянутого треугольника. Длина меча 48,5 см, ширина клинка у основания перекрестья 4,5 см. На рукояти сохранились следы тонкого ремня, которым она была обмотана. Судя по сохранившимся на клинке следам дерева, меч был положен в могилу в деревянных ножнах. Дата погребения определяется хиосской пухлогорлой амфорой и аттическим чернолаковым киликом (вторая четверть V в. до н. э.)⁴.

Второй меч найден в кургане 40 (рис. 1, 2). Он имеет простое антенное навершие и бабочковидное перекрестье. Концы волют не при-

* Доклад, прочитанный в группе античной археологии Ленинградского отделения Института археологии АН СССР 4 марта 1976 г.

Рис. 1. Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского могильника (1—9)

мыкают к основанию навершия, изготовленного из железного прута отдельно и насаженного на стержень рукояти. Такой способ крепления навершия необычен для мечей рассматриваемого типа. Лезвия меча почти параллельны и начинают сужаться к острию в самом конце клинка, имеющего линзовидное сечение. Гладкая рукоять в сечении уплощенно-овальная. Длина меча 55,5 см, ширина клинка у основания перекрестья 4,5 см. Погребение датируется пухлогорлой хиосской амфорой середины V в. до н. э.⁵

Меч из погребения 2 кургана 28 имеет двухкольцевое навершие со слившимися друг с другом волютами и довольно узкое бабочковидное перекрестье (рис. 1, 3). Рукоять уплощенно-овальной в сечении формы сужена в центральной части. Лезвия клинка почти параллельны, сходятся к острию лишь в его последней трети. В сечении клинок линзовидный. От описанных выше мечей его отличает форма навершия, которая более широко распространена среди савроматских мечей⁶. Длина меча 47 см, ширина клинка у основания перекрестья 4,1 см. Дату определяет медейская амфора последней четверти V в. до н. э.⁷

Меч из кургана 41 имеет антенное навершие и сердцевидное перекрестье четкой формы (рис. 1, 4). Судя по одной из сохранившихся волют, можно предположить, что меч имел когтевидное навершие. Поскольку сохранность его не позволяет говорить об этом определенно, мы рассматриваем его среди мечей с простым антенным навершием. Сердцевидное перекрестье позволяет выделить его в новый тип, так как до сих пор у мечей с простым антенным навершием перекрестий такой формы встречено не было⁸. Линзовидный в сечении клинок сохранился неполностью, однако нет сомнений, что он имел форму вытянутого треугольника. Длина меча составляла, по-видимому, около 55 см, ширина клинка у основания перекрестья — 6 см. Меч датируется поздней пухлогорлой хиосской амфорой третьей четвертью V в. до н. э. Несколько сузить дату позволяет найденный в том же погребении аттический чернолаковый килик второй четверти V в. Вероятно, погребение относится к началу второй половины V в. до н. э.

Следующие два меча, по классификации А. И. Мелюковой, относятся к I-му типу II подотдела II отдела⁹.

Меч из кургана 36 имеет когтевидное навершие и бабочковидное перекрестье. Одна из сохранившихся волют хорошо передает форму когтя хищной птицы, сжатого в хватательном движении (рис. 1, 5). На рукояти уплощенно-овальной формы у основания навершия хорошо различимы изображения двух глаз. Мотив когтя и глаза — зоркости и цепкости — хронологически ограничен V—IV вв. до н. э.¹⁰ Линзовидный в сечении клинок имеет форму вытянутого треугольника. Общая длина меча 59,7 см, ширина клинка у основания перекрестья 6,2 см. Меч датируется второй половиной, скорее всего третьей четвертью, V в. до н. э. на основании находки фасосской амфоры¹¹.

Второй меч этого типа найден в кургане 45. Он также имеет когтевидное навершие и бабочковидное перекрестье (рис. 1, 6). Несмотря на плохую сохранность навершия, трехкратная угловатость волют позволяет уверенно утверждать, что они трактованы в виде когтей хищной птицы. Рукоять с довольно широкими бортиками по краям, линзовидный в сечении клинок имеет удлиненно-треугольную форму. Длина меча 54 см. Дата его определяется фасосской амфорой третьей четверти V в. до н. э., аналогичной амфоре из кургана 36.

Когтевидные навершия мечей более характерны для Скифии, чем простые антенные¹².

Два меча с брусковидным навершием и бабочковидным перекрестьем относятся ко 2-му типу II отдела, по классификации А. И. Мелюковой¹³. Они были широко распространены в скифо-савроматском мире в VI—V вв. до н. э.¹⁴

Один из мечей найден в кургане 30 в погребении женщины-воительницы (рис. 1, 7)¹⁵. Двулезвийный клинок, линзовидный в сечении, слег-

ка изогнут, суживается в последней трети. Овально-уплощенная в сечении рукоять гладкая. Длина меча 52,8 см, ширина клинка у основания перекрестья 4,1 см. На основании находки в погребении пухлогорлой хиосской амфоры меч датируется второй четвертью — серединой V в. до н. э.¹⁶

Второй меч происходит из погребения 1 кургана 17. У него уплощенно-овальное навершие и бабочковидное перекрестье (рис. 1, 8). Линзовидный в сечении клинок имеет форму вытянутого треугольника. Длина меча 48,5 см, ширина клинка у основания перекрестья 5,2 см. Меч датируется второй половиной V в. до н. э. по фасосской амфоре, аналогичной амфорам из курганов 36 и 45¹⁷.

В кургане 39 обнаружен кинжал с брусковидным, слегка покатым навершием с сильно выступающими краями и бабочковидным перекрестьем (рис. 1, 9). Линзовидный в сечении клинок его имеет треугольную форму. Длина кинжала 30,5 см, ширина клинка у основания перекрестья 3,5 см. Дата определяется чернолаковым скифосом второй половины V в. до н. э.

В большинстве случаев (курганы 15, 17, 36, 39, 40) мечи в могилах располагались рукоятью на тазе и лежали наискосок от кисти правой руки к левому колену. Положение мечей в могилах указывает, вероятно, на способ их ношения. Такой способ ношения меча засвидетельствован изображениями на каменных изваяниях скифов-воинов, одно из которых найдено в насыпи кургана Елизаветовского могильника¹⁸. Некоторые изваяния достаточно точно датируются V в. до н. э.¹⁹ В других случаях (курганы 28, 30, 41, 45) меч был положен в могилу рядом с левым бедром погребенного.

Следует отметить некоторое своеобразие мечей V в. до н. э. из погребений Елизаветовского могильника, на которое в свое время обратил внимание Н. И. Сокольский²⁰. Большинство из них имеет широкий у основания клинок в форме вытянутого треугольника, на всех клинках отсутствует ребро.

¹ Брашинский И. Б., Демченко А. И. Исследование Елизаветовского могильника в 1966 году.— КСИА, 1969, вып. 116, с. 111 и сл.; Брашинский И. Б. Работы Южно-Донской экспедиции.— АО 1967 г. М., 1968, с. 89; Он же. Раскопки скифских курганов на нижнем Дону.— КСИА, 1973, вып. 133, с. 57 и сл.; Брашинский И. Б., Копылов В. П. Раскопки Елизаветовского могильника.— АО 1975 г. М., 1976, с. 113—114.

² Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, 1964, вып. Д1—4, с. 54, табл. 20, 1, 2, 5, 12.

³ Брашинский И. Б., Демченко А. И. Указ. соч., с. 115, рис. 44, 4.

⁴ Там же, с. 116.

⁵ Определения и датировки греческой импортной керамики, приведенные здесь и далее, принадлежат И. Б. Брашинскому.

⁶ Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 55.

⁷ Брашинский И. Б. Раскопки скифских курганов на нижнем Дону, с. 60.

⁸ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 17.

⁹ Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 56.

¹⁰ Мерперт Н. Я. Акинак с когтевидным навершием.— КСИИМК, 1948, вып. XXII, с. 79.

¹¹ Аналогичная амфора найдена в кургане 17. См.: Брашинский И. Б. Новые данные о греческом импорте на нижнем Дону.— КСИА, 1970, вып. 124, с. 15, рис. 3, 3.

¹² Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 55; Мерперт Н. Я. Указ. соч., с. 79.

¹³ Мелюкова А. И. Указ. соч., с. 49, табл. 16, 1—8.

¹⁴ Смирнов К. Ф. Указ. соч., с. 10.

¹⁵ Брашинский И. Б. Раскопки скифских курганов на нижнем Дону, с. 60, рис. 22, 6.

¹⁶ Там же, с. 60.

¹⁷ Брашинский И. Б. Новые данные о греческом импорте, с. 13, рис. 3, 3.

¹⁸ Миллер А. А. Новый источник к изучению связей Скифии с Кавказом.— ИРАИМК, 1925, III, с. 110, табл. 1.

¹⁹ Петренко В. Г. Новое каменное изваяние скифа-воина из с. Лиманы.— КСИА, 1973, вып. 133, с. 42, рис. 15.

²⁰ Сокольский Н. И. Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33, с. 137 и сл.

О ХИМИЧЕСКОМ СОСТАВЕ УЗДЕЧНЫХ НАБОРОВ, НАЙДЕННЫХ В ПОСУЛЬСКИХ КУРГАНАХ

В лаборатории спектрального анализа Института археологии АН СССР проводится систематическое изучение цветного металла скифского времени. Наиболее полно исследован бронзовый инвентарь из Посульских некрополей, открытых в Днепровском лесостепном левобережье еще в конце прошлого века (Аксютиты, Волковцы, Басовка, Поповка), а также их случайных находок из быв. Роменского уезда. Богатые дружинные захоронения сопровождалась здесь многочисленным и разнообразным инвентарем, среди которого важное место занимают предметы конского снаряжения, датированные как раннескифским временем (VI в. до н. э.), так и более поздним (V—III вв. до н. э.)¹.

Спектроаналитическому исследованию подвергнуты все важнейшие детали узды: удила, псалии, пронизи для перекрепления ремней, бляхи, пряжки, налобники или наносники, нащечники (рис. 1).

В результате обработки полученных данных о составе металла указанных предметов методами и приемами математической статистики, ставшими уже традиционными², были выделены две ведущие группы искусственных сплавов на медной основе — оловянистые и оловянисто-свинцовые бронзы. Первые характеризуются наличием значительного количества олова (1—30%) в сочетании с долями процента свинца (0,01—0,5%), вторые при таком же количестве олова отличаются значительно большим (1—12%) содержанием свинца (рис. 2).

Данные о составе металла различных предметов конского снаряжения VI и V—III вв. до н. э. представлены в таблицах 1 и 2.

Выделенные группы сплавов отмечены как для ранних уздечных наборов (табл. 1), так и для поздних (табл. 2). Иных рецептов металла для вещей рассматриваемых категорий не зафиксировано, предпочтение тому или иному рецепту для отдельных предметов, составляющих уздечный гарнитур, в целом не наблюдается. Исключение составляют псалии VI в. до н. э., изготовлявшиеся только из оловянистой бронзы (рис. 1, 5—7) и нащечники в форме крыла V—IV вв. до н. э., отлитые из оловянисто-свинцовой бронзы (рис. 1, 67).

Весьма показательное количественное распределение предметов уздечного гарнитура различного времени по выделенным группам искусственных сплавов. Так, для изделий VI в. до н. э. характерно применение как оловянистой (52%), так и оловянисто-свинцовой (48%) бронзы. Иная картина наблюдается для V—III вв. до н. э. Здесь сложный медно-оловянистый свинцовистый сплав значительно преобладает над медно-оловянистым. Из исследованного 131 предмета 39 (29%) отлиты из оловянистых, а 92 (71%) — из оловянисто-свинцовистых бронз.

Таким образом, начиная с V в. до н. э. предметы уздечного гарнитура из Посульских курганов начинают отливаться в основном из сложных медных сплавов с добавками олова со свинцом. Количество изделий из оловянистых бронз значительно снижается. При этом некоторые изделия V—IV вв. до н. э., отлитые из оловянистой бронзы, не находят аналогий среди скифских древностей, но близки таким же предметам из ананьинских, среднедонских и савроматских памятников (рис. 1, 53—57).

Отмеченные изменения рецепта бронз, из которых изготовлялись предметы уздечного набора, скорее всего, свидетельствуют об изменении навыков и традиций работы скифских мастеров. Не следует сбрасывать со счетов и такие факторы, как влияние городского ремесла, связанное с расширением торговли и внешних контактов. Однако внешние воздействия вряд ли стоит переоценивать.

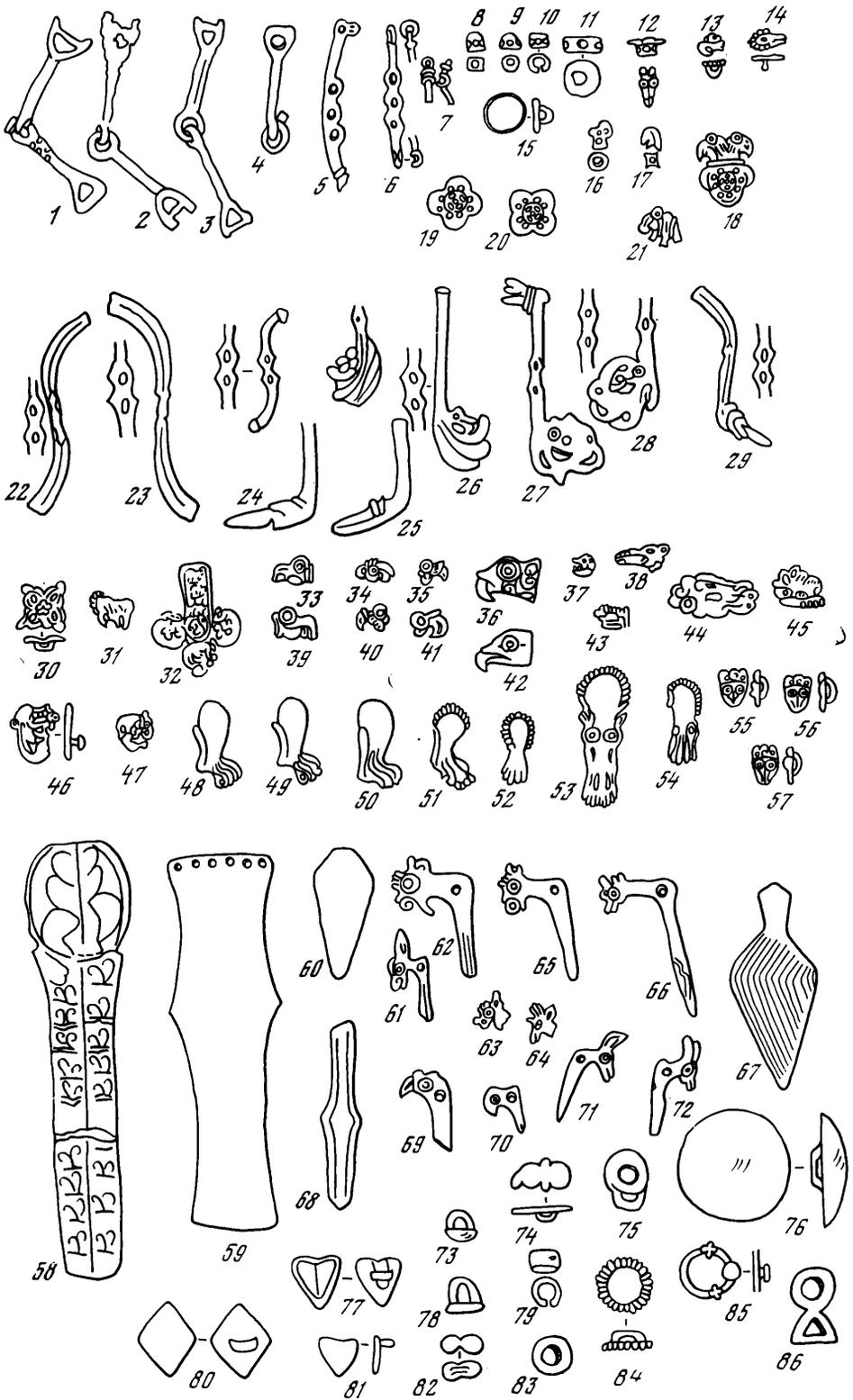

Рис. 1. Предметы конской упряжи из курганов Посулья
 1—21 — VI в. до н. э.; 22—86 — V—III вв. до н. э.

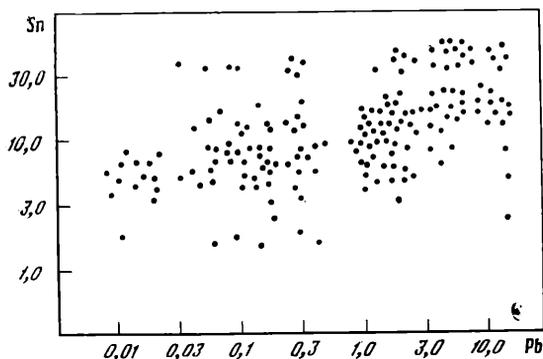

Рис. 2. Корреляционный график взаимосвязи концентраций олова и свинца в металле предметов уздечного гарнитура из курганов Посулья

Существует мнение, что происшедшие на рубеже VI—V вв. до н. э. изменения в устройстве конской узды и снаряжения можно объяснить и понять только в свете расширения контактов с городами Северного Причерноморья³. Подобные заключения были сделаны лишь на основании стилистического анализа некоторых деталей узды (бляхи, псалии, налобницы). Однако без аналитических данных о металлургическом и металлообрабатывающем производстве городских центров решать вопросы, связанные с самим производством, представляется преждевременным.

Для сравнительного анализа нами привлечена обширная коллекция предметов уздечного гарнитура из памятников Прикубанья⁴, лесостепного Днепра, правобережья Нижнего Поволжья (Кривая Лука), украинской степи (Гайманова, Толстая и Острая могилы)⁵. Результаты химико-металлургического исследования их весьма показательны (табл. 3).

Таблица 1

Состав металла уздечного гарнитура VI в. до н. э.

Предметы	Число	Типы бронз	
		Оловянистые	Оловянисто-свинцовистые
Удила	5	3	2
Псалии	4	4	—
Пронизы	24	13	11
Бляхи	15	5	10
Всего	48 (100%)	25 (52%)	23 (48%)

Таблица 2

Состав металла уздечного гарнитура V—III вв. до н. э.

Предметы	Число	Типы бронз	
		Оловянистые	Оловянисто-свинцовистые
Бляхи (геометрические)	55	17	38
Бляхи (оформленные художественно)	40	14	26
Наносники	17	4	13
Нащечники	2	—	2
Псалии	17	4	13
Всего	131 (100%)	39 (29%)	92 (71%)

Таблица 3

Сравнительные характеристики металла предметов уздечного гарнитура из различных районов Восточной Европы V—IV вв. до н. э.

Районы	Число предметов	Типы бронз	
		Оловянистые	Оловянисто-свинцовистые
Левобережье Днепра (лесостепь)	131 (100%)	38 (29%)	93 (71%)
Правобережье Днепра (лесостепь)	20 (100%)	5 (26%)	15 (74%)
Прикубанье	62 (100%)	28 (45%)	34 (55%)
Нижнее Поволжье	11 (100%)	1 (9%)	10 (91%)
Украина (степь)	17 (100%)	5 (28%)	12 (72%)

Для металла предметов уздечного гарнитура V—IV вв. до н. э. всех изученных районов зафиксированы лишь те же оловянистые и оловянисто-свинцовистые бронзы. Интересно количественное соотношение предметов, изготовленных из различных бронз, в памятниках отдельных районов. Наибольшая близость состава металла наблюдается у предметов из памятников украинской степи и лесостепи, где преобладание оловянисто-свинцовистых бронз над оловянистыми одинаково. Для Нижнего Поволжья особенно заметна ведущая роль оловянисто-свинцовистых, а для кубанского региона — лишь небольшой перевес оловянисто-свинцовистых над оловянистыми. Эти данные позволяют говорить о наличии нескольких производственных центров, действовавших в V—IV вв. до н. э. на территории Северного Причерноморья и снабжавших своей продукцией определенные территории. Скорее всего, металлические части уздечек производились в это время не только в ремесленных мастерских греческих городов, но и в украинской лесостепи.

Определенная нивелировка металлообрабатывающего производства V—IV вв. до н. э. на обширных территориях (кубано-таманские центры, степные и лесостепные районы Украины), связанная с употреблением только двух типов сплавов на медной основе, может быть объяснена не столько деятельностью одного производственного центра, сколько широко развитой системой торговли и обмена, когда менялись не только товары, но, возможно, передавался и производственный опыт.

Вероятно, к V в. до н. э. была выработана и единая манера оформления бляшек, налобников, псалиев, нащечников узды. Эта мода получила широкое распространение как в Причерноморье (кубано-таманские древности), так и в районах степи и лесостепи. При этом в каждом из районов, в том числе в украинской лесостепи и на среднем Дону, были свои особенности⁶, что привело к мысли о существовании нескольких художественных центров. Химико-металлургическое изучение деталей узды подтверждает эти наблюдения и позволяет предполагать существование налаженного собственного производства в Посулье, может быть работавшего на основе заимствования образцов, переосмысленных на месте.

¹ Детальный анализ предметов конского снаряжения из указанных памятников имеется в ряде работ, из которых важнейшими являются: *Глинська В. А.* Скифська вузда VI ст. до н. э.— *Археологія, Київ, 1961, т. 13; Она же.* Скифы днепровского лесостепного левобережья. Киев, 1968; *Она же.* Скифская узда IV в. до н. э.— В кн.: *Скифские древности. М., 1973.*

² *Черных Е. Н.* История древнейшей металлургии Восточной Европы. М., 1966; *Барцева Т. Б., Черных Е. Н.* О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры.— *СА, 1968, № 2.*

³ *Ильинская В. А.* Скифы днепровского лесостепного левобережья; *Коровина А. К.* Некрополь Синдики VI—II вв. до н. э.: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1964.— Архив ИА, 1914; *Она же.* К вопросу об изучении Семибратних курганов.— *СА, 1957, № 2; Капошина С. И.* О скифских элементах в культуре Ольвии.— *МИА, 1956, № 50; Онайко Н. А.* О центрах производства золотых обкладок ножен и рукояток ранних скифских мечей, найденных в Приднепровье.— В кн.: *Культура античного мира. М., 1966.*

⁴ *Барцева Т. Б.* Цветная металлообработка на Северном Кавказе в раннем железном веке: Дис. ...канд. ист. наук. М., 1974.— Архив ИА АН СССР, р-1, № 2130.

⁵ Архив кабинета спектрального анализа Института археологии АН СССР.

⁶ *Шкурко А. И.* О локальных различиях в искусстве лесостепной Скифии.— В кн.: *Скифосибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976; Она же.* Звериный стиль в искусстве и культуре лесостепной Скифии (VII—III вв. до н. э.). Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1975.

МАТЕРИАЛЫ ИЗ РАСКОПОК П. С. РЫКОВА В 1927 Г.
НА ТЕРРИТОРИИ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Первым советским исследователем, начавшим изучение археологических памятников Уральской обл., был П. С. Рыков. В течение двух полевых сезонов он производил раскопки и разведки курганных захоронений. В 1925 г. П. С. Рыков исследовал погребения эпохи бронзы и савромато-сарматского времени вдоль железной дороги Саратов—Уральск, от станции Семиглавый Мар до г. Уральска. Эти материалы опубликованы и широко используются современными археологами¹. В 1927 г. им произведены раскопки курганов в окрестностях г. Уральска. К сожалению, материалы этой экспедиции не опубликованы, а вещи из погребений, хранящиеся в фондах Уральского областного историко-краеведческого музея, до настоящего времени не введены в научный оборот.

При работе в фондах музея удалось идентифицировать некоторые сосуды с описанием, данным в отчете П. С. Рыкова². В настоящей работе публикуются только те погребения, в которых обнаружены сосуды, хранящиеся в фондах музея.

В 1,5 км к югу от кордона Деркульский располагалась курганная группа 19, состоявшая из 14 насыпей, из которых две были исследованы.

Курган 1 (диаметр 28 м, высота 0,7 м). Исследовано три погребения эпохи бронзы, с сосудами были погребения 1 и 3.

Погребение 1 располагалось с западной части насыпи, на глубине 0,2 м. Два погребенных лежали рядом, на левом боку, в скорченной позе, головой в северном направлении. Кости рук были сильно согнуты в локтях, кисти лежали у лицевой части черепа. Вокруг костяков встречалось много золы и костей овцы. В головах стоял сосуд с серой бугристой внешней поверхностью, в изломе черного цвета. На верхней части сосуда нанесен грубый орнамент в виде вертикальной елочки. Высота сосуда 8,3 см, диаметр венчика 12 см, диаметр дна 8,8 см (рис. 1, 1)³.

Погребение 3 располагалось северо-западнее центра кургана, на глубине 0,3 м. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, слегка завалившись на левый бок, головой к востоку. У левого плеча стоял серый баночный сосуд с заглаженной поверхностью, в изломе черного цвета. Высота сосуда 10,3 см, диаметр венчика 11 см, диаметр дна 8 см (рис. 1, 2)⁴.

В могильной группе в окрестностях пос. Деркул экспедиция раскопала пять курганов.

Курган 3 (диаметр 20 м, высота 0,27 м). Встречено два погребения.

Погребение 1 савроматского времени было полностью разрушено более поздним погребением 2. Могильная яма последнего располагалась почти в центре насыпи и была ориентирована по линии север—юг. Длина ее 2,3 м, ширина 0,8, глубина 0,9 м от вершины насыпи. В северной части ямы встречен череп лошади. На глубине 0,7 м лежали довольно массивные деревянные брусья с пазами от какого-то сложного перекрытия или гробовища. Костяк человека был ориентирован черепом на юг. У головы найдено четырехгранное точило, в области таза — три железных трехгранных черешковых наконечника стрел. По всему дну могильной ямы встречалась зола. Судя по описанию в отчете, в данном погребении сосуды не встречались. Но по музейной документации в нем найдено два сосуда. Один из них — гончарный кувшин с черной поверхностью (рис. 1, 3)⁵. По горловине и плечикам он украшен двумя группами из трех параллельных горизонтальных желобков, на тулове видны вертикальные полосы от лощения. Высота кувшина 24,6 см, диаметр венчика 10,8 см, диаметр тулова 19,4 см, диаметр дна 14,4 см. Второй сосуд лепной, круглодонный с коричневой внешней поверхностью (рис. 1, 4)⁶. В мес-

те перехода горловины к плечу идет горизонтальный желобок. Высота его 10,6 см, диаметр венчика 6,7 см, диаметр тулова 11,8 см.

Курган 4 (диаметр 14 м, высота 0,2 м). В насыпи обнаружено деревянное перекрытие, опиравшееся на вертикальные столбы. Могильная яма длиной 1,8, шириной 1,7 и глубиной 1,5 м была ориентирована по странам света. На дне могилы, по ее диагонали, на травянистой подстилке в вытянутом положении, на спине лежал костяк женщины, ориентированный на юго-запад. Кости рук были слегка отставлены от туловища, кости ног, согнутых в коленях, завалились вправо. У правого локтя найдено искусственно деформированное бронзовое зеркало с отбитым краем. У левого бедра лежала кость овцы и стоял лепной сосуд. В настоящее время от него сохранилась только верхняя часть высотой 14 см (рис. 1, 5)⁷. Внешняя ее поверхность коричневого цвета, заглажена небрежно.

Курган 5 (диаметр 14 м, высота 0,27 м). Могильная яма подквадратной формы были ориентирована по странам света. Длина ее 2,1 м, ширина 1,9 м, глубина 1,53 м. Над ней обнаружено перекрытие из веток. Костяк лежал в вытянутом положении, на спине, на подстилке из хвороста, черепом к северу. Кости ног были разбросаны в стороны. У левой бедренной кости находились кости овцы и железный нож, у левого локтя — небольшое плоское точило. В северо-западном углу могилы обнаружены маленький керамический сосудик и алебастровое пряслице, у левого плеча — гончарный лощеный кувшин (рис. 1, 6)⁸. Его горловина, плечики и тулово орнаментированы прорезным орнаментом. Высота сосуда 25,4 см, диаметр венчика 10 см, диаметр тулова 23,4 см, диаметр дна 10,3 см.

В окрестностях г. Уральска в могильной группе Чаган раскопано три кургана.

Курган 3 (диаметр 27 м, высота 1 м). В нем встречено шесть погребений: основное эпохи бронзы и пять впускных сарматского времени.

Погребение 2 располагалось в центре насыпи, на уровне древнего горизонта. Костяк ребенка лежал в вытянутом положении на спине, черепом к юго-западу. На груди и у таза найдены мелкие и средние стеклянные бусы, у ног — бисер. Вокруг костяка встречены фрагменты лепного сосуда серо-коричневого цвета с небрежно заглаженной внешней поверхностью (рис. 1, 7). Стенки его массивные. Высота сосуда 15,7 м, диаметр венчика 11,4 см, диаметр тулова 14,7, диаметр дна 8 см⁹.

Погребение 6 располагалось в восточной части насыпи на глубине 1,2 м. Размеры и форма могильной ямы не определены. Костяк женщины лежал в вытянутом положении, на спине, головой к юго-западу. У правого локтя найдены кости овцы, у правой берцовой кости — берестяная коробочка овальной формы, длиной 30 см, шириной 20 см. У левого плеча стоял маленький лепной круглодонный сосуд с коричневой внешней поверхностью. В тесте заметна примесь талька. В месте перехода горловины к плечикам идет горизонтальный желобок. Высота сосуда 8,7 см, диаметр венчика 8,9 см, диаметр тулова 10,8 см (рис. 1, 8)¹⁰.

По музейной документации один сосуд происходит из кургана, раскопанного около станции Уральск. Но в отчете сведений об этом кургане нет. Сосуд лепной, с темно-серой внешней поверхностью (рис. 1, 9)¹¹. На его стенках заметны следы мелового порошка. На горловине имеется орнамент из трех параллельных горизонтальных желобков. Высота сосуда 14 см, диаметр венчика 8,3 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр дна 6,4 см.

Один курган был раскопан в районе сельскохозяйственной опытной станции в окрестностях г. Уральска (диаметр 15 м, высота 0,4 м). В насыпи на разных глубинах встречены кости ребенка и овцы. Могильная яма прямоугольной формы, длиной 2,2, шириной 0,9 и глубиной 0,7 м была ориентирована по линии север—юг. Над ней обнаружены остатки деревянного перекрытия. На дне могилы в вытянутом положении, на спине, лежал костяк мужчины, ориентированный в южном направлении, слева от него — костяк ребенка. Около левой берцовой кости взрослого

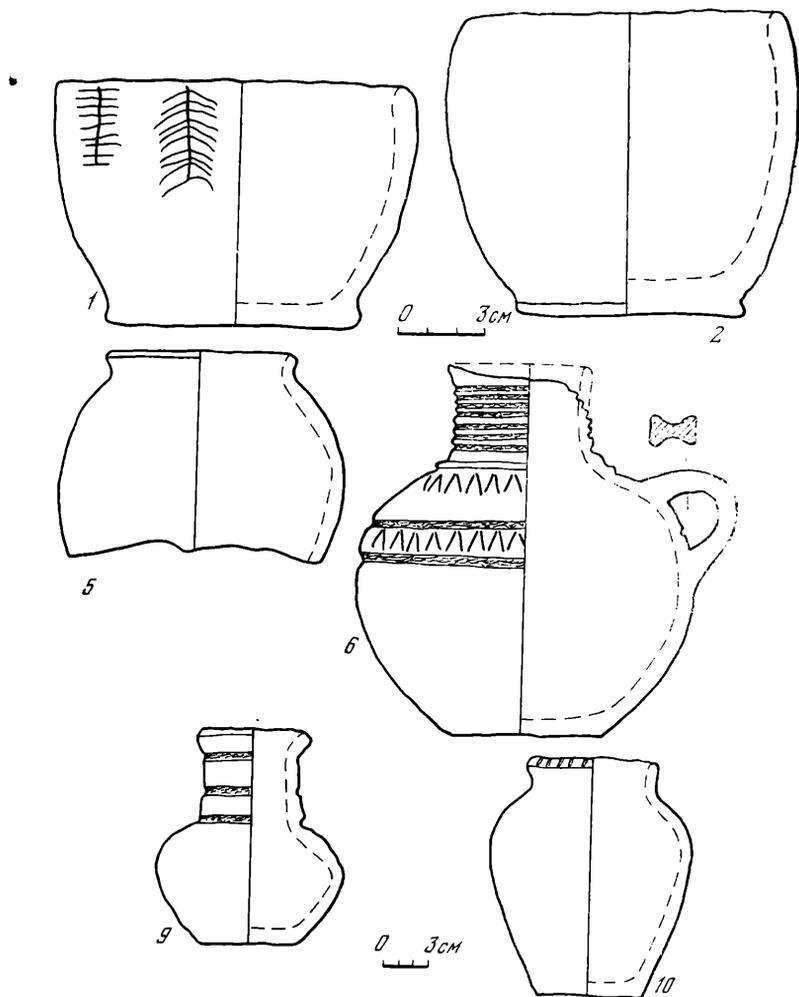

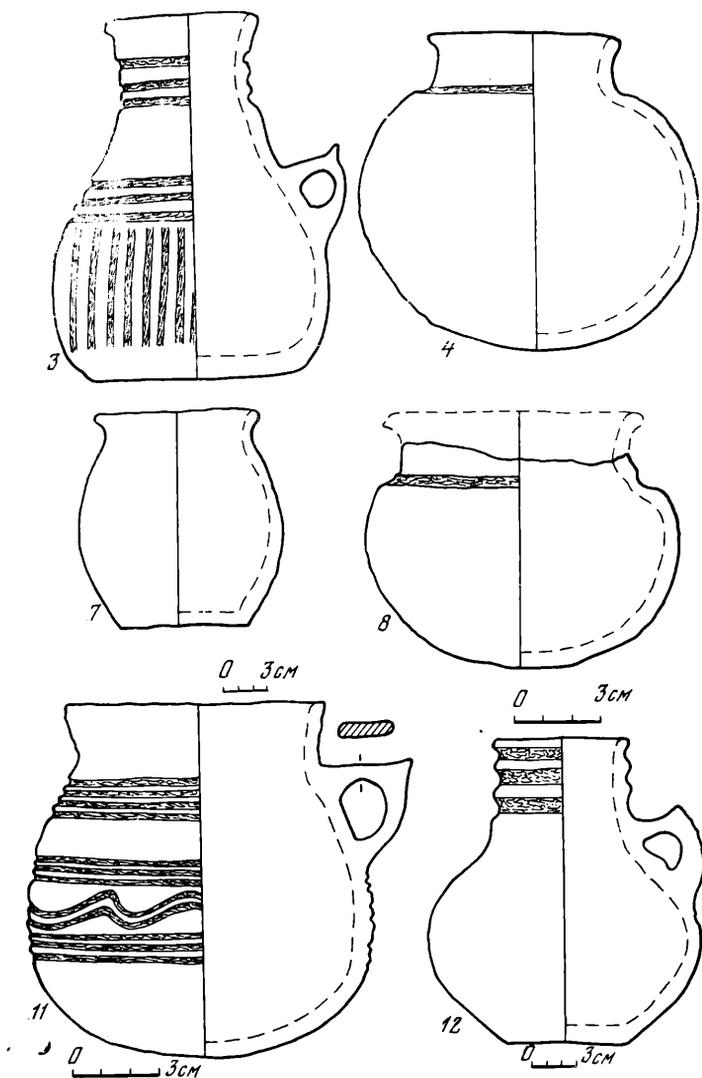
Рис. 1. Керамика из раскопок П. С. Рыкова

1 — кордон Деркульский, курган 1, погребение 1; 2 — там же, погребение 3; 3 — пос. Деркул, курган 3; 5 — там же, курган 4; 6 — там же, курган 5; 4 — фонды УОМ, № 446; 9 — там же, № 428; 7 — Чаган, курган 3, погребение 2; 8 — там же, погребение 6; 10, 12 — с. Гниловское курган 1; 11 — Опытная станция, курган 1

найлены 20 железных трехгранных черешковых наконечников стрел (рис. 2, 8), рядом — железный нож. На дне в разных местах встречались кости овцы и зола. В северо-восточном углу могилы стоял лепной округлодонный кувшин с темно-серой поверхностью, заглаженной до легкого лощения (рис. 1, 11)¹². Плечики и тулово орнаментированы врезными линиями. Высота сосуда 12 см, диаметр венчика 9 см, диаметр тулова 12 см.

В могильнике у с. Гниловского Приуральского района раскопано 13 курганов разных эпох.

Курган 1 (диаметр 11 м, высота 0,5 м). В нем обнаружена подбойная могила. Входная яма длиной 2,1 м, шириной 1,3 м и глубиной 0,7 м была ориентирована по линии север—юг. Подбой находился в западной стенке. Длина его 2,1 м, ширина 0,6 м, высота 0,6 м. Дно подбоя и входной ямы имели один уровень. Вход перекрывала стоящая на ребре доска. В подбое на деревянных досках, в вытянутом положении, на спине, лежал костяк женщины, ориентированный в северном направлении. Череп имел следы искусственной деформации. У правой берцовой кости обна-

ружены кусочки мела. В ногах находились железный нож длиной 20 см, крупное керамическое пряслице конусовидной формы, обломки деревянной коробочки и два сосуда. Один из них с темно-серой поверхностью. Тесто черное, рыхлое, с большой примесью шамота. По отогнутому венчику идет нарезной орнамент. Высота сосуда 15,8 см, диаметр венчика 9,3 см, диаметр тулова 13,5 см, диаметр дна 7,3 см (рис. 1, 10)¹³. Второй сосуд — лепной кувшин коричневого цвета с хорошо заглаженной поверхностью и следами мелового порошка. По горловине идет орнамент из трех горизонтальных параллельных желобков. Высота кувшина 20,5 см, диаметр венчика 9,3 см, диаметр тулова 19,5 см, диаметр дна 8,2 см (рис. 1, 12)¹⁴.

По музейной документации, в одном из курганов у с. Гниловского найдены фрагменты сосуда, орнаментированные по плечикам тремя горизонтальными параллельными прорезными линиями. Внешняя поверхность фрагментов черная. Тесто темно-серое, рыхлое с тальком (рис. 2. 2)¹⁵.

На песчаной доне северо-западнее с. Рубежка было обнаружено погребение человека. Костяк лежал на современной поверхности в выгнутом положении, на спине, головой к югу. На костях рук обнаружены крупные и мелкие бусы из голубого стекла и белый бисер. У правого бедра ле-

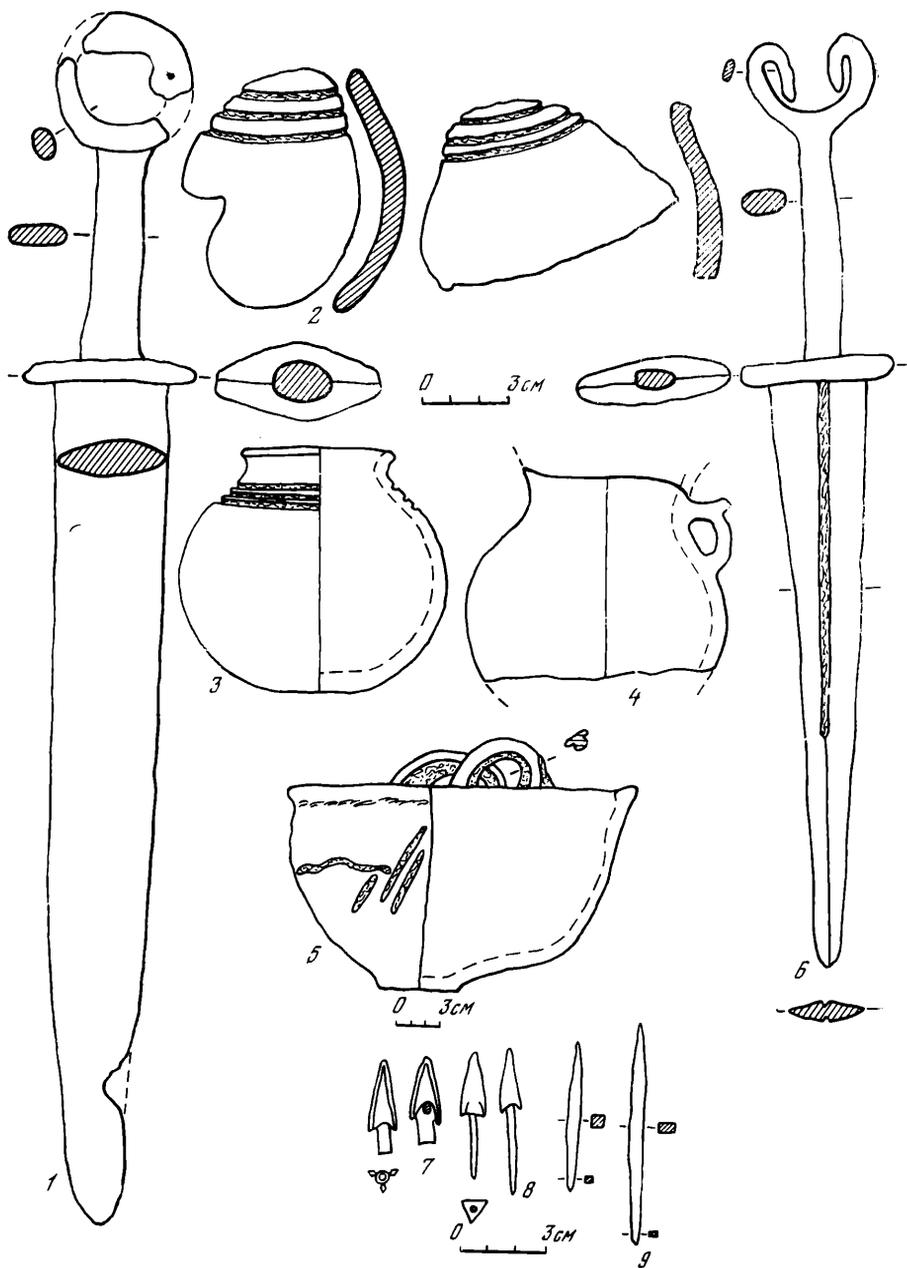

Рис. 2. Инвентарь из раскопок П. С. Рыкова и случайные находки на территории Уральской обл.

1 — Тайпакский район, случайная находка; 2 — с. Гниловское; 3, 7, 9 — с. Рубежка, погребение на дюне; 4 — коммуна «Спартак», курган 2, погребение 3; 5 — фонды УОМ, № 2278, случайная находка; 6 — Каиндинские пески, случайная находка; 8 — опытная станция, курган 1. 1, 6, 8 — железо; 2—4 — керамика; 5, 7, 9 — бронза

жал кусок серы, бронзовое зеркало и железный нож. Вокруг костяка были разбросаны фрагменты сосуда шаровидной формы с немного уплощенным дном (рис. 2, 3)¹⁶. Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета, заглажена до легкого лощения. В тесте наблюдается небольшая примесь талька. Плечики орнаментированы тремя горизонтальными параллельными врезными линиями. Высота сосуда 16,3 см, диаметр венчика 10,5 см, диаметр тулова 19,3 см, диаметр дна 6 см. Рядом с костяком

найлены два бронзовых трехлопастных втульчатых наконечника стрел (рис. 2, 7) и два бронзовых шила (рис. 2, 9).

В районе коммуны «Спартак» обнаружен могильник более чем из 100 курганов. Раскопано два из них.

Курган 2 (диаметр 17 м, высота 0,53 м). В нем обнаружено четыре погребения раннего железного века.

Погребение 3 располагалось в могильной яме прямоугольной формы, длиной 2,1, шириной 0,9 м, глубиной 1,4 м. На дне ее лежал в вытянутом положении, на спине, черепом к юго-западу костяк мужчины. Ноги были слегка раскинуты в стороны, у левого бедра найдены кусочки серы, окаменелого дерева, а также бронзовое кольца, у правого колена — два костяных стержня, вероятно псалли, у правой ступни две железные пряжки от уздечного набора. В позвонке погребенного обнаружен железный трехгранный черешковый наконечник стрелы. В ногах найдены расколотый вдоль кусок белемнита и лепной кувшин без венчика и дна (рис. 2, 4)¹⁷. Внешняя поверхность сосуда коричневого цвета, заглажена небрежно, тесто черное, с большой примесью шамота. Высота сохранившейся части кувшина 17 см.

В фондах Уральского областного музея хранятся три экспоната из случайных находок на территории области. Думается, что они представляют определенный научный интерес.

Железный кинжал с кольцевым навершием и прямым перекрестьем (рис. 2, 1)¹⁸ был найден при строительстве канала в Тайпакском районе, на юге области, происходит, вероятно, из разрушенного погребения. Длина кинжала 40,5 см, длина рукояти с навершием и перекрестьем 12,5 см, ширина лезвия у перекрестья 3,7 см.

Еще один кинжал найден в Каиндинских песках в Чингирлауском районе, на востоке области (рис. 2, 6)¹⁹. Он имеет антенное навершие и прямое перекрестье. Длина его 30,9 см, длина рукояти 10,5 см, ширина лезвия у перекрестья 3,1 см.

Из восточных районов происходит сильно деформированный бронзовый котел, с беспорядочным орнаментом из прямых и волнистых прорезных линий по тулову (рис. 2, 5)²⁰.

Самыми ранними из описанных выше являются сосуды из кургана 1 у кордона Деркульский. Они относятся к срубной культуре, имеют аналогии в материалах могильников Кривая Лука V и VI²¹.

К савроматскому времени относится погребение в кургане 3, могильной группы Чаган. Обнаруженному там сосуду (рис. 1, 7) ближайшей аналогией служит сосуд из кургана 3 могильника Тара-Бугак²². Вероятной датой его может быть V в. до н. э.

Лепной сосуд (рис. 1, 4) и гончарный кувшин (рис. 1, 3) явно разновременны. Вопреки музейной документации они происходят, вероятно, из разных погребений.

Сосуды, изображенные на рис. 1, 5, 8; 2, 2, 3 относятся к прохоровской культуре, на что указывает и обряд погребений, в которых по типологии керамики, разработанной М. Г. Мошковой, они относятся ко II и III отделам круглодонных лепных сосудов Южного Приуралья и могут быть датированы IV—III вв. до н. э.²³

Вероятной датой гончарного кувшина, изображенного на рис. 1, 3, могут быть первые века нашей эры. Судя по описанию П. С. Рыкова, этим же временем может быть датировано погребение в кургане 3 и с. Деркул.

Курган у сельскохозяйственной опытной станции по обряду погребения и железным наконечникам стрел также может быть отнесен к среднесарматскому времени. Точные аналогии кувшину из этого кургана (рис. 1, 11) неизвестны. Очевидно, к этому же времени относится и погребение в кургане 2 у коммуны «Спартак». Кувшин из этого погребения сохранился неполностью (рис. 2, 4), но по строению ручки может быть отнесен к группе кувшинов среднесарматского времени.

Два сосуда, изображенные на рис. 1, 10, 12, происходят из позднесарматского погребения, о чем говорят захоронение в подбойной могиле, северная ориентировка костяка, искусственная деформация черепа у

погребенного. К этому же времени относится погребение из кургана 5 в окрестностях с. Деркул, откуда происходит кувшин, изображенный на рис. 1, 6.

Железный кинжал из Каиндинских песков (рис. 2, 6) может быть датирован V—VI вв. до н. э. В типологических схемах К. Ф. Смирнова и М. Г. Мошковой такой тип савромато-сарматского оружия не отмечается²⁴. Железный кинжал из Тайпакского района (рис. 2, 1) должен датироваться III—I вв. до н. э.²⁵

Точных аналогий бронзовому котлу (рис. 2, 5) не найдено. Некоторое сходство с ним имеют котлы из погребения 2 кургана Б-4, у хут. Шульц (Красный Октябрь)²⁶ и кургана у с. Ново-Егорлыкское²⁷. Исходя из этого котел можно датировать второй половиной I тысячелетия до н. э.

¹ Рыков П. С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г.— Изв. краеведческого ин-та изучения Южно-Волжской области, Саратов, 1926, т. 1, с. 114—126.

² Рыков П. С. Археологические работы в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1927 г.: Отчет.— Архив ЛОИА, ф. 2, д. 187.

³ Фонды Уральского областного историко-краеведческого музея, № 446.

⁴ Там же, без номера.

¹³ Там же, № 410.

⁵ Там же, № 421.

¹⁴ Там же, № 429.

⁶ Там же, № 446.

¹⁵ Там же, № 446.

⁷ Там же, без номера.

¹⁶ Там же, без номера.

⁸ Там же, № 422.

¹⁷ Там же, без номера.

⁹ Там же, № 427.

¹⁸ Там же, № 406.

¹⁰ Там же, № 431.

¹⁹ Там же, № 2295.

¹¹ Там же, № 428.

²⁰ Там же, № 2278.

¹² Там же, № 445.

²¹ Древности Астраханского края. М., 1977, с. 52, рис. 63, 3; 69, 1.

²² Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, рис. 64, 2; Он же. Сарматы на Илеке. М., 1975, с. 43.

²³ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, Д1—10, табл. 9.

²⁴ Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов.— МИА, 1961, № 101, с. 9—31.

²⁵ Хазанов А. М. Очерки военного дела у сарматов. М., 1971, с. 9—10.

²⁶ Rau P. Die Hügelgräber römischer Zeit an der unteren Wolga. Pokrowsk, 1927, Abb. 46.

²⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы, рис. 70Б, 8—9.

К. Ф. СМОРНОВ

О МЕЧАХ СИНДО-МЕОТСКОГО ТИПА

В скифо-сарматское время на Кавказе, кроме «скифского» акинака, были распространены массивные мечи, названные мною синдо-меотскими¹. Они широко известны на территориях, занятых синдо-меотскими племенами, и сопредельных с ними, прежде всего в северо-западном Предкавказье и в Абхазии (рис.1).

Эти железные мечи и кинжалы не имеют мегаллического перекрестья. Навершия у них в виде короткого прямоугольного, редко — слегка изогнутого бруска или серповидные. Средняя длина мечей 0,70 м, но некоторые экземпляры достигают 1 м, ширина клинков у основания 8—9 см. Встречаются кинжалы длиной 0,3—0,4 м. Как правило, мечи не имеют продольного ребра, в сечении линзовидные. Лишь некоторые самые ранние и наиболее поздние экземпляры имеют вдоль клинка острое ребро, нервюр или желобок. Многие из них найдены в хорошо датированных закрытых комплексах. Поэтому сами по себе эти мечи и кинжалы могут служить для определения даты отдельных археологических памятников не только Северного Кавказа, но и прилегающих к нему районов Закавказья и соседних евразийских степей.

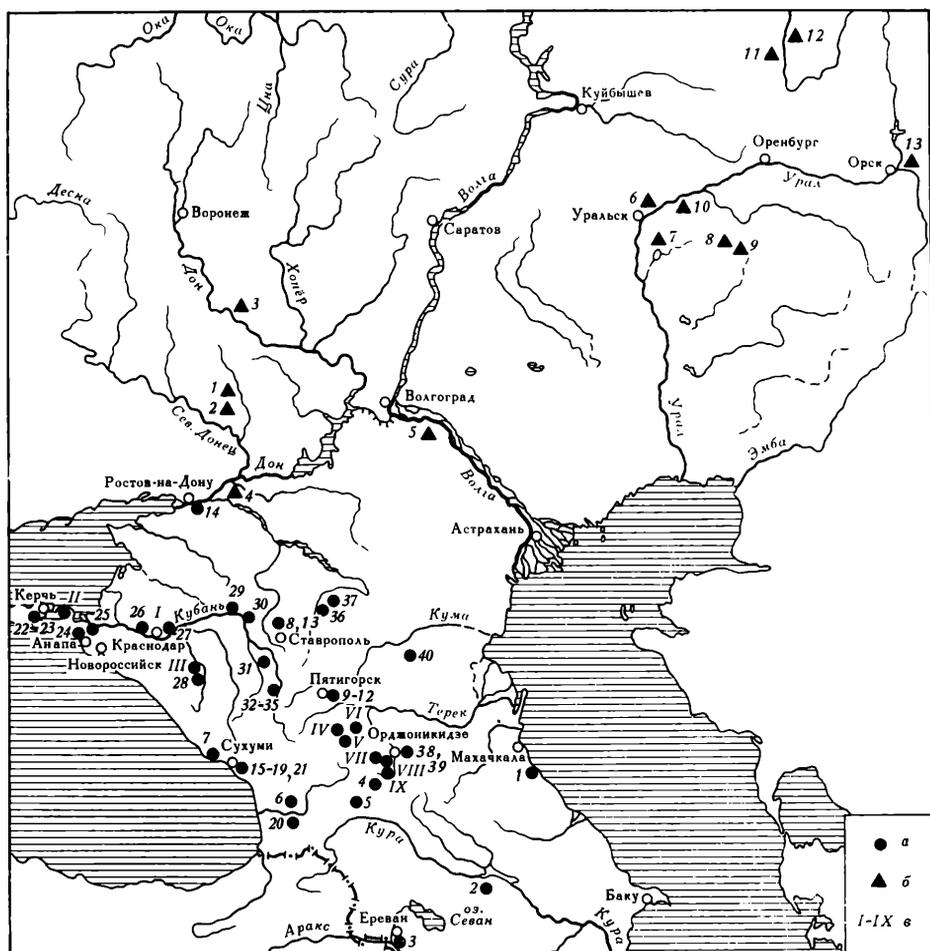

Рис. 1. Распределение мечей и кинжалов синд-меотского типа, их прототипов и поздних дериватов

а — мечи Кавказа и Предкавказья; *б* — мечи сарматских степей; *в* — их дериваты на Северном Кавказе

а. 1 — Маджалис (Дагестан); 2 — Мизрик (Азербайджан); 3 — Кармир-Блур (Армения); 4 — Тли; 5 — Двани; 6, 20 — Брили и Даблагоми (Грузия); 7 — Куланурхва (Абхазия); 8, 13 — Ставрополь; 9–12 — Пятигорск и его окрестности; 14 — Елизаветовская под Ростовом-на-Дону; 15 — Хипста; 16 — Н. Эшера; 17 — Агудзера; 18 — Алексеевское ущелье; 19, 20 — Гуад-Иху; 21 — Сухумская гора (в районе Сухуми); 20 — Даблагоми (Колхида); 22 — Пантикапей; 23 — Ак-Бурун (район Керчи); 24 — Рассвет (Анапский район); 25 — Варенниковская (Семибратние курганы); 26 — Елизаветинская; 27 — Пашковская (Краснодар); 28 — Курджипс; 29 — Воронежская; 30 — Усть-Лабинская; 31 — Вознесенская; 32 — Спокойная; 33 — Первомайский; 34 — Удобная; 35 — Отрадная (Краснодарский край); 36 — Новоселицкое; 37 — Жуновская курганная группа (Ставропольский край); 38 — г. Орджоникидзе; 39 — Северная Осетия; 40 — Багижан (Грозненская обл.). *б.* 1 — Сладковский; 2 — Шолоховский; 3 — Арпачин (Ростовская обл.); 4 — Владимирская (Воронежская обл.); 5 — Старица (Астраханская обл.); 6 — г. Уральск (группа «Вишневая горка»); 7 — Челкар; 8 — группа «Алебастрово» II; 9 — могильник «Барбасту» V (Уральская обл.); 10 — Краснохолм; 11 — Петропавловка; 12 — Веселый (район Стерлитамака); 13 — пос. Кумак (Оренбургская обл.). *в.* I — Елизаветинская; II — Кепы (Керченский п-ов); III — Майкоп; IV — Чегем II; V — Чегем I; VI — г. Майский (Кабардино-Балкария); VII — Корца; VIII — Кубан; IX — Чми (Северная Осетия)

Прототипами мечей и кинжалов синд-меотского типа, вероятно, послужили известные на Кавказе бронзовые кинжалы, подобные кинжалу из сел. Маджалис в Дагестане (рис. 2, 1)². Они часто называются кинжалами передневожосточного типа и датируются 1500–800 гг. до н. э. В настоящее время на Кавказе их известно не менее 20^{3–4}.

Наиболее ранние железные мечи и кинжалы, найденные в Азербайджане (курган у с. Мизрик; рис. 2, 2)⁵, Армении (Кармир-Блур; рис.

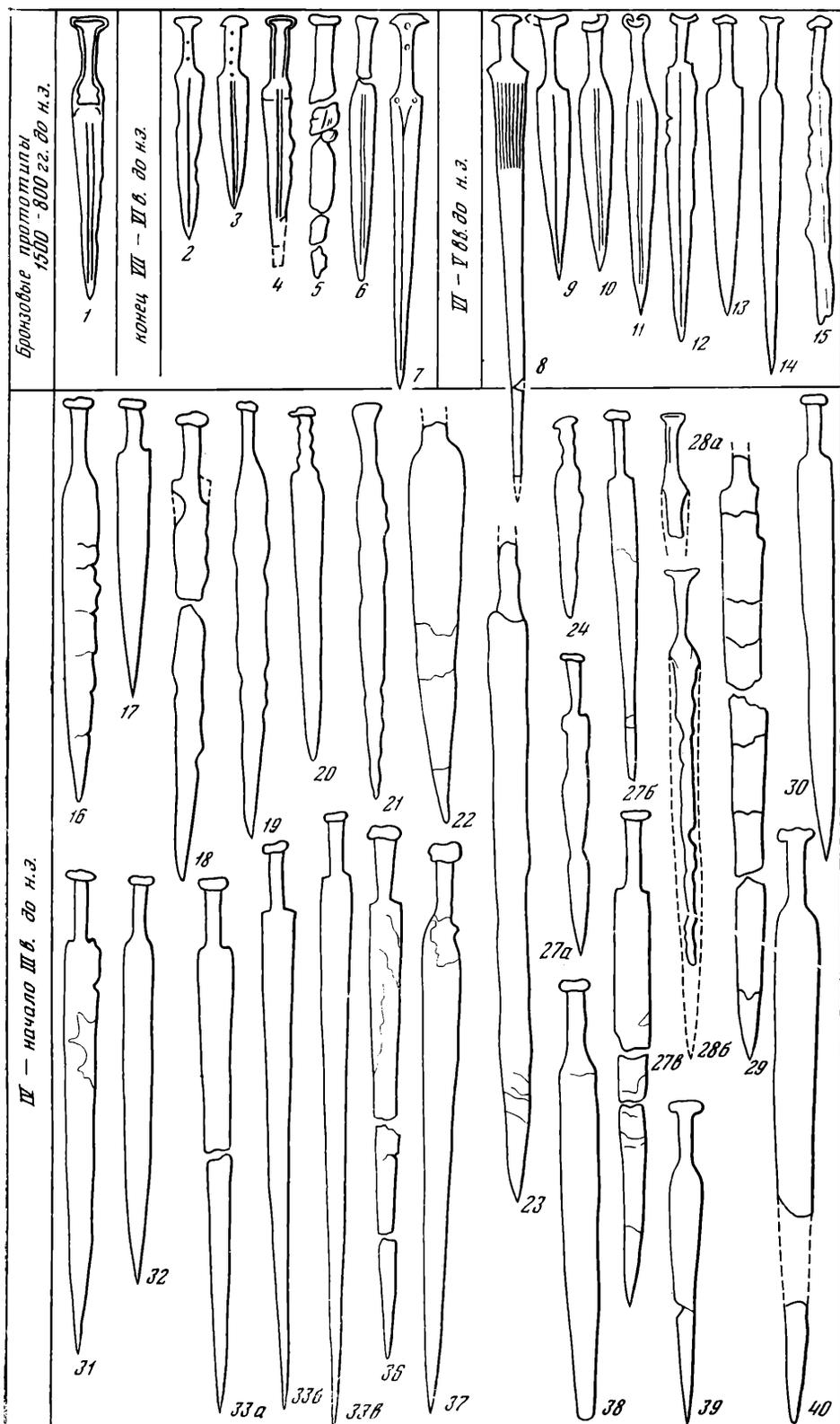

Рис. 2. «Синдо-меотские» мечи и кинжалы и их прототипы в Закавказье и на Северном Кавказе (1—40)

2, 3)⁶. Южной Осетии (могильник Тли; рис. 2, 4)⁷, Западной Грузии (могильник Двани; рис. 2, 5; могильник Брили; рис. 2, 6)⁸ и Абхазии (могильник у с. Куланурхва; рис. 2, 7)⁹, датируются концом VII—VI в. до н. э. К тому же времени или несколько более позднему относятся и некоторые северокавказские мечи, в том числе длинный (более 0,7 м) железный меч из Ставрополя, найденный на р. Мамайке (рис. 2, 8)¹⁰. Как ставропольский меч, так и ряд находок из Пятигорья (рис. 2, 10, 11, 12) не имеют точной даты. Лишь один из них найден в погребении у колонны Каррас (Пятигорье; рис. 2, 9) и довольно надежно датируется VI в. до н. э.¹¹ Закавказские железные кинжалы сохранили еще такие архаические признаки, как закраины по краям ручки, заклепки для прикрепления деревянной или костяной рукояти, нервюр вдоль клинка. Большинство этих мечей и кинжалов имеют продольное ребро на клинке. Хорошо сохранившийся меч из Ставрополя (рис. 2, 8), как и ряд северокавказских мечей скифского времени, имеет на верхней части клинка расширение (если оно не образовалось от длительной заточки лезвий) и желобок вдоль клинка для стока крови.

Время наиболее широкого распространения мечей и кинжалов сложившегося синдо-меотского типа вторая половина V в. и особенно IV—начало III в. до н. э. Самая ранняя находка такого меча известна в кургане 24 Елизаветовского могильника под Ростовом-на-Дону (раскопки И. Б. Брашинского в 1966 г.; рис. 2, 14). Погребение датируется хиосской амфорой третьей четверти V в. до н. э.¹² Типологически почти тождествен ему меч их Хипсты в окрестностях Сухуми¹³. Вероятно, уже в V в. до н. э. эта форма мечей распространилась у синдо-меотских и родственных им племен вдоль восточного побережья Азовского и Черного моря от низовьев Дона до окрестностей Сухуми.

Вряд ли творцами рассматриваемого оружия были только синдо-меоты. Находки мечей этого типа широко известны в предкавказских степях до Северной Осетии (рис. 2, 38, 39) и в нынешней Грозненской обл. (Бажиган, рис. 2, 40). В Закавказье и преимущественно в предкавказских степях найдено 45 таких мечей и кинжалов второй половины V—начала IV в. до н. э. Единственный известный мне кинжал этого типа в Западной Грузии происходит из гробницы у с. Даблагоми близ Вани (раскопки В. А. Толордава; рис. 2, 20)¹⁴. Гробница хорошо датируется синопской клейменной черепицей и эллинистической керамикой начала III в. до н. э.

В районе г. Сухуми найдено не менее шести мечей синдо-меотского типа (рис. 2, 15—20). Из них два имеют довольно надежную дату. Меч из с. Агудзера (рис. 2, 18) найден в погребальном комплексе, датированном монетой Филиппа III Македонского (323—316 гг. до н. э.)¹⁵. Меч из могильника у с. Нижняя Эшера (рис. 2, 16) датируется раннеэллинистическими вещами конца IV—начала III в. до н. э.¹⁶

Мечи рассматриваемого типа IV в. до н. э. попадают и на территорию Боспорского царства, вероятно от синдо-меотов; на Керченском полуострове они найдены в одной из пантикапейских гробниц IV в. до н. э. (рис. 2, 22)¹⁷ и в Ак-Буруне (рис. 2, 23)¹⁸. Оба меча массивны, с широким (9—10 см) основанием клинка. Длина акбурунского меча достигает 1 м. Подобный же меч найден в меотском кургане 15 близ станции Воронежской (раскопки Н. И. Веселовского 1903 г., рис. 2, 29). Его длина не менее 0,9 м. Боспорские мечи были найдены в обломках, навершая их не сохранились. Однако они не имеют металлического перекрестья, почему могут быть определенно отнесены к синдо-меотскому типу. Два меча найдены в гробницах IV в. до н. э. на Таманском полуострове (рис. 2, 24)¹⁹.

Чаще всего подобные мечи встречаются в меотских курганах и грунтовых могильниках Прикубанья IV—начала III в. до н. э. Отсюда происходит не менее 20 мечей. Все они довольно стандартны, имеют длину от 0,46 до 0,9 м. Только четыре меча из Курджипского кургана (рис. 2, 28) отличаются узкими клинками и формой рукояти со слегка изог-

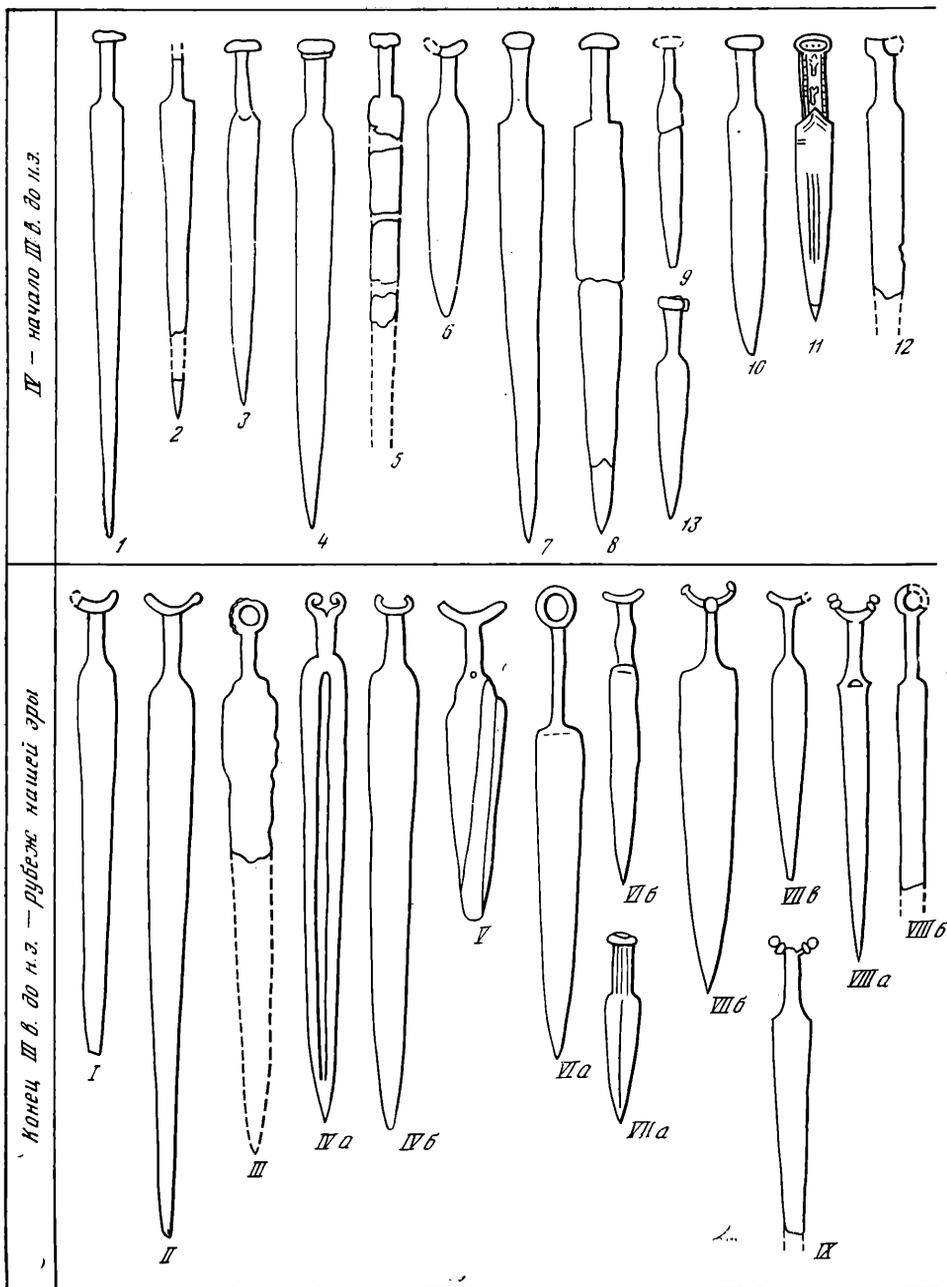

Рис. 3. Мечи синдо-меотского типа на сарматской территории (1—13) и их позднейшие дериваты на Северном Кавказе (I—IX)

гнутым коротким брусковидным навершием. Захоронение с мечами из этого кургана датировано Л. К. Галаниной последней четвертью IV в. до н. э.²⁰

Не менее 11 синдо-меотских мечей конца V—начала III в. до н. э. происходит из Ставропольского края²¹. Все они стандартны, только меч из Пятигорской каменоломни № 1 (рис. 2, 12) отличается от остальных ребром вдоль клинка и слабоизогнутым брусковидным навершием²². Все мечи происходят из раннесарматских погребальных комплексов или из случайных находок, вероятно разрушенных раннескифских погребений. Самой восточной находкой такого меча в предкавказских степях является меч длиной около 0,9 м, найденный Е. И. Крупновым в 1948 г. в развееп-

ном ранее сарматском или позднесарматском погребении V—IV вв. до н. э. на песках близ с. Бажиган в Грозненской обл. (рис. 2, 40)²³.

О том, что рассматриваемые мечи без существенных изменений доживают у меотов до второй половины III в. до н. э., свидетельствует находка в Елизаветинском грунтовом могильнике близ г. Краснодара (раскопки 1934 г., погребение 2; рис. 3, 1). Этот меч хранится ныне в Музее археологии и этнографии, происходит из могилы, датированной пантикапейской монетой второй половины III в. до н. э.²⁴ Навершие его, в отличие от большинства синдо-меотских мечей, серповидное.

Мечи синдо-меотского типа распространялись не только у ранних сарматов IV—III вв. до н. э. прикаспийских степей. По-видимому, от последних они попадали к ранним сарматам нижнего Дона, междуречья Дона и Волги и далее на восток, в приуральские степи (вплоть до Орска и даже в степную Башкирию. На западе они найдены в богатых комплексах у пос. Шолоховского (рис. 3, 2) и хут. Сладковского (рис. 3, 1). Первый из этих мечей надежно датируется началом IV в. до н. э., второй — концом IV в. до н. э. всем комплексом сопровождающего инвентаря и особенно синопской амфорой²⁵. Сладковский меч, в отличие от остальных мечей подобного типа, имеет бронзовое навершие.

Мечи синдо-меотского типа попадали и выше по Дону, в пределы южной части Воронежской обл., к поздним савроматам. Об этом свидетельствует находка в кургане 1 у слободы Владимирской быв. Острогожского уезда Воронежской губ. (рис. 3, 3)²⁶. В междуречье Дона и Волги, кроме слободы Владимирской, мечи подобного типа обнаружены дважды южнее и юго-восточнее в комплексах ранних сарматов — носителей раннепрохоровской культуры. Один из них найден в кургане у хут. Арпачин Ростовской обл. (рис. 3, 4)²⁷, другой — в кургане у сел. Старица Астраханской обл. (рис. 3, 5)²⁸.

В раннепрохоровских погребениях преимущественно IV в. до н. э. подобные находки сделаны под Уральском в курганной группе «Вишневая горка» (рис. 3, 6), на плато к северу от оз. Челкар (группа Челкар V, рис. 3, 7), а в восточной части Уральской обл. в группе Алебастрово II (рис. 3, 8) и Барбастау (рис. 3, 9) Теректинского района²⁹. На Урале в пределах Оренбургской обл. кинжалы синдо-меотского типа известны в раннесарматских погребениях у с. Краснохолм (рис. 3, 10) и в Ново-Кумакском курганном могильнике близ с. Орска (рис. 3, 13)³⁰. Наконец, вместе с ранними сарматами мечи и кинжалы рассматриваемого типа попадают и в южную Башкирию. Таковыми являются два экземпляра, случайно найденные в районе г. Стерлитамака у хут. Веселого (рис. 3, 12)³¹ и у д. Петропавловки (рис. 3, 11)³². Они отличаются оформлением рукояток. По-видимому, это предметы местного производства, но созданные по привозным образцам.

Таким образом, благодаря тесной связи ранних сарматов степей Дона, Поволжья и Приуралья с северокавказским населением, прежде всего с меотами Прикубанья, установившейся уже в IV—III вв. до н. э., у ранних сарматов бытовали не только местные образцы мечей так называемого прохоровского типа, но и кинжалы северокавказского происхождения.

У местного населения Северного Кавказа вплоть до рубежа нашей эры бытовали различные дериваты прежних кавказских образцов. На их производство оказали существенное влияние сарматские мечи как прохоровского типа (с серповидным навершием), так и более поздние с кольцевидным навершием. Поздние варианты мечей и кинжалов синдо-меотского типа известны на Северном Кавказе от Таманского полуострова до бассейна Терека и Северной Осетии в количестве не менее 15 (рис. 1, I—IX; 3). Уточнение их датировки стало возможно лишь в последнее время благодаря открытиям ярких надежно датированных погребальных комплексов. М. П. Абрамова, посвятившая специальную статью этим северокавказским мечам, склонна датировать их только относительно поздним временем — I в. до н. э. — I в. н. э.³³

Однако в 1977 г. Н. П. Сорокиной в кургане 18 некрополя античного города Кепа на Таманском полуострове был обнаружен длинный (87 см) массивный меч с серповидным навершием и без перекрестья (рис. 3, II)³⁴. Он найден в погребении, хорошо датированном пантикапейской серебряной монетой 40-х годов II в. до н. э. К II в. до н. э. относится и остальная инвентарь погребения. Аналогичные мечи трижды обнаружены Б. М. Керфовым в курганах группы Чегем I и II близ г. Нальчика в Кабардино-Балкарии³⁵, в комплексах, которые датируются временем не позднее II—I вв. до н. э.³⁶ Эти мечи длинные (до 73 см); два из них имеют серповидные навершия (рис. 3, IV, б и V), третий — волютообразное. У последнего есть широкий желобок вдоль клинка для стока крови (рис. 3, IV, а).

Такие поздние дериваты мечей рассматриваемого типа за пределами Северного Кавказа неизвестны.

- ¹ Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 304—305.
- ² Иессен А. А., Деген-Новалевский Б. Е. Из истории древней металлургии Кавказа.— Изв. ГАИМК, 1935, вып. 120, с. 162, рис. 27.
- ³⁻⁴ Гобеджишвили Г. Археологические раскопки в советской Грузии. Тбилиси, 1952. На груз. яз.; Трапш М. М. Памятники эпохи бронзы и раннего железа в Абхазии.— Труды, Сухуми, 1970, т. 1, с. 130—131; Крупнов Е. И. Материалы по археологии Северной Осетии докобанского периода.— МИА, 1951, № 23, с. 66, рис. 25; Гобеджишвили Г. Указ. соч.; Трапш М. М. Указ. соч., с. 131.
- ⁵ ГИМ, инв. № 44255; Абрамова М. П. Мечи и кинжалы центральных районов Северного Кавказа в сарматское время.— В кн.: Древности Восточной Европы. М., 1969, с. 9.
- ⁶ Пиотровский Б. Б. Кармир-Блур. Ереван, 1950, т. 1, с. 39, рис. 18.
- ⁷ Сланов А. Х. Памятники скифо-сарматского периода в Южной Осетии: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1978.
- ⁸ Макалангия С. И. Раскопки Дваисского могильника.— СА, 1949, т. XI, с. 228, рис. 4, 2; Гобеджишвили Г. Указ. соч., с. 99, табл. XLIV, XLV.
- ⁹ Трапш М. М. Указ. соч., с. 110, табл. V, 1.
- ¹⁰⁻¹¹ Минаева Т. М. Железный меч из коллекции Ставропольского музея.— СА, 1958, № 1, с. 231, рис. 1.
- ¹² Брашинский И. Б. Отчет Южно-Донской экспедиции 1966 г.— Архив ИА АН СССР, № 3317, альбом, рис. 55; Брашинский И. Б., Демченко А. И. Исследования Елизаветовского могильника в 1966 г.— КСИА, 1969, вып. 116, с. 111—117.
- ¹³ Воронов Ю. Н. Вооружение древнеабхазских племен в VI—I вв. до н. э.— В кн.: Скифский мир. Киев, 1975, с. 223; рис. 5, 14.
- ¹⁴ Толордава В. А. Погребение с черепичным покрытием из Даблагоми.— КСИА, 1977, вып. 151, с. 48 и сл., рис. 1.
- ¹⁵ Благодарю Ю. Н. Воронова за сообщение об этой находке, которая еще не опубликована.
- ¹⁶ Шамба Г. К. Об одном раннеэллинистическом захоронении представителя древнеабхазской знати из с. Эшера.— Изв. Абхазского ИЯЛИ, Тбилиси, 1972, вып. 1, с. 98—112, табл. 1, 19.
- ¹⁷ Яковенко Е. В. Скифы схидного Крыма в V—III вв. до н. э. Київ, 1974, с. 100, рис. 40, 2.
- ¹⁸ Сокольский Н. И. Боспорские мечи.— МИА, 1954, № 33, с. 133, табл. II, 1; Яковенко Е. В. Скифы..., с. 99—100, рис. 40, 1.
- ¹⁹ Один из мечей происходит из каменного ящика у станицы Таманской (сообщение Н. В. Анфимова), другой (кинжал длиной 31 см) — из гробницы 23 у хут. Рассвет под Анапой (раскопки Ю. С. Крушкол). См.: Крушкол Ю. С. Отчет об археологических исследованиях в Анапском районе в 1970 г. МОПИ им. Н. К. Крупской.— Архив ИА АН СССР, № 4310, с. 14—16, рис. 73.
- ²⁰ Галанина Л. К. Из истории населения Среднего Прикубанья начала эллинистической эпохи (по материалам Курджипского кургана): Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1975, с. 12, 13. Благодарю Л. К. Галанину за присланные для данной статьи прорисовки курджипских мечей.
- ²¹ Виноградов В. Б. Центральный и северо-восточный Кавказ в скифское время (VII—IV вв. до н. э.). Грозный, 1972, с. 319, рис. 3, 1; с. 335, рис. 19, 26; Кореняко В. А., Найдено А. В. Погребения раннего железного века в курганах на р. Томузлавка.— СА, 1977, № 3, с. 231—232, рис. 2, 1.
- ²² Пятигорский музей, № 758. Благодарю В. А. Кузнецова за предоставленную мне прорисовку этого меча.
- ²³ Крупнов Е. И. Археологические работы в Кабарде и Грозненской области.— КСИИМК, 1950, вып. XXXII, с. 85—110; Он же. Древняя история Северного Кавказа. М., 1960, с. 154, табл. VIII, 5.

- ²⁴ Бурачков П. Общий каталог монет, принадлежащих эллинским коллекциям, существовавшим в древностях на северном берегу Черного моря, в пределах нынешней Южной России. Одесса, 1884, т. 1, табл. XX, 80, 94.
- ²⁵ Смирнов К. Ф., Максименко В. Е., Лукьяшко С. И., Горбенко А. А. Исследования в междуречье Дона и Северского Донца в пределах Ростовской области.— АО 1976 г. М., 1977, с. 120, 121.
- ²⁶ Тевяшов В. Н. Отчет о раскопках в Острогожском уезде Воронежской губернии.— Тр. ВУАК, 1902, вып. 1, с. 93—112, табл. III.
- ²⁷ Каменецкий И. С. и др. Отчет Донской экспедиции ИА АН СССР за 1975 г., т. II.— Архив ИА, № 6032, с. 322—323, рис. 456, 457.
- ²⁸ Шилов В. П. Отчет о раскопках Астраханской археологической экспедиции 1961 г.— Архив ИА АН, № 2380.
- ²⁹ Об этих находках мне любезно сообщил Б. Ф. Железчиков, за что приношу ему благодарность.
- ³⁰ Мошкова М. Г. Сарматские погребения Ново-Кумакского могильника близ г. Орска.— В кн.: Памятники Южного Приуралья и Западной Сибири сарматского времени. М., 1972, с. 39, рис. 6, 4.
- ³¹ Горбунов В. С., Исмагилов Р. Б. Новые находки мечей и кинжалов савромато-сарматского времени в Башкирии.— СА, 1976, № 3, с. 233, рис. 1, 7.
- ³² По данным Р. Б. Исмагилова. Благодарю Р. Б. Исмагилова за ознакомление с еще не опубликованным материалом.
- ³³ Абрамова М. П. Указ. соч., с. 3—11; Она же. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972, с. 20, 21, рис. 7, 60, 74.
- ³⁴ Благодарю Н. П. Сорокину за ознакомление с этой интересной находкой и разрешение использовать ее в данной статье.
- ³⁵ Благодарю Б. М. Керефова за ознакомление с этими мечами и всем комплексом погребений, в которых они были найдены.
- ³⁶ Керефов Б. М. К этнической истории племен центральной части Северного Кавказа в сарматское время.— В кн.: VIII Крупновские чтения: Тезисы докл. Нальчик, 1978, с. 17—18.

М. Г. МОШКОВА

К ВОПРОСУ О МЕСТЕ ПРОИЗВОДСТВА НЕКОТОРЫХ ГРУПП САРМАТСКОЙ ЛОЩЕНОЙ КЕРАМИКИ

Широкие торговые связи между античными центрами Северо-Восточного Причерноморья и сарматскими племенами волго-донских, заволжских и калмыцких степей неоднократно рассматривались в археологической литературе¹. Общеизвестно, что наиболее тесные контакты существовали у сарматов с населением нижнего Дона, в первую очередь Тапса и Прикубаньем. К рубежу нашей эры и в первые века эти связи становятся особенно интенсивными.

Ассортимент импортных изделий, поступавших к сарматам, достаточно широк. Это серебряные и бронзовые сосуды италийского и западноримского производства, бусы и подвески из египетской пасты, огромное количество стеклянных бус и бисера, ювелирные изделия. Но особое место занимает гончарная керамика. Начиная с рубежа нашей эры во множестве сарматских могил, особенно на территории Волго-Донского междуречья, появляется серо- и чернолощенная круговая керамика — кувшины, миски, кружки, корчаги и т. д. Когда-то мною было высказано предположение, что вся она является импортной, поступавшей к сарматам из двух основных центров производства этих сосудов: с нижнего Дона и из Прикубанья². Отсутствие специальных работ по исследованию лощеной керамики с поселений и могильников Дона и Прикубанья делало почти невозможным отнесение имевшихся образцов к продукции того или иного центра. В сущности, положение не изменилось и сейчас, хотя за последние годы накоплен колоссальный материал, особенно с территории низовьев Дона. Особый интерес в этом плане представляет Кюбяковское городище, где обнаружены остатки производства серой и серолощенной гончарной посуды³, и Кюбяковский некрополь, погребения которого содержат разно-

образный набор этой керамики. Если учесть, что Кобяковское городище является наиболее восточным из известных сейчас поселений, то становится ясным, сколь важно и необходимо серьезное изучение продукции его керамических мастерских.

В одной из своих монографий Д. Б. Шелов лишь вскользь касается вопроса о гончарной лощеной керамике из сарматских памятников. Однако он замечает, что ввиду ее массовости представляется очень вероятным производство этой керамики в нескольких центрах (помимо нижнего Дона и Прикубанья), которые пока не определены⁴. Серолощенная сарматская керамика весьма разнообразна и многочисленна. Настоящая статья ни в коей мере не претендует на рассмотрение этого интереснейшего материала в полном объеме. Речь пойдет лишь о нескольких формах, которые, на наш взгляд, можно предположительно связать с продукцией, производившейся еще в одном керамическом центре, одном из тех, о возможном существовании которых писал Д. Б. Шелов.

Раскопки последних десятилетий в центральных районах Предкавказья и Северного Кавказа (Кабардино-Балкария, Северная Осетия, Чечено-Ингушетия)⁵ дали обильный и очень интересный материал, который в совокупности с уже имевшимся составляет значительные коллекции. Для нас особенно важны два памятника — Нижне-Джулатский и Подкумский могильники, основная часть погребений которых датируется I—III вв. н. э. Керамический материал их представлен разнообразными серо- и чернолощеными кувшинами, мисками, одноручными и двуручными кубками, сделанными из плотной коричневой или серой глины с примесью песка, раковины и слюдяной крошки, по-видимому естественного происхождения. Многие сосуды, особенно из Подкумского могильника, довольно массивны, с утяжеленным дном, а некоторые — без явных следов гончарного круга. По всем остальным показателям — глина, обработка поверхности, обжиг — они не отличаются от бесспорно гончарных. Можно думать, что эти сосуды (главным образом кувшины, реже миски) сделаны на подставке или ручном круге.

Интересующая нас серия серо- и чернолощенных гончарных сосудов из сарматских погребений разнообразна по своим технологическим свойствам (наблюдения, к сожалению, только визуальные). Часть из них — тонкостенные, сделаны из очень плотной, без заметных примесей серой глины, прекрасно обожженной. Значительную группу составляют хорошо лощеные, но довольно массивные сосуды (главным образом кувшины и миски), тяжелые, иногда без явных следов гончарного круга, но сделанные на подставке или ручном круге. Об этой группе Д. Б. Шелов писал, что пока у нас нет данных для определения местного производства этой керамики или привоза ее из других районов⁶. Но именно эти сосуды по технологическим особенностям производства удивительно сходны с северокавказскими образцами. Причем речь идет не только о посуде, сделанной на подставке, но часто и о бесспорно гончарной, отличающейся цветом глины (коричневато-серая, коричневая) и примесями в ней (слюда, ракушка), а иногда тяжеловесностью и массивностью.

Вся эта группа сосудов, появляющаяся в сарматских погребениях с I в. н. э., чрезвычайно близка керамике из центральных районов Северного Кавказа (Нижний Джулат, Моздок, Подкумок).

Особенно интересна для районов центрального Северного Кавказа группа кувшинов, основным формообразующим признаком которых является специфическая форма и отделка горла. Высота горла, как правило, средняя, но во всех случаях оно имеет воронкообразное расширение к краю, которое может быть очень постепенным или, наоборот, достаточно резким. Расширенная воронкообразная часть оформляется по-разному. Чаще всего она сплошь покрыта широкими желобками-каннелюрами. Иногда последние нанесены лишь на нижней части воронки, а самый край горла чуть утолщен. Наконец, иногда верхняя часть горла моделируется в виде нависающего воротничка. Во всех трех вариантах у основания горла может быть желобок или невысокий рельефный выступ. Форма тулова

этих кувшинов разнообразна — шаровидное, округло-биконическое, но чаще всего вытянутое-яйцевидное. Поверхность, как правило, черная или темно-серая, блестящая, хорошо лощеная. Форма ручки также достаточно специфична. Она массивная, круглая в сечении и в большинстве случаев на верхней части имеет выступ-утолщение (иногда с зооморфными деталями), реже горизонтальный или чуть скошенный срез.

Основная часть северокавказских кувшинов (около 10) этой группы происходит из Нижне-Джулатского могильника, расположенного в Причерной части центрального Северного Кавказа, наименее изученной в отношении памятников первой половины I тысячелетия н. э. Дальнейшие исследования этих районов, по-видимому, увеличат группу описанной специфической керамики. В пользу этого говорят и случайные находки (район Моздока)⁷. Но даже теперь представленные на рис. 1, 1—4 образцы этой керамики не исчерпывают имеющийся ассортимент вариации, поскольку при всей близости между собой каждый кувшин своеобразен. Появляясь на Северном Кавказе в I в. н. э., эти сосуды наиболее характерны для времени II—III вв. н. э.

Сосуды выделенной нами формы из сарматских погребений (рис. 2, 5—12), имеют те же особенности, что и северокавказские, включая цвет глины (часто коричнево-серый или коричневый) и примеси в ней. Близость их по форме, размерам (высота 25—40 см), пропорциями, отделке горла удивительна. Наиболее многочисленная группа этих кувшинов из сарматских погребений (11 экз.) имеет желобчатое воронкообразное горло, остальные семь представляют собой некоторую модификацию ведущей формы. Верхняя расширенная часть горла оформлена в виде широкого воротничка или желобчатого цилиндра.

Небезынтересно и географическое распределение находок таких кувшинов в сарматских могилах. Основная масса их (15 из 19) обнаружена на правобережье Волги, главным образом в южной части до параллели Волгограда (11 экз.). Лишь три кувшина известны из Заволжья (бассейн р. Еруслан) и один — из Южного Приуралья, причем все они находились в достаточно богатых захоронениях. Общие хронологические рамки сарматских кувшинов этой группы — I—III вв. н. э., скорее конец I—III в. н. э. В шести случаях (Абганеры, курган 3; Барановский могильник, курган 2; Старица, курганы 13, 55; Усатово, курган F-16; Лебедевка V, курган 23, погребение 2) они обнаружены с бронзовыми фибулами: сильно профилированными с крючком и верхней тетивой и лучковыми одночленными с подвижным приемником. По типологии А. К. Амброза, представленные в этих погребениях варианты фибул датируются от второй половины I—II в. (Абганеры, курган 3)⁸ до III в. включительно (Барановка, курган 2)⁹. Но основная масса этих кувшинов относится к II и II—III вв. н. э.

Как и рассмотренные нами кавказские сосуды, сарматские экземпляры при всей своей общей близости друг к другу в отдельных деталях сугубо индивидуальны (витые ручки, круглые налепы по бокам верхней выступающей части ручки и др.).

Не берусь утверждать, что все кувшины этой группы, обнаруженные в сарматских погребениях, являются импортом только из центральных областей Северного Кавказа (Нижний Джулат, Моздок, Подкумок), тем более, что в одной из могил Танаиского некрополя обнаружен очень близкий описанным сосудам серолощенный гончарный кувшин с витой ручкой¹⁰. Но в то же время весьма показательны такие данные: из 19 известных сарматских кувшинов 10 сделаны на ручном гончарном круге или подставке (из них три имеют на дне простые рельефные клейма), 6 содержат в глине примесь слюды и кварца. Все эти признаки свойственны именно северокавказской керамике. Поэтому представляется очень заманчивым подавляющую часть сарматских лощеных кувшинов, отличающихся специфическим оформлением горла, связать с производственной деятельностью керамических центров Северного Кавказа, его центральных районов.

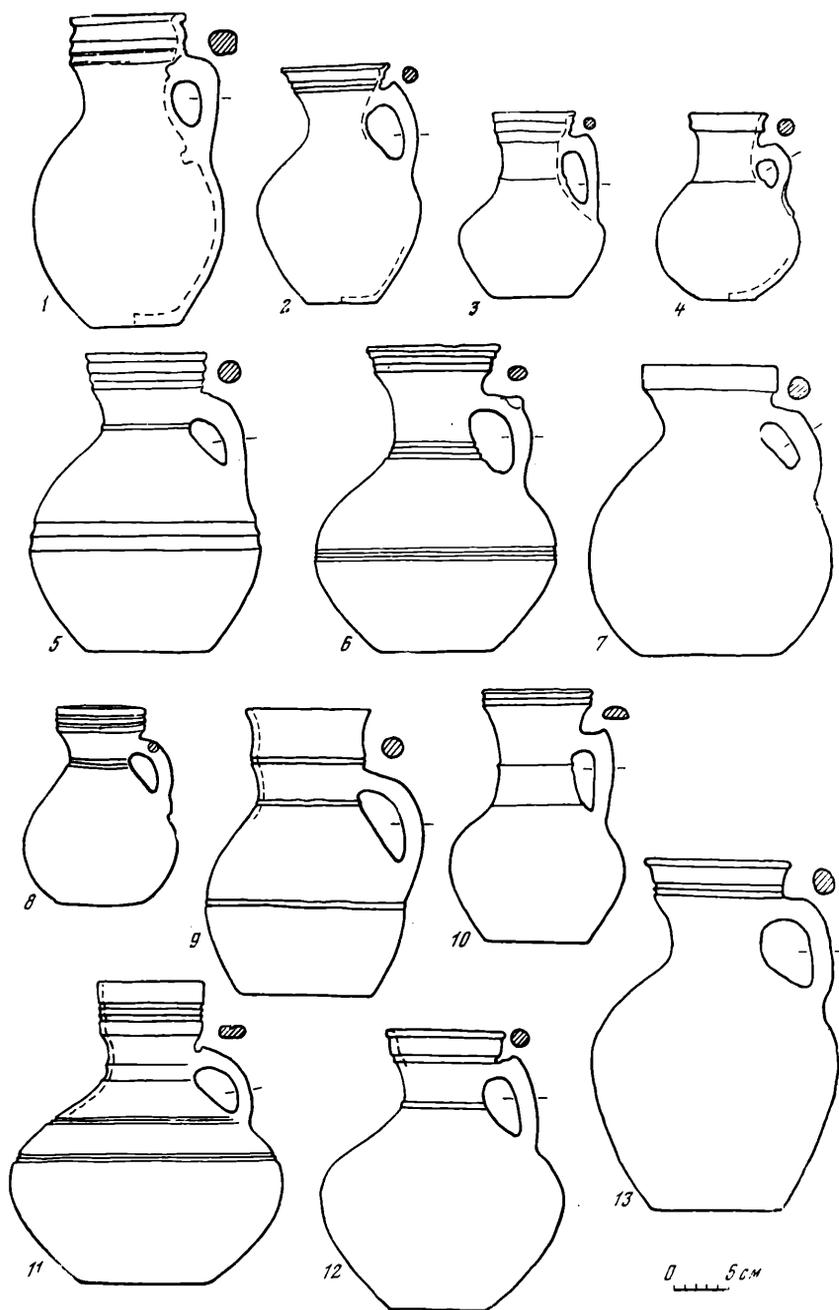

Рис. 1. Глиняные кувшины

1—3 — Нижний Джулат, погребения 94, 33, 42; 4 — Подкумок, погребение 39; 5 — Абганеры, курган 3; 6, 7 — Старица, курганы 62, 13; 8 — Барановка, курган 2, погребение 2; 9 — Усатово, курган F-16; 10 — Лебедевка V, курган 23, погребение 2; 11 — Кермен-Толга, курган 12; 12, 13 — Старица, курганы 55, 54

По всей вероятности, импортом из тех же районов являются еще некоторые группы серо- и чернолощеной сарматской керамики. Так, в первые века нашей эры по всей территории Северного Кавказа (Прикубанье, район Кавминвод, Дагестан) распространяются сосуды с трубчатой ручкой, соединенной с туловом перемычкой¹¹. По данным М. П. Абрамовой, подобная керамика известна в Закавказье, в частности в Грузии, уже в VI—IV вв. до н. э., а более ранние образцы найдены, по-видимому, в Дагестане¹². Начиная с первых веков нашей эры в степных сарматских

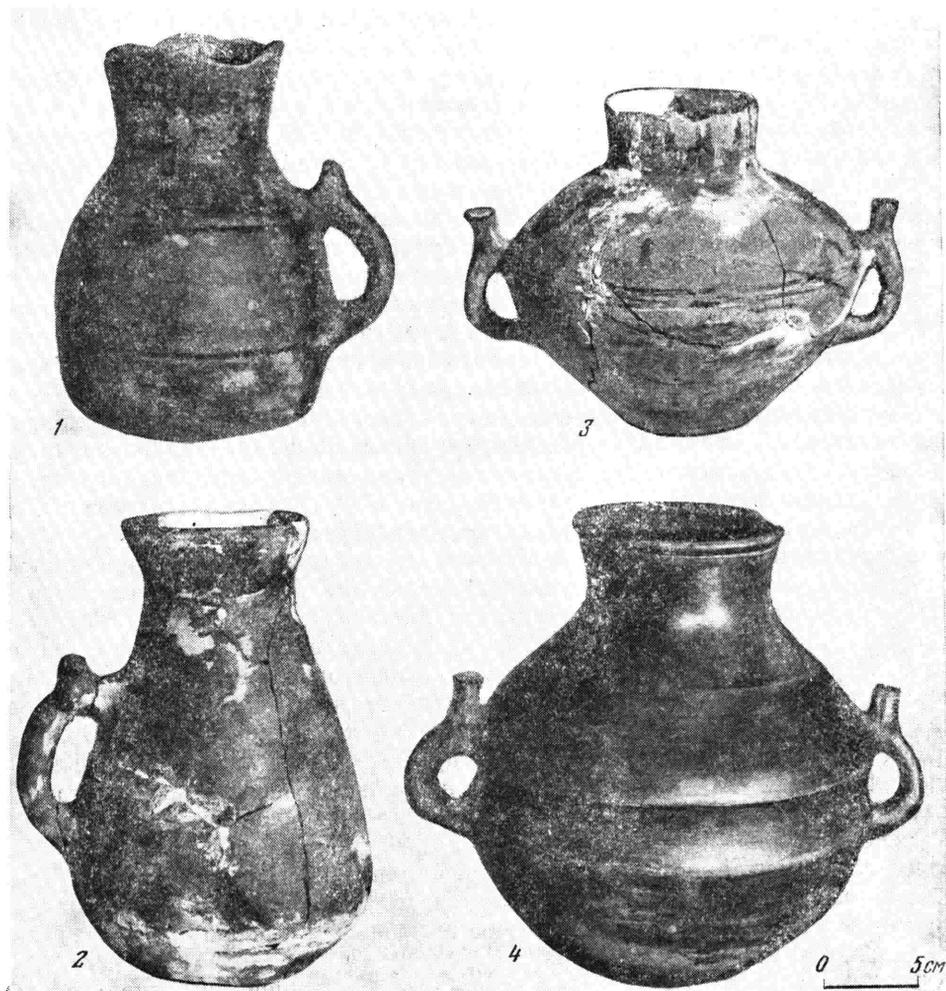

Рис. 2. Глиняные кувшины

1 — Нижний Баскунчак; курган 2; 2 — Бичкин-Булак, курган 18; 3, 4 — Три Брата, курганы 14, 13.

могилах также появляются подобные сосуды, но в очень небольшом количестве. Сейчас известно лишь пять кувшинов с трубчатой ручкой. Два из них средних размеров (высота 16—18 см) и три маленьких (высота 9—11 см). По своему облику сарматские кувшины с трубчатой ручкой очень напоминают северокавказские образцы — как кубанские (Восточный Мануш, курган 32), так и центральнокавказские (Сидоры, курган 6; Кузин хутор, курган 32; Жутово, курган 22). К сожалению, они найдены в невыразительных комплексах и могут датироваться лишь в широких пределах — I—II и II—III вв. н. э. Любопытно, что в Ленинске (курган 3) найден лепной лощеный кувшинчик с трубчатой ручкой и скругло-уплощенным дном¹³, несомненно местного производства, но сделанный по образцу импортных изделий.

С рубежа нашей эры в центральных районах Северного Кавказа, особенно в Терско-Сунженском междуречье, появляются кувшины с очень схематичными зооморфными ручками, верхняя часть которых оформлена в виде немного заостренных выступов. Во II в. н. э. выступы приобретают цилиндрическую форму с плоско срезанной верхней поверхностью, которая начиная с III в. нередко украшается резным схематичным изображением животного, его глаз и пасти¹⁴. Сосуды эти довольно широко распро-

страняются на всем Северном Кавказе, включая Прикубанье, а в III—IV вв. и в восточном Крыму¹⁵.

На сарматской территории известно лишь семь таких сосудов: три одноручных (Нижний Баскунчак, курган 2; Бичкин-Булак, курган 18; Восточный Маныч, группа II, курган 41, рис. 2, 1, 2) и четыре двуручных («Три брата», курганы 13, 14; Бережновка II, курган 84; Лебедевка, раскопки Г. И. Багрикова). Одноручные и два двуручных кувшина (Бережновка, Лебедевка) происходят из более ранних комплексов II или начала III в. н. э. Кувшины из могильника «Три брата», очень близкие между собой по форме (рис. 2, 3, 4), датируются, видимо, в пределах III в. н. э. Горизонтальные срезы ручек одного из них (курган 13) украшены резным схематичным изображением глаз и пасти животного. Интересно, что четыре из семи сосудов найдены в Калмыкии, два — на юге Заволжья и Приуралья и лишь один — в более северных районах (Бережновка).

Следует остановиться еще на одной очень значительной группе лощеной сарматской керамики — мисках гончарных или сделанных на подставке. В археологической литературе существует представление, что такие миски в сарматских могилах Нижнего Поволжья единичны¹⁶. Совершенно справедливое до начала массовых раскопок в Волго-Донском междуречье и Калмыкии, в настоящее время оно требует некоторых корректив. Сейчас из волго-донских погребений (включая Калмыкию) известно более 90 мисок. Подавляющая масса их происходит из погребений середины I—II и II—III вв. н. э., незначительная часть найдена в могилах рубежа I в. до н. э.—I в. н. э. Территориально они распространены столь же неравномерно. По ориентировочным подсчетам, в Калмыкии (Восточный Маныч, Элиста) одна миска встречается в каждом третьем сарматском погребении, в междуречье Дона и Волги до параллели Волгограда — в каждом четвертом, на правом берегу Волги, севернее Волгограда, — в каждом пятом, в Заволжье — в каждом семнадцатом. В южноприуральских памятниках мисок практически нет.

В рассматриваемой серии преобладают неглубокие миски высотой 8—11 см с загнутым внутрь бортиком (около 70%). Примерно 7% составляют миски с прямым бортиком, 20% — с желобчатым и около 3% приходятся на единичные формы.

Миски с желобчатым краем в первых веках нашей эры характерны главным образом для Прикубанья¹⁷, хотя достаточно хорошо известны в Танаисе¹⁸ и других поселениях нижнего Дона¹⁹. Различать продукцию кубанских и донских центров сейчас практически невозможно. Поэтому мы вправе предполагать одинаковую вероятность поступления желобчатых мисок к поволжско-донским сарматам из обоих центров.

Что касается наиболее многочисленного типа мисок — с загнутым внутрь бортиком, то здесь дело обстоит несколько иначе. По мнению М. П. Абрамовой, во II—III вв. в центральных районах Предкавказья (равнинные и предгорные районы Кабардино-Балкарии, Северной Осетии и Чечено-Ингушетии) преобладали серо- и чернолощенные неглубокие миски с загнутым внутрь бортиком и прогибом стенок у донышка. Последний признак является специфическим для местной продукции именно этих районов, поскольку, например, в районе Кисловодска (Подкумский могильник) подобные миски также многочисленны, но не имеют прогиба стенок у донышка²⁰. Вся коллекция сарматских мисок с загнутым бортиком делится на две группы, количественно почти равные. На 27 из 55 четко фиксируется отмеченный М. П. Абрамовой прогиб стенок у донышка. Наибольшее количество таких мисок обнаружено в Калмыкии, немного меньше — в могилах междуречья Дона и Волги (включая северное правобережье Волги) и лишь одна происходит из Заволжья. Остальные сарматские миски — с загнутым бортиком (28 экз.) — представляют собой обычную форму, достаточно хорошо известную в первых веках нашей эры как в Подонье²¹, так и на всем Северном Кавказе, включая Прикубанье²².

Таким образом, характер мисок, обнаруженных в сарматских погребениях

ниях, позволяет говорить о возможности поступления определенной части этой продукции из керамических мастерских центральных (равнинных и предгорных) районов Северного Кавказа. Наиболее компактную и значительную коллекцию подобных мисок дает здесь Нижне-Джуглатский могильник²³.

Изложенные выше наблюдения относительно некоторых групп лощеной керамики из сарматских погребений I—III вв. волго-донских степей и Калмыкии позволяют говорить о том, что торговые связи сарматских племен, населявших эту территорию, с населением центральных районов Северного Кавказа формируются и существуют начиная с рубежа нашей эры. Во II—III вв. они уже достаточно интенсивны. Наличие их ни в коей мере не умаляет роли Танаиса в жизни сарматов. Речь может идти лишь об определенной специализации и разделении сфер влияния. По-видимому, Танаис снабжал своей продукцией сарматов Подонья, северного правобережья Волги и Заволжья и был для них транзитным центром. Более южные районы междуречья, особенно районы Калмыкии и Астраханские степи, были сферой торгового влияния главным образом населения Северного Кавказа и Прикубанья, хотя и на этой территории встречается бесспорно танаисская продукция²⁴.

- ¹ Кушева А. Материалы для изучения культуры Суловского могильника.— Тр. Нижне-Волжского областного науч. об-ва краеведения, Саратов, 1926, вып. 35, ч. 1, с. 28—37; Книпович Т. Н. Танаис. М.; Л., 1949; Мошкова М. Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: Дис. ...канд. ист. наук.— Архив ИА АН СССР, № 1322, л. 181—240; Шелов Д. Б. Итальяские и западноримские изделия в торговле Танаиса первых веков н. э.— ААН, Budapest, t. XVII, 1965, р. 262—274; *Он же*. Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 195—218; Капошина С. И. Сарматы на нижнем Дону.— В кн.: Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л., 1968, с. 163—172; *Она же*. Связи сарматских племен Нижнего Подонья со Средиземноморьем в I в. до н. э. и в первые века нашей эры.— В кн.: Античное общество. М., 1967; *Она же*. Итальянский импорт на нижнем Дону.— ЗОАО, 1967, т. II, с. 208—213; Шилов В. П. К проблеме взаимоотношения кочевых племен и античных городов Северного Причерноморья в сарматскую эпоху.— КСИА, 1974, вып. 138, с. 60—66.
- ² Мошкова М. Г. Производство и основной импорт у сарматов Нижнего Поволжья: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1956, с. 6—7, 10—11.
- ³ Капошина С. И. Одна из групп керамики с Кобякова городища.— КСИА, 1963, вып. 94, с. 34—42.
- ⁴ Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон..., с. 215.
- ⁵ Абрамова М. П. Нижне-Джуглатский могильник. Нальчик, 1972; *Она же*. Раскопки Подкумского могильника.— АО 1972 г. М., 1973; *Она же*. Результаты работ на Подкумском могильнике. АО 1973 г. М., 1974; Абрамова М. П., Кантемиров Э. С., Череповская О. В. Исследования в центральных районах Северного Кавказа.— АО 1974 г. М., 1975; Виноградов В. Б. Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963; *Он же*. Археологические памятники сарматского времени в Кабардино-Балкарии.— УЗКБНИИ, 1967, т. XXV; Мунчаев Р. М. Новые сарматские памятники в Чечено-Ингушетии.— СА, 1965, № 2; Виноградов В. Б., Марковин В. И. Могильники сарматской эпохи у селения Балан-су и Батарейки (юго-восточная Чечня).— АЭС, Грозный, 1969, т. III; Виноградов В. Б., Рунич А. П. Новые данные по археологии Северного Кавказа.— Там же.
- ⁶ Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон..., с. 215.
- ⁷ Скалон К. М. Изображения животных на керамике сарматского периода.— ТОИПКГЭ, Л., 1941, ч. 1, с. 208, табл. XIII, 2.
- ⁸ Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, 1966, Д1—30, с. 40, табл. 8, 6.
- ⁹ Там же, с. 51, табл. 9, 11—13.
- ¹⁰ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса. М., 1961, с. 34—35; табл. XXI, 1.
- ¹¹ Абрамова М. П. К вопросу о связях населения Северного Кавказа сарматского времени.— СА, 1979, № 4.
- ¹² Там же.
- ¹³ Синицын И. В. Археологические исследования заволжского отряда.— МИА, 1959, № 60, с. 140, рис. 48, 9.
- ¹⁴ Абрамова М. П. О керамике с зооморфными ручками.— СА, 1959, № 2, с. 76, рис. 3.
- ¹⁵ Там же, с. 71, рис. 2.
- ¹⁶ Шелов Д. Б. Танаис и нижний Дон..., с. 215.
- ¹⁷ Анфилов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА. 1951, № 23, с. 193, рис. 15, 11; 16, 5, 6; *Он же*. Тахтамукаевский могильник.— В кн.: Сб. материалов по археологии Адыгеи. Нальчик, 1961, т. II, табл. I, 5, 8.
- ¹⁸ Шелов Д. Б. Некрополь Танаиса, табл. XVIII, 1.

- ¹⁹ *Кругликова И. Т.* Работы Сухо-Чалтырского отряда Нижне-Донской экспедиции.— В кн.: *Археологические памятники Нижнего Подонья*. М., 1974, т. II, с. 175, табл. IV, 6—8.
- ²⁰ *Абрамова М. П.* К вопросу о связях населения...
- ²¹ *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.* Раскопки юго-западного участка Танаиса (1964—1972 гг.).— В кн.: *Археологические памятники Нижнего Подонья*. М., 1974, т. I, табл. XIII, 1; XXXV, 1.
- ²² *Виноградов В. Б.* Сарматы северо-восточного Кавказа, с. 210. рис. 37, 9; *Анфилов Н. В.* Позднесарматское погребение из Прикубанья.— В кн.: *Археология и история Восточного Причерноморья*, 1952, с. 216—217.
- ²³ *Абрамова М. П.* Нижне-Джуглатский могильник, рис. 14.
- ²⁴ *Синицын И. В.* Отчет об археологических работах в Калмыцкой АССР, произведенных в 1965 г.— Архив ИА, № 3321, с. 158—160, рис. 334.

И. Г. РОЗЕНФЕЛЬДТ

ЕЩЕ РАЗ О БЕРЕЗНЯКОВСКОМ ГОРОДИЩЕ

Березняковское городище близ г. Рыбинска — важнейший памятник культуры древнего населения северных районов Волго-Окского междуречья I тысячелетия н. э. Это полностью раскопанное в 1934—1935 гг. укрепленное поселение прочно вошло в археологическую литературу. Его исследование позволило не только охарактеризовать культуру, экономику, общественный строй, идеологические представления и другие аспекты жизни древнего населения Верхнего Поволжья, но также поставить и решить сложные исторические вопросы о формировании культуры, этническом составе ее носителей, о роли этой культуры в процессе формирования древнерусской народности. Материалы Березняковского городища, впервые обобщенные и интерпретированные автором раскопок П. Н. Третьяковым¹, послужили в дальнейшем не только опорой для понимания широкого круга близких по культуре памятников, но и предметом дискуссий по вопросам этнического характера². В ходе этих обсуждений и по мере накопления новых данных П. Н. Третьяков изменил свою первоначальную точку зрения о славянской принадлежности городища и пришел к выводу, что культура его «не чисто финно-угорская, а смешанная, связанная с кругом балто-славянских памятников, с «отчетливо выступающей ролью... восточнобалтийского элемента»³. Е. И. Горюнова, рассматривая Березняковское городище как поздний памятник дьяковской культуры, видит в оставившем его населении финно-угров — древних мерян⁴.

Этническая интерпретация археологических памятников всегда трудна и большей частью не бесспорна. Исторические процессы, обусловившие формирование этнических образований, происходили в глубокой древности, отдаленной от настоящего времени многими веками. Именно поэтому представляется особенно важным осторожное отношение к хронологии исследуемых памятников. Время существования Березняковского городища было определено П. Н. Третьяковым в первых публикациях как IV—V или III—V вв.⁵ С этими датировками памятник вошел в основную массу археологических работ. Однако позднее П. Н. Третьяков говорил уже о дате городища как о середине — третьей четверти I тысячелетия н. э.⁶, не останавливаясь на причинах смещения хронологического акцента. Е. И. Горюнова считала Березняковское городище «важнейшим памятником середины I тысячелетия, а в ряде случаев уточняла дату, говоря о V—VI или VI—VII вв. В работе об этнической истории Волго-Окского междуречья она поместила его без комментариев на картах памятников I—V и VI—IX вв.⁷

За 40 с лишним лет, прошедших со времени раскопок Березняковского городища, в Волго-Окском междуречье изучено много позднедьяковских памятников. Некоторые из них также раскопаны полностью. Несмотря на общее сходство материальной культуры, каждый памятник несет черты

своеобразия. Для Березняковского городища, несомненно, самой яркой своеобразной чертой является наличие «домика мертвых» — до недавнего времени единственного памятника, позволявшего судить о погребальном обряде позднетьяковских племен. Это своеобразное погребальное сооружение привлекло пристальное внимание исследователей и послужило основанием не только для раскрытия идеологических представлений оставившего его населения, но и для определения его этнических черт. Только в свете данных о березняковском «домике мертвых» могло быть понято и соответствующим образом интерпретировано еще одно сооружение подобного рода, открытое на городище близ быв. Саввино-Сторожевского монастыря у г. Звенигорода⁸. К сожалению, само это городище, поросшее лесом, раскопками почти не исследовано и связь «домика мертвых» с культурным слоем поселения точно не установлена. Березняковское же городище, где погребальное сооружение исследовано в комплексе с остальными постройками, до настоящего времени остается единственным в своем роде. Именно поэтому материалы его и сейчас служат важнейшим археологическим источником, а для северного района дьяковской культуры оно является также и единственным полностью раскопанным городищем I тысячелетия н. э.

Все исследователи относят Березняковское городище к позднему этапу дьяковской культуры. В определении же абсолютной даты этого этапа до сих пор имеются разногласия, разрешению которых может способствовать, в частности, тщательный анализ материалов городища⁹. Занимаясь специально уточнением поздней даты дьяковской культуры, я вновь обратилась к этому материалу и в свете новых данных по ряду дьяковских и синхронных им памятников пришла к выводу о более позднем времени гибели Березняковского городища по сравнению с данными П. Н. Третьякова, о чем и сообщила автору раскопок. П. Н. Третьяков, выслушав мои доводы, согласился с возможностью продления даты Березняковского городища по VII в., предложив мне аргументировать более позднее время. П. Н. Третьяков рассматривал Березняковское городище как одно из позднейших укрепленных поселений в Верхнем Поволжье. Он особо отметил хорошую сохранность культурного слоя этого памятника, по его мнению погибшего при пожаре через одно-два столетия после возникновения. Он считал, что об этом свидетельствует незначительный по мощности культурный слой, отвечающий сравнительно короткому периоду существования поселения, отсутствие смещения слоев, отсутствие каких-либо строений на месте городища в более позднее время.

Для определения хронологии памятника П. Н. Третьяков использовал керамический материал, который считал соответствующим началу распространения выделенной им IV группы керамики, характерной для дьяковских городищ Верхнего Поволжья. На основании этого он определил начальную дату памятника как III—IV вв. Найденные при раскопках шесть фрагментов сетчатой керамики П. Н. Третьяков считал не относящимися к поселению и для определения даты привлек только лепную грубую гладкостенную посуду и найденные в незначительном количестве фрагменты чернолощеной керамики. Заметим, что наличие круговой посуды автором не отмечено. При просмотре коллекции в Государственном Эрмитаже мною она также не обнаружена. Для определения поздней даты памятника П. Н. Третьяков посуду не привлекал. Однако можно отметить, что гладкостенная посуда в виде округлобоких горшков с прямым или отогнутым плавном или под углом венчиком, без орнамента или с насечками по краю, а также чернолощеной¹⁰, в частности остроруберных форм¹¹, находит многочисленные аналогии в поздних слоях дьяковских городищ, относящихся ко второй половине I тысячелетия н. э.¹² Уже это, по нашему мнению, дает основание предполагать функционирование Березняковского городища в то время.

Основным материалом для абсолютной датировки памятника П. Н. Третьякову послужили вещи¹³, среди которых он выделяет несколько предметов IV—V вв. Это бронзовая колокольчатая привеска из раско-

пок А. А. Спицына, арбалетовидная фибула, ажурная бляха и привеска в виде утиной лапы. Наиболее поздней вещью он считал височное кольцо с замком в виде круглого щитка с крючком, которое датировал VI—VII вв. Поскольку никаких других вещей, относящихся к этому времени, по мнению автора, на городище не было, то время гибели его определено концом V — началом VI в.

Несколько более поздним временем датирует этот памятник Е. И. Горюнова. В ее работе об этнической истории Волго-Окского междуречья в названии главы, посвященной Березняковскому городищу, стоит дата V—VI вв.¹⁴ Как и П. Н. Третьяков, она привела для вещей параллели в материалах, по ее мнению датирующихся IV—V вв., но, отмечая устойчивость типов вещей, говорила об их более длительном бытовании. Отмечена ею и характерность березняковской посуды для позднедьяковских памятников, устойчивость ее типов и длительное бытование в финно-угорских памятниках VIII—IX вв. и последующего времени. Однако конкретных хронологических выводов из этого Е. И. Горюнова не делает.

Оба автора подчеркивают, с одной стороны, цельность и характерность комплекса находок, компактность его залегания в тонком, мощностью до 35 см культурном слое, относительную недолговечность и гибель памятника от пожара, а с другой — принимая за опору для начальной даты один источник (разработки П. П. Ефименко по Рязанским могильникам), по-разному определяют время его возникновения. Для поселения, существовавшего, как думают авторы, всего 200—300 лет, расхождение в датировках примерно на такой же период представляется серьезным истораживаает.

Нам представляется, что небольшая мощность культурного слоя на поселении необязательно свидетельствует о кратком периоде его существования. Характер культурного слоя не исключает возможности говорить о более длительной жизни на Березняковском городище. Если бы оно существовало два-три века, то поселок за это время не мог бы сохранять ту устойчивую планировку, которая открыта при раскопках. Жилые и хозяйственные наземные постройки березняковского типа не могли служить долго, они должны были многократно перестраиваться и сменяться новыми, в слое, несомненно, должны были остаться следы их стратиграфического соотношения и перепланировок. Такая картина наблюдается на ряде городищ. Так, например, на Троицком городище, где жизнь длилась около 1000 лет, а мощность культурного слоя на площадке не превышала 1 м, выделено девять строительных ярусов, причем в верхнем слое, мощностью от 20 до 60 см, который по характеру сооружений и находок может быть близко сопоставлен со слоем Березняковского городища, прослежено пять ярусов сооружений¹⁵. Несомненно, их было больше, но при плотном совмещении в слое остатков этих построек не все они могли быть выделены. По-видимому, и на Березняковском городище надо предполагать наличие нескольких строительных ярусов, следы которых не были открыты при раскопках, обнаруживших лишь самый поздний ярус сгоревших при пожаре построек. Вероятно, наиболее ранние сооружения были основательно спланированы, а следы их в песчаном культурном слое, так же как и на песчаном материке, оказались неразличимы. С невозможностью выявить последовательность планировки построек из-за их плохой сохранности мы встречаемся и на других памятниках, также полностью раскопанных, например на Щербинском городище¹⁶. Таким образом, нам представляется, что малая мощность культурного слоя Березняковского городища еще не может служить доказательством кратковременности жизни на этом памятнике.

Обратимся к тем категориям инвентаря, которые дают основание для хронологических заключений. Заметим, что периодизация П. П. Ефименко, на которую опирались исследователи Березняковского городища¹⁷, являлась одним из первых опытов датирования археологического материала и теперь в нее внесены А. К. Амбросом существенные коррективы¹⁸. Сопоставив свои разработки по хронологии многослойных дьяковских

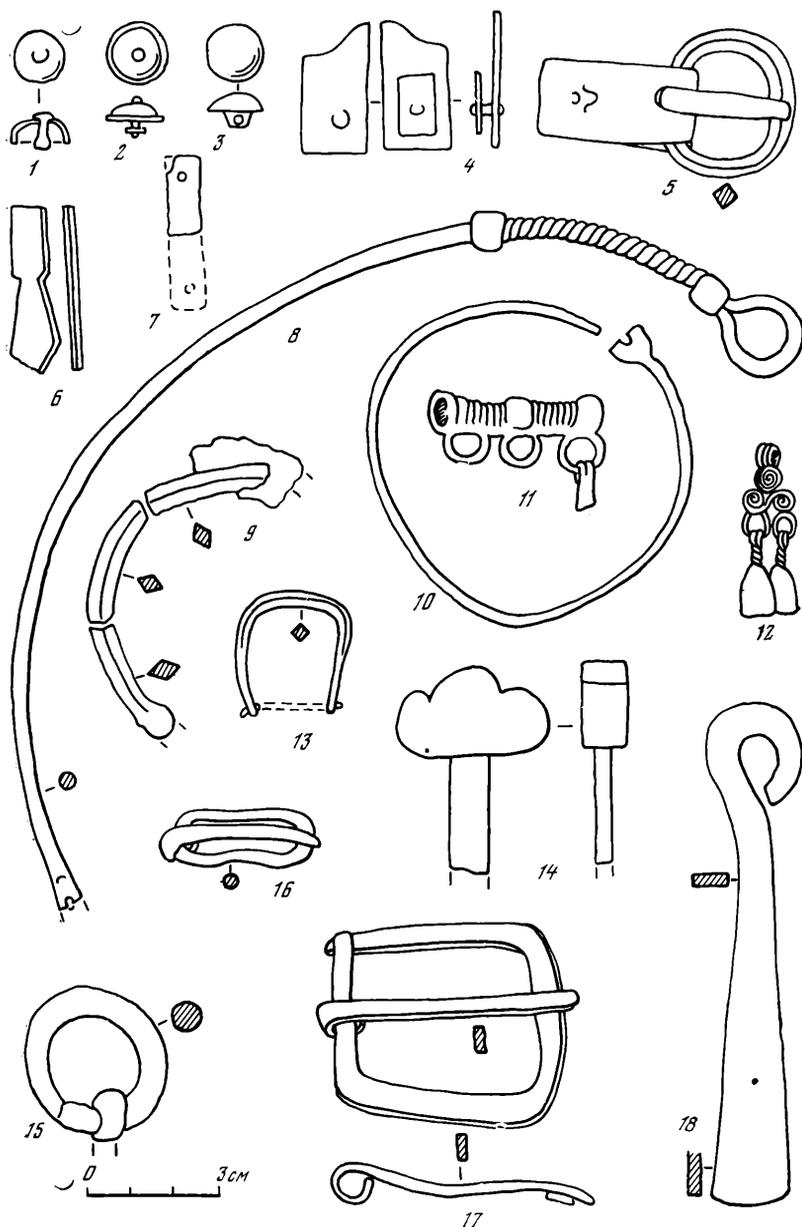

Рис. 1. Предметы второй половины I тысячелетия н. э. с Березняковского городища (1—18)

поселений с его данными, мы считаем, что сделанные им поправки к периодизации П. П. Ефименко оправданы и в основном убедительны.

Нам представляется, что следующие предметы с Березняковского городища могут быть датированы второй половиной I тысячелетия н. э.

Бронзовое браслетообразное височное кольцо с расплюснутым в круглый щиток концом, в котором имеется отверстие; другой его конец загнут в виде крючка (рис. 1, 10). Кроме многочисленных аналогий в мерянских древностях VI—VII вв. и муромских погребениях VIII в.¹⁹, известно много параллелей таким кольцам в хорошо датированных (в частности, по монетам) финно-угорских и раннеболгарских погребальных памятниках VIII—X вв. (Пятницкий, Мологицкий, Больше-Тарханский и другие могильники)²⁰.

Обломок бронзовой привески в виде дужки со спиралевидными концами, завернутыми на внешнюю сторону. По аналогии из раннесредне-

вековых кладов украшение датируется третьей четвертью I тысячелетия²¹. Прикамские параллели указывают на то же время²².

Гривна (обломок) из круглого гладкого в сечении дрота с проволочной обмоткой и с бронзовыми напускными бусинами на концах, завершающихся у этого типа гривен замок в виде петли и крючка (рис. 1, 8). На основании ряда погребальных комплексов А. К. Амброзом датируется VI—VII вв.²³

Бронзовые шумящие подвески к ожерелью. Одна из них с трубчатой основой и отходящим от нее подтреугольным, составленным из спиралек щитком, с двумя кольцами, соединенными с колокольчатыми привесками (рис. 1, 12). При сопоставлении с известными нам редкими параллелями (совпадение по типу щитка) из Старой Рязани и Сарского городища²⁴ ее можно датировать временем с VI по VIII в. Подвеска по форме и деталям соответствует (кроме основы, определяющей ее назначение) бронзовой серьге со Щербинского городища, которая датируется нами VII в.²⁵ Одним из аргументов для этой даты служат литые колокольчатые привески с петель, которые по нашим стратиграфическим наблюдениям при раскопках позднедыковских памятников, как и по разработкам А. К. Амброза, относятся к VII в. Вторая подвеска (рис. 1, 11) имеет массивную рубчатую основу, имитирующую плотно свитую спираль. На концах и в центре ее — гладкие перемычки. На отходящих от трубки трех кольцах висели привески, тип которых из-за плохой сохранности не устанавливается. Тожественных изделий мы не знаем, но близкого типа подвески широко распространены в финно-угорских памятниках второй половины I тысячелетия. Наиболее ранние из них по колокольчатым привескам датируются VII в. (Курманский могильник). Некоторые из трубчатых подвесок с тремя кольцами и соответственно с тремя разных типов пластинчатыми привесками известны по погребениям VIII—IX вв.²⁶ С X в. распространяются трубчатые подвески более усложненных типов. Поэтому Березняковский экземпляр, на наш взгляд, можно датировать с VII по IX в.

Фибула бронзовая подковообразная. Представляет собой фрагментированное массивное кольцо диаметром более 6 см (рис. 1, 9). Опубликована Н. П. Третьяковым как деталь узды²⁷. По мнению А. Е. Леонтьева²⁸, разделяемому и мной, этот предмет представляет собой плохо сохранившуюся подковообразную фибулу ромбического сечения, концы которой утрачены. Подковообразные фибулы, ромбического сечения независимо от формы концов датируются на Руси временем не ранее X в. Это фибулы скандинавского типа, в Финляндии, Прибалтике, Швеции и Норвегии они датируются IX—X вв.²⁹

Поясные пряжки. Две пряжки имеют прямоугольную обойму. У одной сохранилась полностью и медная обойма, и железное кольцо подпрямоугольного сечения (рис. 1, 5), от второй сохранилась лишь часть железной обоймы (рис. 1, 4). Аналогии им широко известны в памятниках VI—VII вв. Этим временем их датирует и А. К. Амброз³⁰. Важна для выяснения хронологии пряжка, согнутая из бронзовой проволоки, края которой слегка расплющены, а в пробитые в них отверстия пропущен стержень, на котором свободно вращался язычок. Стержень сохранился частично, язычок утрачен. Дужка пряжки имеет ромбическое сечение (рис. 1, 13). Эта находка входит в состав коллекции из раскопок П. Н. Третьякова, но в публикациях не огажена³¹. Многочисленные аналогии показывают, что пряжки такого типа не встречаются ранее конца VIII в. и бытуют по XI в.³²

Наконечники поясов. Найдены в количестве четырех. Они бронзовые, пластинчатые, с подпрямоугольной верхней частью и отходящей от нее лопастью с угловатым завершением (рис. 1, 6). Многочисленные аналогии в финно-угорских древностях позволяют датировать их VI—VII вв.³³

Поясная железная накладка прямоугольной формы, частично обломанная, имевшая на концах отверстия для скрепления с ремнем (рис. 1, 7). Ошибочно опубликована как трапецевидная подвеска. Имеет аналогии

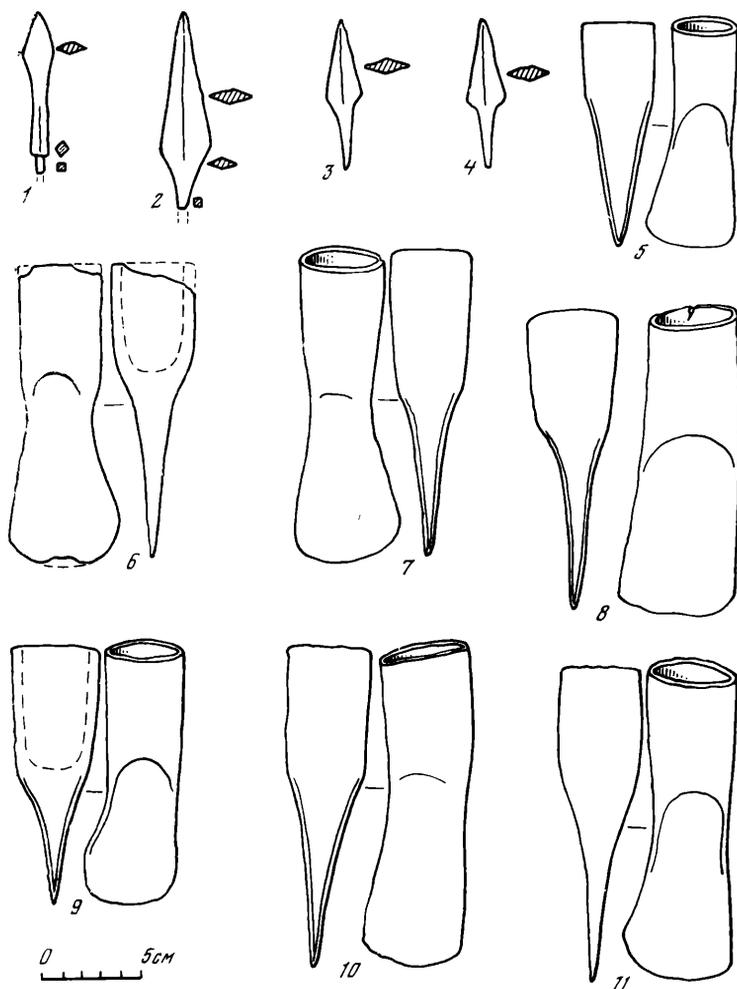

Рис. 2. Предметы второй половины I тысячелетия н. э. с Березняковского городища (1—11)

в комплексах, датируемых с VII—первой половины VIII в.³⁴ по XI в.³⁵

Заклепки ременные. Найдены в количестве более 25 экз. Имеют полусферическую форму и штифтик, проходящий в отверстие бляшки и завершающийся пластинкой в основании, служившей для закрепления ремня. Часть их — гладкие, часть — с кантиком по краю (рис. 1, 1, 2). Все заклепки найдены в одном комплексе в пределах постройки 1. П. Н. Третьяковым рассматривались как остатки узды. Нам представляется, что это остатки поясного набора. Здесь же были найдены бляшки, обоймы и деталь костюма, уже упоминавшаяся подковообразная фибула. На основании этой фибулы весь комплекс, в том числе и заклепки, можно датировать X в. Заклепки рассматриваемого типа широко распространены в период от VI до X в., а в комплексах X в. часто встречаются совместно (гладкие и с кантиком).

Рукоять миниатюрного меча или кинжала с трехчленным навершием (рис. 1, 14). По-видимому, это местное подражание общеевропейским формам конца VII—начала VIII в.³⁶ Ближайшая аналогия — меч с Сарского городища, датированного Е. А. Леонтьевым VIII—IX вв.³⁷ Среди наконечников стрел встречены образцы, характерные для VIII—X вв. (рис. 2, 1—4)³⁸.

Сбруйные железные пряжки. Представлены тремя типами: с круглой, прямоугольной и овальной рамкой с вогнутыми сторонами (рис. 1, 15—17).

Все эти типы пряжек общеевропейские. Они были широко распространены во второй половине I тысячелетия н. э., часто встречаются совместно. Хронология их в настоящее время хорошо разработана. В Восточной Европе они появляются в VII—IX вв. и выходят из употребления в середине X в.³⁹

Среди многочисленных железных ножей обращает на себя внимание нож с прямой спинкой, датированный А. Е. Леонтьевым при специальном исследовании X в.⁴⁰

Важны для хронологии Березняковского городища найденные здесь восемь железных топоров-кельтов. Они обнаружены в культурном слое (1 экз.), в жилище 2 (2 экз.) и в «домике мертвых» (5 экз.). Все кельты одного типа: крупные, с глубокой втулкой, резко отделенной от сильно уплощенного лезвия, расположенного по отношению к ней под углом (рис. 2, 5—11). Типологически и по размерам они резко отличаются от известных на других дьяковских городищах, а по параметрам и конструктивным особенностям наиболее близки кельтам, широко распространенным в финно-угорском мире в VII—X вв.⁴¹

В «домике мертвых» найдена бронзовая литая пуговица с полусферической головкой (рис. 1, 3). Наиболее ранние предметы этого типа появляются в VIII—IX вв.⁴²

Отметим также железное пластинчатое кресало, опубликованное П. Н. Третьяковым как предмет неизвестного назначения (рис. 1, 18)⁴³. Этот тип кресала сложился в середине I тысячелетия и был распространен до его конца. Проведенный нами анализ кресал в виде пластины, несколько расширенной в основании и завершенной крючком, показывает, что они были в употреблении у финно-угорского населения до VIII в. Большая серия таких кресал отмечена А. Е. Леонтьевым среди ранних находок на Сарском городище, много их в финно-угорских могильниках этого времени. В IX—XI вв. у финно-угорских племен были распространены кресала других форм⁴⁴.

Проведенный анализ находок показывает, что период жизни на Березняковском городище был значительно шире, чем это принято считать. С возникновением памятника в середине I тысячелетия можно согласиться, поскольку предметы VI—VII вв. на нем представлены широко. Поздней датой, судя по приведенным данным, является X в. «Домик мертвых», по-видимому, следует связывать с поздним этапом жизни городища. Он хорошо вписывается в планировку поселка, погибшего при пожаре. Даже если допустить, что в какое-то предшествующее пожару время жилища располагались несколько по-иному, то место, отведенное для «домика мертвых» как ритуального сооружения, на протяжении длительного времени должно было оставаться неизменным. Поэтому можно понять, почему среди находок этого комплекса встречаются предметы VI—VII, VIII и IX вв. О том, что «домик мертвых» связан с функционировавшим поселением, свидетельствуют находки абсолютно идентичных кельтов как в этом обрядовом сооружении, так и в жилой застройке и просто в слое. Следовательно, обряд погребения в «домике мертвых» может быть связан с поздним периодом дьяковской культуры, который, по нашему мнению, датируется VI—X вв.⁴⁵ Предметы второй половины I тысячелетия, соответствующие и найденным на Березняковском городище, в определенных устойчивых сочетаниях в значительном количестве обнаружены на многих дьяковских памятниках. К позднедьяковскому времени относится и «домик мертвых» на городище у Саввино-Строжевского монастыря⁴⁶. Бронзовые украшения, найденные здесь, по нашему мнению, позволяют считать, что это сооружение функционировало вплоть до начала IX в.⁴⁷

Уточнение поздней даты Березняковского и других городищ дьяковской культуры позволяет объяснить и естественный переход некоторых традиций носителей этой культуры, в частности погребальных, в культуру последующего времени. Несомненно правы П. Н. Третьяков, Е. И. Горюнова и другие исследователи, отмечающие, что в X в.

в процессе формирования древнерусской народности активная роль принадлежала местному населению Волго-Окского междуречья. Следует отметить, что переход некоторых черт его культурных традиций, в частности погребальных, не был просто «перенесением идеи и внедрением ее в качественно новую среду»⁴⁸, а был обусловлен непосредственным хронологическим контактом местного и пришлого славянского населения.

Об этническом составе населения Березняковского городища много говорилось в печати. Представляется, что П. Н. Третьяков прав, отмечая наличие балтских элементов в его материальной культуре. Однако в поздний период существования этого городища преобладали, по-видимому, финские черты. Население Березняковского городища, с нашей точки зрения, было смешанным балто-финно-угорским, так же как и на всех позднедьяковских памятниках. Однако на Березняковском и других верхневолжских городищах балтские элементы, особенно характерные для центральных районов дьяковской культуры, проявляются слабее⁴⁹.

⁴ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в I тысячелетии н. э.— МИА, 1941, № 5, с. 51—68, 113—140.

² Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 3—30; Третьяков П. Н. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.— СА, 1957, № 2, с. 64—77.

³ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.; Л., 1966, с. 235, 238, 290.

⁴ Горюнова Е. И. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 62—82.

⁵ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 8, 51 и др.

⁶ Там же, с. 235.

⁷ Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 64 и др., рис. 101, 102.

⁸ Краснов Ю. А., Краснов Н. А. Домик мертвых на городище дьяковского времени.— АО 1966 г. М., 1967, с. 34—36; Они же. Погребальные сооружения на городище дьякова типа.— В кн.: Вопросы древней средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978.

⁹ Государственный Эрмитаж, ОИПК, № 1403.

¹⁰ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 124—125, рис. 66.

¹¹ Третьяков П. Н. Финно-угры, балты и славяне..., с. 238.

¹² Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, рис. 43.

¹³ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 66—68.

¹⁴ Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 62—82.

¹⁵ Дубынин А. Ф., Розенфельдт И. Г. Постройки Троицкого городища.— В кн.: Древнее поселение в Подмошье.— МИА, 1970, № 156, с. 100, рис. 2; Дубынин А. Ф. Троицкое городище.— Там же, с. 18—23, рис. 10—13.

¹⁶ Дубынин А. Ф. Щербинское городище.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 215—216.

¹⁷ Ефименко П. П. Рязанские могильники.— МЭ, Л., 1926, т. III, вып. 1; Он же. К истории Западного Поволжья в I тысячелетии н. э.— СА, 1937, т. II.

¹⁸ Амброз А. К. Проблемы раннесредневековой археологии Восточной Европы, I.— СА, 1971, № 2, с. 96—123; II.— СА, 1971, № 3, с. 106—134; Он же. Хронология раннесредневековых древностей Восточной Европы V—IX вв.: Дис. ...д-ра ист. наук.— Архив ИА, д. 2142, 2142а.

¹⁹ Дубынин А. Ф. О племенной принадлежности населения северной окраины Муромской земли.— СА, 1966, № 3, рис. 1, с. 68, погребение 1. А. Ф. Дубынин датирует погребение IV—VII вв., А. К. Амброз продлевает дату до первой половины VIII в. см.: Амброз А. К. Проблемы..., II, с. 113.

²⁰ Коллекция Муромского районного краеведческого музея; Розенфельдт Р. Л. Муромский могильник в с. Молотицы.— В кн.: Вопросы древней и средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, с. 180—184; Генинг В. Ф., Халиков А. Х. Ранние болгары на Волге. М., 1964, табл. XIV, 18.

²¹ Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности..., рис. 3, 10; Рыбаков Б. А. Новый Суджанский клад антского времени.— КСИИМК, 1949, вып. XXVII, с. 75—90; Он же. Древние русы.— СА, 1953, т. XVII, рис. 11—13; Корзухина Г. Ф. К истории Среднего Поднепрья в середине I тысячелетия н. э.— СА, 1955, т. XXII. По Б. А. Рыбакову, эти предметы датируются VI—VII вв., по Г. Ф. Корзухиной — началом VIII в.

²² Амброз А. К. Проблемы..., II, с. 112.

²³ Там же, с. 113.

- ²⁴ Коллекции из раскопок 1946 г. Рязанский областной краеведческий музей, № 308, Сарское городище, по Е. И. Горюновой, датируется с VI или начала VII в. (*Горюнова Е. И. Этническая история...*, с. 95), по А. Е. Леонтьеву — с VIII в. (*Леонтьев А. Е. Сарское городище в истории Ростовской земли (VIII—XI вв.)*: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 1975).
- ²⁵ *Розенфельдт И. Г.* Об одном типе позднедьяковских племенных украшений.— В кн.: Вопросы древней средневековой археологии Восточной Европы. М., 1978, рис. 1, 1.
- ²⁶ Среднедвинская мордва VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 12, 2; 15, 2 и др.
- ²⁷ *Третьяков П. Н.* К истории племен..., рис. 28, 6, с. 137; Государственный Эрмитаж, ОИПК, № 1403/132.
- ²⁸ *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2, с. 43.
- ²⁹ *Мальм В. А.* Подковообразные и кольцевидные застёжки-фибулы.— В кн.: Очерки по истории русской деревни X—XIII вв. М., 1967, с. 156, 179, 180, рис. 22, 4, 5. (Тр. ГИМ; Вып. 43); *Фелнер М. В.* Внешнеэкономические связи по материалам Ярославских могильников.— В кн.: Ярославское Поволжье. М., 1963, рис. 46, 21, 23, табл. I.
- ³⁰ Древности Мордовского народа. Моршанск, 1952, табл. XI, 8; XX, 12; XXII, 12; *Седов В. В.* Длинные курганы кривичей.— САИ, 1974, Е1—8, табл. XXIV, 9, с. 34; *Kivikoski E.* Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, N 566; *Амброз А. К.* Проблемы..., II, с. 113.
- ³¹ Государственный Эрмитаж, ОИПК, № 1403/275.
- ³² *Седов В. В.* Длинные курганы..., табл. 24, 16; Среднедвинская мордва..., табл. 15, 1; 43, 1; *Генинг В. Ф.* Древнеудмуртский могильник Мыдлань-Шай.— ВАУ, Свердловск, 1962, вып. 3, табл. III, 16; Археология Латвийской ССР. Рига, 1974, табл. 55, 16; *Kivikoski E.* Op. cit., N 884.
- ³³ *Амброз А. К.* Хронология..., II, рис. 64, 10—12.
- ³⁴ Там же, рис. 71, 8, 9.
- ³⁵ Археология Латвийской ССР, рис. 119, табл. 59, 25 и др.
- ³⁶ *Kivikoski E.* Op. cit., Tabl. 57, N 521, p. 76.
- ³⁷ *Леонтьев А. Е.* Сарское городище..., рис. 10, 1.
- ³⁸ *Медведев А. Ф.* Ручное метательное оружие.— САИ, 1966, Е1—36, с. 69—70 (тип 52, вариант 4); Среднедвинская мордва..., табл. 28, 1.
- ³⁹ *Кирпичников А. Н.* Снаряжение воина и верхового коня на Руси IX—XIII вв.— САИ, 1973, Е1—36, с. 76—77; *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях.— МИА, 1958, № 62, с. 159.
- ⁴⁰ *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей..., с. 43.
- ⁴¹ *Жиганов М. Ф.* Из истории хозяйства мордвы в XIII—XVI вв.— В кн.: Исследования по материальной культуре мордовского народа. М., 1963, с. 9—11.
- ⁴² *Амброз А. К.* Проблемы..., рис. 8, 50; II, с. 130.
- ⁴³ *Третьяков П. Н.* К истории племен..., с. 135.
- ⁴⁴ *Голубева Л. А.* К истории пластинчатых огней Восточной Европы.— В кн.: Новое в советской археологии. М., 1965, с. 257, рис. 1, 3, 5, 7.
- ⁴⁵ *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 189.
- ⁴⁶ *Краснов Ю. А., Краснов Н. А.* Домик мертвых..., с. 34; *Они же.* Погребальные сооружения...
- ⁴⁷ *Розенфельдт И. Г.* Об одном типе..., с. 163—164.
- ⁴⁸ *Дубов И. В.* «Домики мертвых» ярославских могильников.— В кн.: Проблемы истории и культуры северо-запада РСФСР. Л., 1977, с. 120—123.
- ⁴⁹ *Розенфельдт И. Г.* Керамика дьяковской культуры, с. 197.

Ю. А. КРАСНОВ

О ДАТЕ БЕРЕЗНЯКОВСКОГО ГОРОДИЩА

Городище Березняки в окрестностях г. Рыбинска по праву считается важнейшим памятником позднего этапа дьяковской культуры в северной части ее ареала. Исследователь городища П. Н. Третьяков датировал его периодом с конца III — IV до конца V — начала VI в.¹ Эта датировка была несколько уточнена Е. И. Горюновой, которая время возникновения поселения отнесла к V в., время его гибели — к VI в.² П. Н. Третьяков и Е. И. Горюнова подчеркивали, что период жизни на Березняковском поселении был весьма кратковременным³. С этими датами памятник и вошел в археологическую науку.

Однако в последнее время появилась тенденция значительно расширить время существования Березняковского городища. К. А. Смирнов на основании находок лапчатой привески, ножей с горбатой спинкой, плоских стрел с шипами и наверхия булавки со спиральной головкой предположил,

что на городище был слой первых веков нашей эры, уничтоженный позднейшим строительством⁴. В другой работе он, правда с оговорками, предполагал в Березняках даже наличие слоя второй половины I тысячелетия до н. э.⁵ И. Г. Розенфельдт высказала мнение, что городище, возникнув в середине I тысячелетия н. э., просуществовало до X в. включительно, т. е. не менее 500—600 лет⁶.

Изменение датировки Березняковского городища имеет принципиальное значение. Ведь его материалы используются в качестве важных аналогий для датирования археологических объектов широкого региона, являющихся своеобразным эталоном для определенного времени и территории. Есть ли, однако, достаточные основания для передатировки этого памятника?

Обратимся, во-первых, к вопросу о длительности существования поселения на Березняковском городище. Важную информацию в этом плане дает сам культурный слой и остатки погребенных в нем сооружений.

Известно, что культурный слой городища имел незначительную мощность, достигавшую в центральной и восточной части 0,2—0,35 м. В западной, более возвышенной части толщина его уменьшалась до 0,15—0,20 м, а в северо-западном углу, где не было построек, он выклинивался. Параллельно изменению мощности менялся и цвет слоя — от интенсивно черного до бурого, почти не отличавшегося от обычной почвы. Никакого оползания или сброса культурного слоя на склоны городища не наблюдалось. Никакого смещения слоев автором раскопок не отмечено. Не было на месте городища и какого-либо строительства после пожара, уничтожившего поселение. Эти обстоятельства сами по себе послужили П. Н. Третьякову основанием для вполне справедливого вывода, что культурный слой памятника «отвечает сравнительно короткому периоду существования здесь поселения, погибшего в результате пожара»⁷.

Материк представлял собой местами светло-желтый песок, местами тяжелую морену в виде песка с гравием и валунами. При этом П. Н. Третьяков отмечает: «Граница культурного слоя и подстилающего его материка являлась чрезвычайно четкой и определенной во всех частях городища. Всякого рода нарушения материка были видны прекрасно»⁸.

При незначительном культурном слое и хороших условиях для выявления всякого рода нарушений материка на городище были прослежены остатки 11 построек, погибших в огне пожара, после которого жизнь здесь уже не возобновлялась. Эти постройки, судя по положению их остатков, возводились в то время, когда на городище еще не было культурного слоя или он был незначительным⁹. П. Н. Третьяков отмечает, что некоторая углубленность построек в материк «объясняется, возможно, тем, что на месте построек, имевших земляной пол, снимался дерн, далее же песчаный пол, особенно в средней части, несколько вытаптывался»¹⁰. Судя по чертежам и описаниям сооружений¹¹, ни одно из них не имело следов перестроек, отразившихся существенно на их плане. Планировка поселка четкая и ясная, не допускает предположения о одновременности построек. Да и погибли они при пожаре одновременно.

Исследованные на городище немногочисленные столбовые ямы в подавляющем большинстве хорошо увязываются с постройками, являясь следами их внешних и внутренних конструктивных деталей или оград¹². Сохранившиеся остатки укреплений не дают оснований предполагать, что оборонительные сооружения городища когда-либо перестраивались. Вал был насыпан непосредственно на погребенной почве, земля с культурными остатками для его сооружения не использовалась¹³.

Все это позволяет считать, что на Березняковском городище был лишь один строительный период. Если бы их было несколько, что подразумевают К. А. Смирнов и И. Г. Розенфельдт, то в условиях малой мощности культурного слоя и хороших условий для выявления нарушений материка какие-то следы более ранних построек, несомненно, были бы обнаружены таким опытным полевым исследователем, как П. Н. Третьяков. Разумеется, можно предполагать, что изученные березняковские постройки подновлялись, ремонтировались, в какой-то мере перестраивались, но так, что эти

перестройки не отразились на плане сооружений и на общей планировке поселения. Учитывая недолговечность наземных деревянных построек, даже при условии их неоднократного ремонта, вряд ли можно считать, что Березняковское поселение существовало более столетия. Именно такую продолжительность жизни на городище предполагает Е. И. Горюнова¹⁴.

Можно привести еще некоторые соображения в пользу кратковременности функционирования Березняковского поселения. Одно из них — сравнительно малое количество найденного здесь керамического материала: около 8 тыс. фрагментов от 110—120 сосудов¹⁵. В Березняках на одном квадрате (2 × 2 м) вскрытой площади найдено в среднем около 15 фрагментов керамики — более чем в 10 раз меньше, чем на Троицком городище, существовавшем около 800—1000 лет, и в 20 раз меньше, чем на Щербинском городище, жизнь на котором, вероятно, продолжалась более длительное время¹⁶. Больше половины вещевого материала найдено в Березняках внутри построек. Так, из 38 ножей в постройках обнаружено 22, из 26 пряслиц — 15. Такие инструменты, как долото, стамеска, серп, лопкарь, льячки и литейные формы, найдены только в жилых и производственных постройках. Лишь один топор-кельт был обнаружен в культурном слое вне построек, да и то рядом с одним из домов¹⁷.

Итак, стратиграфия Березняковского городища, остатки обнаруженных на нем сооружений, общее количество находок, особенно керамики, и их расположение, на мой взгляд, не могут свидетельствовать о длительном существовании поселения, как предполагают К. А. Смирнов и И. Г. Розенфельдт. Оно функционировало сравнительно короткий промежуток времени, вряд ли более столетия.

В этих условиях для установления абсолютной даты поселения важны прежде всего найденные на нем вещи, имеющие короткий период бытования. Из них нужно отметить две — арбалетовидную фибулу с расширенной хвостовой лопастью и обломок фибулы-броши с эмалью из раскопок А. А. Спицына¹⁸. А. К. Амброз датирует арбалетовидные фибулы типа березняковской по весьма удаленным территориально аналогиям IV в.¹⁹ П. Н. Третьяков, опираясь на южноприбалтийские аналогии, датировал ее IV — началом V в. Это представляется вполне оправданным, так как на севере Восточной Европы такие фибулы могли существовать более длительное время, чем на юге. Е. Кивикоски приводит ряд находок близких фибул в Финляндии, где они датированы периодом с 400 до 550—600 гг.²⁰ Обломок фибулы-броши с эмалью П. Н. Третьяков ориентировочно относил к середине I тысячелетия н. э. Согласно исследованию И. К. Фролова, березняковское украшение по особенностям композиции рисунка и цвету эмали должно быть по возрасту моложе таких же украшений III — начала IV в. Некоторые элементы этой фибулы-броши могут связываться с вещами V в. и даже несколько более позднего времени²¹. Вероятно, близкой должна быть и датировка обломка другого украшения с эмалью, однозначно реконструировать которое в настоящее время невозможно²².

Другие находки на Березняковском городище имеют широкий период бытования. Для датировки они могут привлекаться лишь в комплексе. Следует отметить ряд вещей, относящихся к первой половине I тысячелетия н. э., но употребление которых не может исключаться и в середине этого тысячелетия. Таковы подвеска в виде утиной лапки, оригинальная круглая ажурная бляха и маленькая выпуклая бляшка с ушком из «домика мертвых», находящиеся параллели в памятниках позднepenьянборского времени²³, плоские двушипные наконечники стрел, широко распространенные на дьяковских городищах примерно с середины III в. н. э.²⁴, круглая железная застежка-сьюльгама, находящаяся аналогии в дьяковском материале, в том числе первой половины и середины I тысячелетия н. э.²⁵ Назовем некоторые поздние аналогии этим вещам. Так, наконечники стрел указанного типа доживают в Верхнем Поволжье до VI—VII вв., о чем свидетельствуют материалы Попадьинского селища²⁶. Близкие параллели ажурной бляхе из «домика мертвых» можно

указать среди нагрудных блях-застежек Безводнинского могильника, найденных в погребениях первой и второй стадий (конец V—VI вв.)²⁷. Подвески в виде утиной лапки и маленькие выпуклые бляшки, но без ушка известны в Азелинском и Суворовском могильниках, поздняя дата которых, по В. Ф. Генингу, V в.²⁸ Крупные железные сюльгамы в Безводнинском могильнике были характерны только для погребений первой стадии, которая датирована концом V — началом VI в.

Рассмотренные выше вещи с Березняковского городища, таким образом, отнюдь не обязательно должны свидетельствовать о наличии здесь слоя первой половины I тысячелетия н. э. Что касается особенностей звеньев от двух удил из Березняков, на которые ссылается К. А. Смирнов, предполагая существование городища в период до нашей эры²⁹, то они, скорее всего, объясняются небрежностью, неточностью работы кузнеца или сильной деформацией предметов.

Большая группа находок из Березняковского городища относится к вещам широкого хронологического диапазона, ранняя дата которых — середина или начало третьей четверти I тысячелетия н. э. Эти предметы рассматриваются в статье И. Г. Розенфельдт, помещенной в данном сборнике. С ее датировкой ряда таких вещей следует согласиться. Таковы браслетообразное височное кольцо с замком в виде щитка с отверстием и крючка (рис. 1, 10 к статье И. Г. Розенфельдт), обломок гривны из круглого дрота с проволочной обмоткой и напускными бусами (рис. 1, 8 к той же статье), бронзовые пластинчатые наконечники поясов с прямоугольной верхней частью и лопастью с угловатым завершением, заклепки для ремней (рис. 1, 1, 2 к той же статье), пластинчатое кресало³⁰ (рис 1, 18 к той же статье).

Предложенные И. Г. Розенфельдт датировки других предметов, а также интерпретация некоторых из них не может не вызвать возражений.

Так, проволочная спираль³¹ является фрагментом украшения, которое реконструируется по меньшей мере двояко. Наиболее вероятно, что это обломок очковидной привески³², различные виды которых имели, по-видимому, широкий хронологический диапазон. Аналогии, приведенные И. Г. Розенфельдт, не полны и дают представления лишь о поздней дате подобных украшений. Полной аналогией березняковской находке может быть очковидная привеска из Криушинского могильника в Чувашии, дата которого широка, но не может быть позднее V—VI вв. Близкое украшение, также фрагментированное, найдено в верхнем слое Троицкого городища, конец жизни на котором А. Ф. Дубынин относит к V — началу VI в., И. Г. Розенфельдт — к VI—VII вв.³³ Если этот предмет является обломком булавки со спиралевидной головкой, то дата его окажется еще более широкой, но также захватывающей середину I тысячелетия н. э.³⁴

Бронзовая подвеска (рис. 1, 12 к статье И. Г. Розенфельдт) принадлежит к широкому кругу распространенных в финно-угорской среде шумящих украшений большого хронологического диапазона³⁵. Березняковский экземпляр является простой и, вероятно, ранней их формой. Приведенная И. Г. Розенфельдт аналогия с украшением из Щербинского городища,³⁶ которое датируется ей VII в., очень неполна. Не совпадает основа, вместо двух привесок на щербинском экземпляре имеются три, они не бутыльчатые, а трапециевидные, подвешены на цепочках. Вероятно, щербинское украшение должно быть моложе березняковского. Точных аналогий березняковской подвеске нет. Поэтому сама по себе она не может датировать. Мнение А. К. Амброза, что литые колокольчатые подвески с петлей относятся ко времени не ранее VII в., на которое ссылается И. Г. Розенфельдт, вряд ли состоятельно. Такие привески имеются, например, на украшениях из городища Ножа-Вар в Чувашии, верхняя дата которого вряд ли выходит за пределы первой половины I тысячелетия н. э.³⁷ В Безводнинском могильнике такие привески обнаружены на украшениях из погребений 94 и 134, относящихся ко второй стадии (VI в.).

Мне кажется, что нельзя привлекать для определения поздней даты Березняковского городища обломки бронзового кольца (рис. 1, 9 к статье И. Г. Розенфельдт), интерпретируя их как фрагменты подковообразной фибулы X в. Реконструкция этих обломков не может быть однозначной. Этот предмет описан П. Н. Третьяковым именно как массивное бронзовое кольцо, распавшееся, очевидно, при выемке из грунта, причем в публикации имеется рисунок предмета в целом виде ³⁸.

Железная пряжка с бронзовой прямоугольной обоймицей ³⁹ значительно отличается от тех пряжек из комплексов VI—VII вв., на которые ссылается И. Г. Розенфельдт (рис. 1, 5 к ее статье), прежде всего устройством язычка — короткого и несколько прогнутого в середине. Эти признаки скорее сближают предмет с пряжками из азелинского Суворовского могильника, имеющими такую же обоймицу, и пряжками из ранних погребений Безводнинского могильника, датированных концом V и началом VI в. Аналогичная пряжка, но целиком бронзовая и с коротким прямым язычком, найдена в Шемышейском могильнике ⁴⁰.

Обломок железной пластинки с отверстием ⁴¹, интерпретированный П. Н. Третьяковым как фрагмент трапециевидной привески, а И. Г. Розенфельдт — как поясная накладка (рис. 1, 7 к ее статье), слишком плохо сохранился, чтобы можно было найти ему точные аналогии и тем самым датировать. Отметим, однако, что близкие по форме бронзовые накладки известны в погребении 2 Холуйского могильника, который Е. И. Горюнова отнесла к VI—VII вв. ⁴²

Железные пряжки без обоймиц, с округлой и овальной рамкой, которые, по мнению И. Г. Розенфельдт, появляются не ранее VIII в., могут датироваться и значительно более ранним временем. Близкую аналогию оригинальной березняковской пряжке с овальной рамкой и несколько вогнутыми боковыми сторонами ⁴³ можно указать в материалах Тураевского могильника, который В. Ф. Генинг датирует V в., А. К. Амброс — концом V — началом VI в. ⁴⁴ В том же могильнике имеются железные пряжки с округлой рамкой, близкие к березняковской ⁴⁵.

Отнесение к X в. ножей из Березняковского городища, имеющих прямую спинку и уступчик с обеих сторон при переходе черешка в лезвие ⁴⁶, представляется мне недоразумением. Ножи такой формы, но по технологии трехслойные, в материалах Сарского городища датированы А. Е. Леонтьевым X в. ⁴⁷ С этим вполне можно согласиться, учитывая технологию изготовления. Однако такие же по форме ножи спорадически встречаются на ряде значительно более ранних памятников. Много их на городище Оп-Пандо, верхний слой которого относится к VI—VIII вв. ⁴⁸ Ножи такой же формы найдены в трех погребениях Безводнинского могильника, относящихся к различным стадиям и датируемых временем от конца V — начала VI до середины VIII в. Ножи березняковского городища, в том числе и интересующие нас, исследовались с точки зрения технологии изготовления Л. С. Хомутовой. Никаких особенностей не было выявлено. Технология железных изделий из Березняков, по мнению Хомутовой, оказалась весьма примитивной ⁴⁹. Эти данные не согласуются с попыткой выделить среди березняковских ножей поздние типы, относящиеся к X в.

Топоры-кельты из Березняковского городища ⁵⁰ (рис. 2, 5—11 к статье И. Г. Розенфельдт), по моему мнению, никак нельзя сравнивать с орудиями финно-угорского населения Восточной Европы VIII—IX вв. Последние имеют сильно вытянутые пропорции, их общая длина достигает 20—25 см, лезвие часто сильно оттянуто назад, длина втулки составляет 1/3—1/4 общей длины ⁵¹. Березняковские кельты совсем иные: их общая длина от 10,5 до 15,5 см, длина втулки — более 1/3 общей длины. Они отличаются как от кельтов VII—IX вв., так и от таких же орудий из дяковских городищ периода I тысячелетия до н. э. и первых веков нашей эры. В то же время березняковские кельты находят полные аналогии в Безводнинском могильнике, в погребениях конца V—VI в. Вполне можно согласиться с К. А. Смирновым, считавшим, что березняковские кельты занимают промежуточное положение между кельтами Троицкого го-

родища и такими же орудиями из памятников второй половины I тысячелетия н. э.⁵²

Рукоять миниатюрного меча или кинжала, найденная на Березняковском городище⁵³, действительно может быть сопоставлена с общеевропейским типом мечей с трехчленным навершием. Нужно отметить, однако, что Е. Кивикоски для территории Финляндии дает этим мечам весьма широкую дату — от 550—600 до 800 г.⁵⁴

Не находит аналогий в точно датированных материалах середины I тысячелетия подвеска с трубчатой основой, найденная в Березняках в сильно фрагментированном виде⁵⁵ (рис. 1, 11 к статье И. Г. Розенфельдт). Однако, учитывая большой хронологический диапазон таких украшений⁵⁶, вполне можно предположить, что они появляются именно в указанное время, примером чего будет служить Березняковское городище. То же можно сказать о крупной железной пряжке прямоугольной формы⁵⁷ (рис. 1 к статье И. Г. Розенфельдт). Следует все же отметить близкие пряжки из верхнего слоя городища Опш-Пандо⁵⁸.

Нет в материалах середины I тысячелетия и аналогий бронзовой пряжке, изображенной на рис. 1, 13 к статье И. Г. Розенфельдт. Эта пряжка находится в коллекции с Березняковского городища, но в полевой документации и публикациях не отражена. Поэтому принадлежность ее к слою городища в общем сомнительна. Отметим, однако, что железные пряжки, близкие по устройству и относительно близкие по форме, в материалах Финляндии датируются 200—400 гг.⁵⁹

Таким образом, при наличии в коллекции из Березняковского городища хорошо датированных вещей середины I тысячелетия н. э., большая часть материалов относится к «долгоживущим» типам, одни из которых тяготеют к первой половине, другие — ко второй половине I тысячелетия. С учетом имеющихся данных о кратковременности существования поселения в Березняках, это дает достаточные основания для датировки городища серединой и началом третьей четверти I тысячелетия н. э., скорее всего — V—VI вв. Керамический материал Березняковского городища не противоречит такой дате. Несколько обломков сетчатой керамики следует, очевидно, считать не связанными с основным комплексом находок, как это и делал П. Н. Третьяков. Каких-либо оснований к изменению этой датировки в сторону удревнения или омоложения памятника, на мой взгляд, нет.

Нужно отметить, что такие памятники, расположенные на смежной территории и оставленные, вероятно, этнически близким населением, как Березняковское городище, Попадьянское селище и Сарское городище, составляют хорошо выраженный ряд хронологически следующих одно за другим поселений⁶⁰. Сопоставление комплексов материала из раскопок на них показывает, что древнейшим является Березняковское городище, близким к нему по времени, но все-таки несколько более поздним — Попадьянское селище, дата которого (VI—VII вв.), по-видимому, должна считаться хорошо обоснованной. Самым поздним в этом ряду должно быть Сарское городище, время основания которого в настоящее время определяется как самый конец VII или VIII в.⁶¹ Это обстоятельство может рассматриваться как еще одно подтверждение правильности датировок Березняковского городища, установленных П. Н. Третьяковым и Е. И. Горюновой.

- ¹ Третьяков П. Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первой половине I тысячелетия н. э.— МИА, 1941, № 5, с. 67—68. В дневнике П. Н. Третьяков датировал городище более суммарно IV—VI вв. (Архив ЛОИА, д. 112, 1935, с. 3).
- ² Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности населения Березняковского городища.— КСИИМК, 1956, вып. 65, с. 16; Она же. Этническая история Волго-Окского междуречья.— МИА, 1961, № 94, с. 64.
- ³ Третьяков П. Н. Указ. соч., с. 64, 114; Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности..., с. 64.
- ⁴ Смирнов К. А. Части костюма и украшения, найденные на Троицком городище.— МИА, 1970, № 156, с. 187.
- ⁵ Смирнов К. А. Дьяковская культура: (Материальная культура городищ междуречья Оки и Волги).— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 61.
- ⁶ См. статью И. Г. Розенфельдт в настоящем сборнике.
- ⁷ Третьяков П. Н. Указ. соч., с. 114, 119; Он же. К вопросу об этническом составе населения Волго-Окского междуречья в I тысячелетии н. э.— СА, 1957, № 2, с. 71.
- ⁸ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 114.
- ⁹ Там же, с. 114, 115, 118, 120; Третьяков П. Н. К вопросу..., с. 71.
- ¹⁰ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 120.
- ¹¹ Там же, с. 114—120, рис. 23—27, 61—63.
- ¹² Там же, рис. 23.
- ¹³ Там же, с. 121—124, рис. 64—65.
- ¹⁴ Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности..., с. 16.
- ¹⁵ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 124—125.
- ¹⁶ Данные о раскопанной площади и количестве найденной керамики на Троицком и Щербинском городищах см.: Розенфельдт И. Г. Керамика дьяковской культуры.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 93, табл. 1.
- ¹⁷ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 67, 68, табл. 13, с. 130, 132—135.
- ¹⁸ Там же, с. 68, 136—137; рис. 37, 6; 46, 8.
- ¹⁹ Амброс А. К. Фибулы юга европейской части СССР.— САИ, вып. Д1—30. 1966, с. 70—72; Он же. Проблемы раннесредневековой хронологии Восточной Европы, II.— СА, 1971, № 3, с. 113.
- ²⁰ Kivikoski E. Die Eisenzeit Finnlands. Helsinki, 1973, Tabl. 25, N 206—207.
- ²¹ Фролов И. К. Фибулы-броши с выемчатой эмалью.— КСИА, 1974, вып. 141, с. 19—27.
- ²² Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 37, 4.
- ²³ Там же, рис. 31, 4, 6—7, с. 68; Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности..., с. 13, 15; Она же. Этническая история..., с. 70, рис. 9.
- ²⁴ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 33, 5, 6, 8; Смирнов К. А. Дьяковская культура, с. 33—34.
- ²⁵ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 37, 12; Смирнов К. А. Дьяковская культура, с. 47—48, табл. V, 9.
- ²⁶ Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 87, рис. 33, 12—15.
- ²⁷ Раскопки 1-го Горьковского отряда Чебоксарской экспедиции ИА АН СССР в 1971—1972 гг.
- ²⁸ Генинг В. Ф. Азелинская культура III—V вв.— ВАУ, Ижевск, 1963, вып. 5, табл. 1, 12, 16, 17; с. 158. Вряд ли есть основание искать аналогии маленькой березняковской бляшке среди пуговиц позднего времени, как это делает И. Г. Розенфельдт.
- ²⁹ Смирнов К. А. Дьяковская культура, с. 61.
- ³⁰ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 28, 1—3; 37, 2, 3, 11; 71, 3. Наконечники поясов, совершенно аналогичные по форме и размерам березняковским, найдены в погребении 134 Безводнинского могильника, которое относится к VI в.
- ³¹ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 31, 1.
- ³² Горюнова Е. И. Об этнической принадлежности..., с. 16, рис. 3, 10.
- ³³ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Городецкая культура.— САИ, вып. Д1—14, табл. 17, 12; Дубынин А. Ф. Троицкое городище.— МИА, 1970, № 156, табл. 18, 17, с. 78; Розенфельдт И. Г. Керамика Троицкого городища.— МИА, 1971, № 184, с. 78.
- ³⁴ Смирнов К. А. Дьяковская культура, с. 44—45.
- ³⁵ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 46, В; Горюнова Е. И. Этническая история..., с. 68.
- ³⁶ Розенфельдт И. Г. Керамика Щербинского городища.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1970, рис. 6, 5.
- ³⁷ Смирнов А. П., Трубникова Н. В. Указ. соч., табл. 16, 15; Трубникова Н. В. Раскопки на городище Ножа-Вар близ д. Сареево.— Учен. зап. Чуваш. НИИ, 1964, вып. XXV.
- ³⁸ Третьяков П. Н. К истории племен..., с. 37; рис. 28, третий предмет в верхнем ряду.
- ³⁹ Там же, рис. 31, 5.
- ⁴⁰ Генинг В. Ф. Указ. соч., табл. IV, 6; Полеских М. Р. Шемьшейский могильник селиксенского типа.— КСИА, 1974, вып. 140, рис. 1, 16.
- ⁴¹ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 10.
- ⁴² Горюнова Е. И. Этническая история..., рис. 57, 12.
- ⁴³ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 31, 2.
- ⁴⁴ Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в.— В кн.: Из археологии Волго-Камья. Казань, 1976, рис. 26, 4; Амброс А. К. Проблемы раннесредневековой археологии..., II, с. 107.
- ⁴⁵ Третьяков П. Н. К истории племен..., рис. 37, 15; Генинг В. Ф. Тураевский могильник V в., рис. 30, 9.

- ⁴⁶ *Трегьяков П. Н.* К истории племен..., рис. 35, 5; 70, 2.
- ⁴⁷ *Леонтьев А. Е.* Классификация ножей Сарского городища.— СА, 1976, № 2, с. 43, рис. 1, 7.
- ⁴⁸ *Степанов П. Д.* Ош-Пандо. Саранск, 1967, с. 108—110, табл. XVIII, 6, 9, 10, 15.
- ⁴⁹ *Хомутова Л. С.* Металлообработка на поселениях дьяковской культуры.— СА, 1978, № 2, с. 76, рис. 8, № 699.
- ⁵⁰ *Трегьяков П. Н.* К истории племен..., рис. 31, 11; 34, 2, 3; с. 133, табл. 13.
- ⁵¹ См., например: Материальная культура среднепечнинской мордвы VIII—XI вв. Саранск, 1969, табл. 2, 15; 8, 5; 26, 13; 40, 12; 46, 13; *Эдинг Д.* Сарское городище. Ростов-Ярославский, 1928, табл. VIII, 3; *Жиганов М. Ф.* К истории мордовских племен середины I тысячелетия н. э. (могильник у пос. Заря).— СА, 1961, № 3, с. 169—170, рис. 9. В это время, конечно, пережиточно существовали и кельты, которые можно сравнивать с более ранними. Они, однако, редки.
- ⁵² *Смирнов К. А.* Дьяковская культура, с. 41—42, 74.
- ⁵³ *Трегьяков П. Н.* К истории племен..., рис. 34, 4.
- ⁵⁴ *Kivikoski E.* Op. cit., Tabl. 57, N 520, 521, S. 71.
- ⁵⁵ *Трегьяков П. Н.* К истории племен..., рис. 37, 8.
- ⁵⁶ *Горюнова Е. А.* Об этнической принадлежности..., с. 13, 16; рис. 3, 7—9; *Она же.* Этническая история..., с. 78.
- ⁵⁷ *Трегьяков П. Н.* К истории племен..., рис. 37, 17.
- ⁵⁸ *Степанов П. Д.* Указ. соч., табл. XIX, 9.
- ⁵⁹ *Kivikoski E.* Op. cit., Tabl. 19, N 162.
- ⁶⁰ *Горюнова Е. И.* Этническая история..., с. 62—109.
- ⁶¹ *Леонтьев А. Е.* О времени возникновения Сарского городища.— Вестн. МГУ. Сер. 9. История, 1974, № 5, с. 68—74.

ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В. А. МОГИЛЬНИКОВ

ДВА ОЛЕННЫХ КАМНЯ С АЛТАЯ

В период экспедиционных работ на Алтае нами были обследованы два оленных камня, представляющие большой интерес.

Один из них обнаружен во вторичном использовании в кургане 2 группы IV близ д. Кызыл-Маны Кош-Агачского района Горно-Алтайской авт. обл. в урочище Кызыл-Джар. Курган имел насыпь в виде беспорядочной наброски окатанных камней, промежутки между которыми заполнял лёссовидный суглинок. Диаметр его 9 м, высота 0,53 м, поверхность слабо задернована. Под центром кургана обнаружена прямоугольная могильная яма размером 2,5 × 2 м и глубиной 1,75 м от уровня материка, ориентированная в направлении восток—запад. Заполнение ее — светло-коричневый лёссовидный суглинок с гравием, почти не отличавшийся от материка. На дне ямы обнаружен каменный ящик размером 1,65 × 0,67 × 0,35 м, сложенный из плит толщиной до 5 см. Сверху он был перекрыт каменными плитами, одна из которых и представляла собой олений камень (рис. 1). Погребенный лежал на правом боку, головой на восток. Руки были согнуты в локтях, кисти лежали около лица; ноги согнуты в коленном и тазобедренном суставах. У черепа найдена бронзовая серьга (рис. 2, 1), у шейных позвонков — золотая бляшка с тисненым изображением «оленьего грифона» (рис. 2, 2), а в северо-восточном углу ящика — овальное деревянное блюдо размером 20 × 15 см. Костяк принадлежал, по-видимому, женщине в возрасте 30—35 лет.

Изображение оленьего грифона на бляшке из рассматриваемого погребения не имеет полных аналогий и представляет, очевидно, деградирующий мотив скифского оленя, сходство с которым прослеживается по манере передачи рогов. Бронзовая серьга по своей форме имеет широкие аналогии в памятниках IV—II вв. до н. э.: в прохоровской культуре¹, в уюкской культуре Тувы² и др. Это позволяет датировать погребение указанным периодом.

Сам олений камень представляет собой антропоморфное изображение, высеченное из плиты плотного серого метаморфизированного сланца, имеет высоту 72, ширину 33 и толщину 12—15 см. Личина выбита довольно грубо и схематично на узкой грани плиты, в верхней ее части. Выделена массивная нижняя челюсть, прямой нос и глубокие глазницы, т. е. черты, характерные для европеоидного антропологического типа. Другие детали лица и фигуры не моделированы. На широких гранях плиты, где должны располагаться уши, выбиты окружности, изображающие, очевидно, круглые серьги. У основания личины, в районе шеи, имеется изображение ожерелья из биконических бус или, возможно, раковин каури. Ниже, в области туловища, намечена горизонтальная полоса, вероятно изображение пояса. Нижняя часть плиты грубо оббита и не имеет деталей.

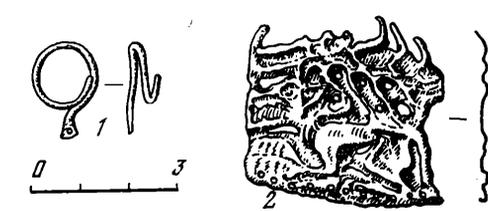
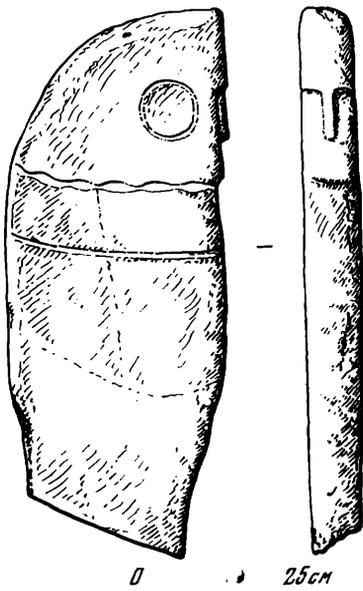

Рис. 2. Инвентарь могилы кургана 2 группы Кызыл-Джар IV

1 — бронзовая серьга; 2 — золотая бляшка

←
Рис. 1. Олений камень из Кызыл-Джара

Второй олений камень (рис. 3, 4) стоит на 381-м км Чуйского тракта от Бийска, близ д. Иодро, в 250 м от правого берега р. Чуи и около 100 м от скал с петроглифами различного времени³. В поперечном сечении он прямоугольный, высота от поверхности земли составляет 2,1 м, ширина 57 см, толщина 22—23 см. Продольной стороной камень ориентирован в направлении север—юг, изготовлен из метаморфизированного серого сланца. Основание его забутовано камнями. Рядом с ним находится подквадратный в плане каменный курган.

В верхней части стелы, на узкой ее грани, выбита контуром личина высотой 25 и шириной 14,5 см, обращенная на восток. На боковой северной стороне имеется контурное изображение сложного М-образного лука с натянутой тетивой и вложенной в него стрелой. Длина лука около 64 см, максимальная высота — 20 см, ширина контура выбивки — 7—8 мм, глубина 2—3 мм (рис. 4). Конец стрелы упирается в круп взнузданного и оседланного коня, фигура которого также изображена контуром и имеет длину 41—42 см. На спине лошади изображено мягкое седло с подпругой, показанной в виде черты на животе. От морды лошади вниз спускаются поводья, намеченные линиями.

Ниже коня в точечной технике изображен акинак длиной 20 см, воткнутый в спину животного. Изображение последнего имеет длину 13 и высоту 8 см, выполнено в той же точечной технике. Над луком острым предметом едва заметно процарапан скачущий олень. На этой же грани камня изображены три кольца, расположенных треугольником. Диаметр их от 5 до 11 см, выполнены они в точечной технике, контуром шириной до 2 см. Очевидно, они изображают серьги, как и на оленьем камне из Кызыл-Джара.

На боковом северо-восточном склоне камня в точечной технике контуром шириной 6 и глубиной 2 мм выбито изображение акинака длиной 45 см. Длина его рукояти 14 см, ширина клинка 6 см. Над навершием акинака — три параллельные черты (рис. 4). Все эти изображения, по-видимому, одновременны, относятся ко времени постановки стелы или близкому периоду.

Более поздним является тамгообразный знак, подобный известным на древнетюркских памятниках, нанесенный на нижнюю часть восточной грани камня (рис. 3)⁴. Выше в прямоугольном картуше выбита надпись в три строки древнемонгольским письмом (рис. 5). Знаки, подобные надписи, нанесены вертикально вниз и по крупу лошади. Юж-

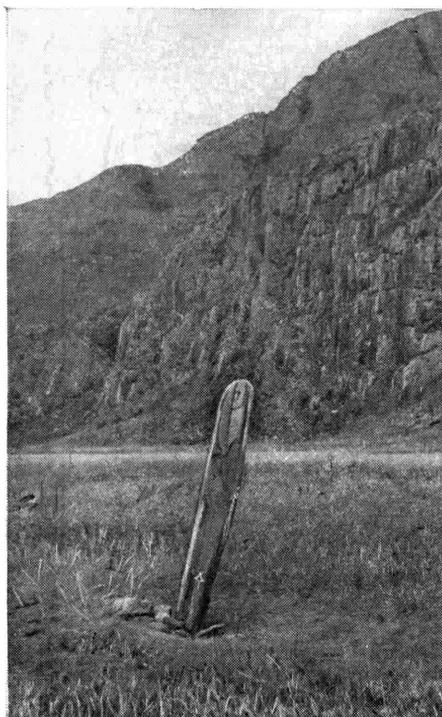

Рис. 3. Чуйский камень. Личина и древнетюркская тамга

Рис. 4. Чуйский камень. Изображения на боковой плоскости

ная и западная сторона стелы покрыты лишайниками, возможно скрывающими надписи.

Хронология Кызыл-Джарского и Чуйского оленных камней устанавливается по стратиграфическому положению Кызыл-Джарского камня в кургане, аналогиям с другими подобными изваяниями и по изображенному на Чуйском камне аксессуарам. Большинство исследователей считает, что оленные камни имели культовое значение и почитались установившим их населением. находка Кызыл-Джарского камня во вторичном использовании неоспоримо свидетельствует о его значительно большей древности, чем возраст самого кургана, в котором он найден. Отход от старых традиций, в связи с чем ранее почитавшееся изваяние было использовано для покрытия могилы, возможно, был связан со значительными изменениями в составе населения Горного Алтая в период около середины I тысячелетия до н. э., с проникновением сюда этноса, для которого почитание оленных камней не было свойственно. Это обстоятельство позволяет относить рассматриваемые оленные камни к периоду до середины I тысячелетия до н. э.

Для датировки Чуйского камня большое значение имеет изображенный на нем короткий меч или крупный кинжал. По шляпковидной форме навершия и опущенным вниз шипам перекрестья он напоминает позднекарасукские и раннетагарские кинжалы⁵, что позволяет отнести время постановки Чуйского камня к периоду около VII—VI вв., до н. э. Эту же дату предлагает для памятника М. Х. Маннай-оол⁶.

Абсолютная датировка оленного камня из Кызыл-Джара может определяться и по аналогиям. Вместе с Чуйским камнем он принадлежит к группе оленных камней с изображением человеческих личин. Такие камни известны в Монголии, где камень с личиной из Ушкийн-Увэра датируется началом I тысячелетия до н. э.⁷ Как и в Кызыл-Джаре, личина здесь изображена на узкой грани камня, а на широкой грани показаны круглые серьги. Следует отметить, что личина здесь выполнена более

реалистично. Приведенная параллель позволяет относить Кызыл-Джарский камень также к началу I тысячелетия до н. э. или несколько более позднему времени, но не позже чем к VIII—VII вв. до н. э. Об этом свидетельствует тот факт, что, помимо указанных аналогий, по манере изображения, выбитым на широких гранях кольцам и биконическим бусам, Кызыл-Джарский камень имеет также ряд параллелей среди каменной скульптуры киммерийского времени на широкой территории горно-степного пояса Евразии. Территориально наиболее близкую аналогию кольцевидной фигуре в верхней части стелы дает олений камень с р. Юстыд на Алтае⁸. Хронологически близки, очевидно несколько более поздние или синхронные стилистически подобные стелы, обнаруженные на западном Алтае⁹, в Центральном Казахстане¹⁰, Оренбуржье¹¹, Прикубанье¹² и в Причерноморье — из Белоградовца в северной Болгарии, из Ольвии, из курганов Царева Могила около Кривого Рога и с. Константиновка

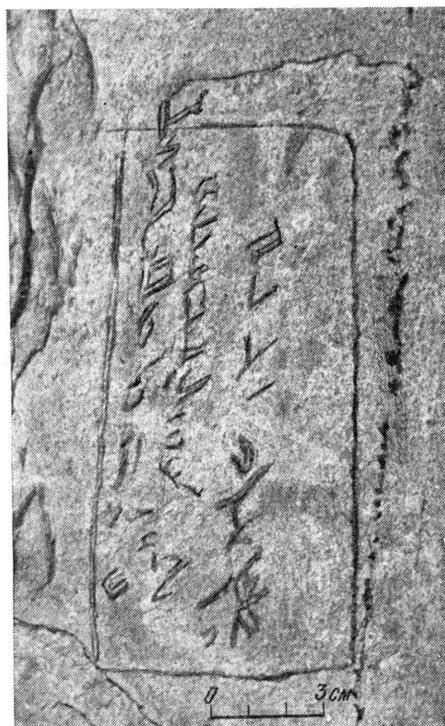

Рис. 5. Чуйский камень. Древнемонгольская надпись

к северу от Николаева, из Верхнехортицкого района Запорожской обл., быв. Кичкаской переправы у порогов на Днепре и др.¹³ По изображенным на стелах предметам вооружения, а также материалам из гробниц А. И. Тереножкин относит причерноморские стелы к новочеркаской ступени киммерийской культуры (750—650 гг. до н. э.) и считает их привнесенными из областей карасукской культуры Центральной Азии и Южной Сибири¹⁴. Мнение о связи киммерийских стел с восточными элементами в киммерийском этносе представляется обоснованным и, помимо прочего, базируется на большем архаизме центральноазиатских стел с личинами Монголии и Алтая в сравнении с причерноморскими и особенно прикубанскими, которые в своей эволюции в большей или меньшей степени уклонились от своих исходных восточных прототипов. При этом следует отметить, что с собственно карасукской культурой оленные камни и стелы не связаны. Отсутствие изображений оленей на Кызыл-Джарской стеле сближает ее со стелами более западных территорий.

Антропоморфность стелы из Кызыл-Джара подтверждает мнение, что оленные камни являлись изображениями людей, вероятно, наиболее знатных или особо почитаемых представителей общества. В типологическом ряду оленных камней камни с личинами относятся, по-видимому, к наиболее ранним. Условия находки Кызыл-Джарской стелы — на перекрытии каменного ящика с непо потревоженным погребением IV—II вв. до н. э. — снимают бытующее сомнение, что антропоморфность оленным камням была придана в тюркское время. В трактовке семантики круглых колец, изображенных в верхней части боковых граней оленных камней, существуют различные мнения. Одни исследователи считают, что кольца изображают серьги¹⁵, другие склонны видеть в них бронзовые зеркала, отражение солярного культа, изображения солнца¹⁶. Изображения колец на месте ушей на стеле из Кызыл-Джара и особенно кольца на стеле из Ушкийн-Увэра, показанные продетыми в ушные раковины¹⁷, говорят в пользу правильности первой точки зрения, хотя полностью отрицать

их связь с солярным культом нельзя. Кольцо с лучами, символизирующее солнце, выбито на Хануйском оленнем камне в Монголии¹⁸.

Оленные камни, распространенные на обширной территории степей Евразии, различаются в деталях. Открытые на Алтае и в Монголии изделия с личинами, вероятно, оставлены одной этнической группой Центральной Азии конца эпохи бронзы и раннескифского времени, для которой были присущи также погребальные памятники в виде каменных курганов, окруженных каменными круглыми или прямоугольными выкладками. Такие керексуры находятся в Ушкийн-Увэре¹⁹ и в окрестностях Кызыл-Джара, распространены в Монголии, юго-восточном Алтае и в Туве²⁰. Наличие у части таких кольцевидных выкладок радиальных лучей, сложенных из камней, связано, очевидно, с солярной символикой.

- ¹ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры.— САИ, 1963, вып. Д4—10, табл. 29, 33.
- ² *Вайнштейн С. И.* Памятники кызылганской культуры.— ТТКАЭЭ, М.; Л., 1966, т. II, табл. IX, 2, 3.
- ³ Изображения этого камня неполностью и неточно публиковались в работах: *Швецова М.* Алтайские калмыки.— Зап. ЗСО РГО, Омск, 1898, т. XXII, с. 4, рис. 4, 5; *Диков Н. Н.* Бронзовый век Забайкалья. Улан-Удэ, 1958, табл. XVI, 10; *Grano J. G.* Archaeoilogische Beobachtungen von meiner Reise in Südsibirien und der Nordwestmongolei im Jahre 1909.— Journal de la Societe Finno-Ougrien, Helsinki, XXVIII; *Ebert M.* Reallexikon der Vorgeschichte. Berlin, 1928, Bd 12, Taf. 13, e.
- ⁴ *Грач А. Д.* Древнейшие тюркские погребения с сожжением в Центральной Азии.— В кн.: История, археология и этнография Средней Азии. Л., 1968, с. 209, рис. 3.
- ⁵ *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, табл. 1.
- ⁶ *Маннай-оол М. Х.* Тува в скифское время. М., 1970, с. 30.
- ⁷ *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Оленные камни Ушкийн-Увэра (Монголия).— В кн.: Первобытная археология Сибири. Л., 1975, с. 83—84, рис. 3.
- ⁸ *Кубарев В. Д.* Первые работы в долине р. Юстыд.— АО 1976 г. М., 1977, с. 210.
- ⁹ *Адрианов А. В.* К археологии западного Алтая.— ИАК, 1916, вып. 62, с. 75, рис. 33.
- ¹⁰ *Кызласов Л. Р., Маргулан А. Х.* Плиточные ограды могильника Бегазы.— КСИИМК, 1950, вып. 32, с. 136.
- ¹¹ *Попов С. А.* Археологические находки на территории Оренбургской области.— АЭБ. Уфа, 1964, т. II, рис. 1, 7, 8.
- ¹² *Савинов Д. Г.* О культурной принадлежности северо-кавказских камней-обелисков.— В кн.: Проблемы археологии Евразии и Северной Америки. М., 1977, с. 123—129.
- ¹³ *Тереножкин О. I.* Киммерийські стели.— Археологія, Київ, 1978, 27, рис. 2, 4, 6—8.
- ¹⁴ Там же, с. 21.
- ¹⁵ *Членова Н. Л.* Об оленных камнях Монголии и Сибири.— В кн.: Монгольский археологический сборник. М., 1962, с. 32; *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Указ. соч., с. 84.
- ¹⁶ *Окладников А. П.* Олений камень с р. Иволги.— СА, 1954, XIX, с. 215; *Он же.* Олень золотые рога. М., 1964, с. 173; *Волков В. В.* Бронзовый и ранний железный век Северной Монголии. Улан-Батор, 1967, с. 78.
- ¹⁷ *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Указ. соч., рис. 3.
- ¹⁸ *Вайнштейн С. И.* История народного искусства Тувы. М., 1974, рис. 22, 2.
- ¹⁹ *Волков В. В., Новгородова Э. А.* Указ. соч., рис. 1.
- ²⁰ *Грач А. Д.* Археологические раскопки в Монгун-Тайге.— ТТКАЭЭ, М.; Л., 1960, т. I, рис. 7.

К. А. СМЕРНОВ

РАСКОПКИ МУТЕНКОВСКОГО ГОРОДИЩА

Мутенковское городище находится севернее д. Корыстово Каширского района Московской обл., на левом берегу р. Быстрицы, выше ее впадения в р. Мутенку, приток Оки, на мысу, образованном долиной реки и оврагом. С насыпной западной стороны имеются ров глубиной около 0,80 м и вал такой же высоты. С южной стороны склон городища, по-видимому, мало изменился. С восточной стороны городище подмывается рекой, с северной — разрушается оврагом.

Раскоп площадью 128 кв. м был заложен у северного края городища. Раскопками были открыты очаги, а в материке обнаружена древняя

промоина, ориентированная на север, в сторону оврага. Ее ширина в северной части около 10 м, глубина от древнего уровня около 1,40 м. По-видимому, обитатели поселка засыпали ее в то время, когда поселились на этом месте, о чем можно судить по отсутствию культурных отложений на дне промоины. Тонкая прослойка угля и отдельные черепки на ее дне являются остатками костра и не могут рассматриваться в качестве слоя, отложившегося за сколько-нибудь длительный период. Промоина заполнена смесью глины и песка с прослойками угля; заполнение, вероятно, было уложено в один прием. Аналогичное явление проследил В. А. Городцов при исследовании Старшего Каширского городища¹. То, что обитатели городищ производили такие работы, свидетельствует о достаточно высоких строительных навыках и о хорошей организации коллектива.

Выше заполнения промоины находился очаг размером 2 × 1,5 м, состоявший из небольших, сильно прокаленных камней, лежавших плотно один к другому, местами в несколько рядов. Среди камней и рядом с очагом было большое количество керамики. Вероятно, очаг находился вне постройки и функционировал в течение длительного времени. В пределах раскопа построек не было. По-видимому, они располагались западнее на площадке перед валом, о чем можно судить по наличию в пределах раскопа хозяйственной ямы, а также по угольным и зольным прослойкам, достигающим мощности 0,12—0,15 м. О близости жилищ свидетельствует и большое количество находок, в том числе грузиков дьякова типа: установлено, что обычно грузики встречаются около построек².

Самой многочисленной категорией находок является керамический материал. Всего было найдено 2135 фрагментов, из них гладкой керамики—81%, сетчатой—17%, рогожной и штрихованной—2%. В разных пластах гладкая и сетчатая керамика встречаются примерно в одинаковой пропорции, что наряду с однородностью слоя свидетельствует об однослойности поселка. Большая часть гладкостенной посуды не имела орнаментации. Сетчатая посуда в массе также не орнаментирована. Изредка встречается орнамент в виде ямок. Часть сетчатых отпечатков нанесена штампом, другая— путем отгисывания ткани или различных шнуров и нитей. Сетку, полученную при помощи ткани и шнуров, имеет 85% всей сетчатой посуды, нанесенную при помощи штампа—15%.

Из других керамических находок надо отметить грузики дьякова типа. Все они имеют уплощенную форму, что характерно для грузиков, относящихся к древнему этапу дьяковской культуры³. Интересен обломок керамической погребушки яйцевидной формы с оттянутыми концами, в которых имеются отверстия для подвешивания. По классификации И. Г. Розенфельдт, она относится к варианту 3 типа II⁴. Аналогичные погребушки известны на городищах Каширском, Кузнечики, Троицком. Найден обломок керамической плитки овальной формы, покрытой точечным орнаментом. Подобные плитки известны на ряде дьяковских городищ. Чаще всего они имеют форму параллелепипеда, но известны и овальные. Их связывают обычно с культом⁵. Были найдены три миниатюрных сосудика обычной для дьяковских городищ формы, а также обломки нескольких рогатых кирпичей.

Большой процент находок составляют костяные предметы (29 из 44). Небольшую серию составляют гарпуны—два целых и четыре обломка от разных экземпляров (рис. 1, 6). Все они относятся к одному типу—отделяющиеся однозубые с муфтой. Такие гарпуны, известные на ряде городищ, относятся к древнему периоду дьяковской культуры⁶. Они имеются, в частности, среди находок со Старшего Каширского городища. Из наконечников стрел следует отметить одношпильные (рис. 1, 8, 9), которые также связываются с ранними слоями дьяковских городищ⁷. Аналогичные стрелы были найдены на Старшем Каширском городище⁸. Они имеют правильную форму, небольшой шип и довольно массивны. Один наконечник плоский, тонкий, слегка искривленный, имеет большой

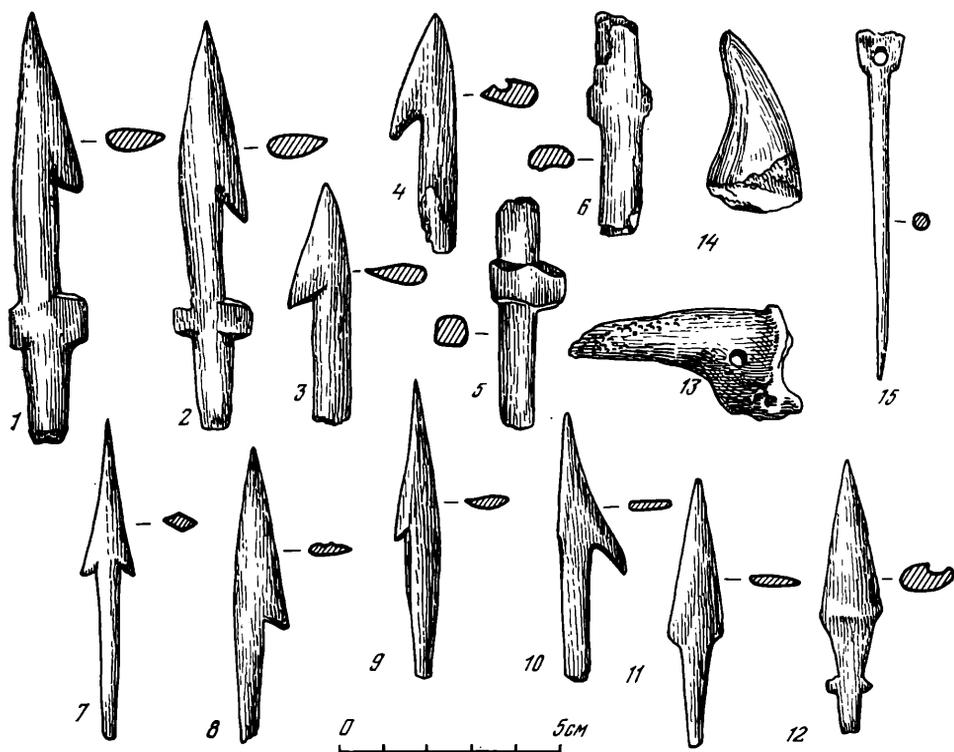

Рис. 1. Находки с Мутенковского городища (1—15)

шип (рис. 1, 10). Вероятно, его следует считать не наконечником стрелы, а частью остроги. Одним экземпляром представлен двушипный наконечник стрелы (рис. 1, 7). Аналогичные наконечники известны на ряде городищ Волго-Окского междуречья⁹, в том числе на Старшем Каширском¹⁰. Безупречная геометрическая форма этой стрелы, которая невольно бросается в глаза даже среди других аккуратно изготовленных наконечников, по-видимому, может свидетельствовать о ее ранней дате. Особо следует отметить массивный наконечник с отрогками на черешке (рис. 1, 12). Такие наконечники также известны из ранних слоев дьяковских городищ¹¹. Серия стрел завершается двумя ланцетовидными наконечниками (рис. 1, 11), имеющими широкий период бытования. Кроме того, найдены две заготовки.

Из других костяных орудий следует отметить три струга из ребер крупного рогатого скота. Впервые они были описаны В. А. Городцовым при раскопках Старшего Каширского городища, где их было обнаружено 120. Говоря об их применении, В. А. Городцов привел свидетельство Геродота о том, что скифы употребляли бычьи ребра для обработки шкур¹².

Из кости были изготовлены три предмета, которые являются или амулетами, или украшениями. Это медвежий клык с отрезанным корнем (рис. 1, 14), кость с просверленным отверстием (рис. 1, 13) и предмет, напоминающий по виду коготь. Найдено несколько проколов с отверстием на тупом конце (рис. 1, 15), которые часто встречаются на памятниках эпохи раннего железа лесной полосы.

Металлических предметов в коллекции всего три: массивный бронзовый дрот квадратного сечения, сильно окисленное бронзовое колечко и сильно проржавевший железный предмет.

Полученный материал позволяет сделать следующие выводы: Мутенковское городище является однослойным памятником и должно быть отнесено к числу ранних городищ дьяковской культуры. В пользу

ранней даты свидетельствуют высокий процент костяных предметов и их формы.

Мутенковское городище имеет много общего со Старшим Каширским, которое в 1925—1926 гг. было раскопано В. А. Городцовым. Огромная коллекция материалов со Старшего Каширского городища сыграла большую роль в изучении поселений эпохи раннего железа в Волго-Окском Междуречье. На основании этих материалов была установлена ранняя дата дьяковской культуры. К ним обращались все, кто занимался дьяковской проблемой. Коллекция материалов Старшего Каширского городища не утратила своего значения даже после раскопок Троицкого и Шербинского городищ. Однако методический уровень раскопок 20-х годов не может удовлетворить современного исследователя. Все больше вопросов вызывают материалы Старшего Каширского городища. Одним из главных недостатков этой коллекции является отсутствие керамики, что сильно понижает ее значение.

Представляется, что дальнейшее исследование Мутенковского городища позволит выяснить многие неясные моменты в изучении Старшего Каширского городища.

¹ *Городцов В. А.* Старшее Каширское городище.— Изв. ГАИМК, 1933, вып. 85, с. 6.

² *Смирнов К. А.* К вопросу о назначении грузиков дьякова типа.— СА, 1961, № 3, с. 55.

³ *Смирнов К. А.* К вопросу о систематизации грузиков «дьякова типа» с Троицкого городища.— МИА, 1971, № 184, с. 82; *Он же.* Дьяковская культура.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 78.

⁴ *Розенфельдт И. Г.* Керамические погремушки.— В кн.: Древние славяне и их соседи.— МИА, 1970, № 176, с. 58.

⁵ *Никольская Т. Н.* Культура племен бассейна верхней Оки в I тысячелетии н. э.— МИА, 1959, № 72, с. 105; *Розенфельдт Р. Л.* Археологические разведки в Подмосковье в 1964—1965 гг.— КСИА, 1967, вып. 112, с. 111.

⁶ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура, с. 35.

⁷ Там же, с. 31.

⁸ *Городцов В. А.* Указ. соч., с. 23, рис. X, 11.

⁹ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура, с. 32.

¹⁰ *Городцов В. А.* Указ. соч., с. 23, рис. X, 14.

¹¹ *Смирнов К. А.* Дьяковская культура, с. 30.

¹² *Городцов В. А.* Указ. соч., с. 22.

Х. И. КРИС, И. Л. ЧЕРНАЯ

ГОРОДИЩА ДЪЯКОВА ТИПА БОРШЕВА И СЕЛЕЦКОЕ

За последние два десятилетия подведены итоги значительных работ по исследованию памятников дьяковской культуры¹. Несмотря на это, многие вопросы истории раннего железного века лесной полосы, в частности в Подмосковье, требуют дальнейших полевых исследований и научных разработок. К их числу следует отнести уточнение периодизации и хронологии дьяковских городищ, взаимосвязь городищ и селищ, изучение микрорайонов распространения дьяковской культуры, ее происхождения и хронологических изменений.

Изучение одного из микрорайонов дьяковской культуры начато в нижнем течении р. Москвы. В него входят два городища в Раменском районе Московской обл.: Боршевское (размеры 80 × 50 м), расположенное на правом берегу р. Москвы, укрепленное шестиметровым валом и рвом, и Селецкое, значительно меньших размеров (50 × 30 м), находящееся в 8 км от Боршевского и в 5 км от Москвы-реки, на останце берега ручья, хорошо скрытое в лесу. Оба городища многослойные, но Селецкое, в отличие от Боршевского, не имеет средневековых напластований.

На Боршевском городище дьяковского времени обнаружен слой древнерусского поселения XII—XIII вв., сильно испорченный грунтовыми могильником XIV—XV вв., а над ним — сплошная каменная вымостка еще более позднего времени. Средневековые слои сильно разрушены земляными работами, которые частично затронули и дьяковский слой. Однако основная его часть сохранилась полностью. Здесь выявлены многослойные остатки глинобитных сооружений с очагами, расположенные в несколько ярусов, соответствующих строительным периодам. Благодаря этому Боршевское городище оказалось уникальным стратифицированным памятником. Четкая стратиграфия позволила не только рассмотреть последовательно сменявшиеся остатки сооружений и особенности их конструкции, но и связать отдельные слои сооружений с комплексами находок и керамики, получить прочную базу для относительной хронологии памятника.

Раскопки на Боршеве производились в наиболее сильно разрушающейся юго-восточной части городища. Здесь исследовано 700 кв. м, что составляет более четверти всей площади памятника.

Вся исследованная площадь оказалась занята остатками сменявших друг друга сооружений, расположенных по определенной системе. Самые ранние из них находились в надматериковом слое. Остатки сооружений представляли собой прямоугольные платформы из плотной зеленовато-серой материковой супеси с мелкими вкраплениями угольков, оконтуренные следами горизонтально лежавших бревен, закреплявшихся вертикальными колышками. Размеры платформы 6×4 м, толщина — 10—15 см. На платформах сохранились углубления цилиндрической и конической формы диаметром 15—20 см, обмазанные глиной. К их основанию с поверхности вели 6—8 наклонно расположенных вокруг углубления каналов-продухов диаметром 4—5 см. На площадках были найдены куски глиняных ошлакованных надземных частей этих сооружений, куски болотной руды и пирита. Сохранившиеся подземные части и детали надземных частей со следами действия огня позволяют предположить, что это остатки специализированных очаговых горнов, назначение которых пока точно не выяснено.

Над земляными платформами нижнего слоя находились глинобитные платформы, почти совпадающие по размерам и расположению с нижележащими. В этом можно усматривать преемственность обоих типов сооружений. На глинобитных платформах находились наземные очаги подпрямоугольной со скругленными углами или овальной формы размером 1,4×1 м. Глиняный бортик высотой 10—15 см, оконтуривавший очаги, имел подтреугольное сечение, более крутой стороной был обращен внутрь, пологой — наружу. В центре очагов находилась линза прокаленного песка, вокруг — прослойки песка и угля, позволяющие предположить цикличность производственных процессов. Благодаря этим прослойкам оказалось возможным выявить горизонты синхронных платформ.

В отличие от самых ранних очагов, где были найдены ошлакованные обломки их надземных частей, вокруг очагов на глиняных платформах найдены обломки рогатых кирпичей (рис. 1, 12). Так же как и у ранних очагов, многочисленны находки обожженной болотной руды и пирита. Видимо, несмотря на различие конструкции, назначение очагов было близким или идентичным.

Слой, заполнявший пространство между ранними платформами, содержал сетчатую керамику и был довольно беден находками. Кроме костяных булавок и ножей, в нем встречены наконечники стрел из кости и рога одношипные с уступчиком, относящиеся к IV в. до н. э. (рис. 2, 5, 6)², удлинненно-вытянутые, характерные для памятников ананьинской культуры (рис. 2, 10, 11)³, а также роговые с муфтообразным утолщением (шигирского типа, рис. 3. 8), относящиеся к более раннему времени⁴. Бронзовые изделия представлены бусами, пуговицей, перстнем, массивными гладкими браслетами и литой плоской поясной бляхой с трехъярусным изображением водоплавающих птиц в реалистиче-

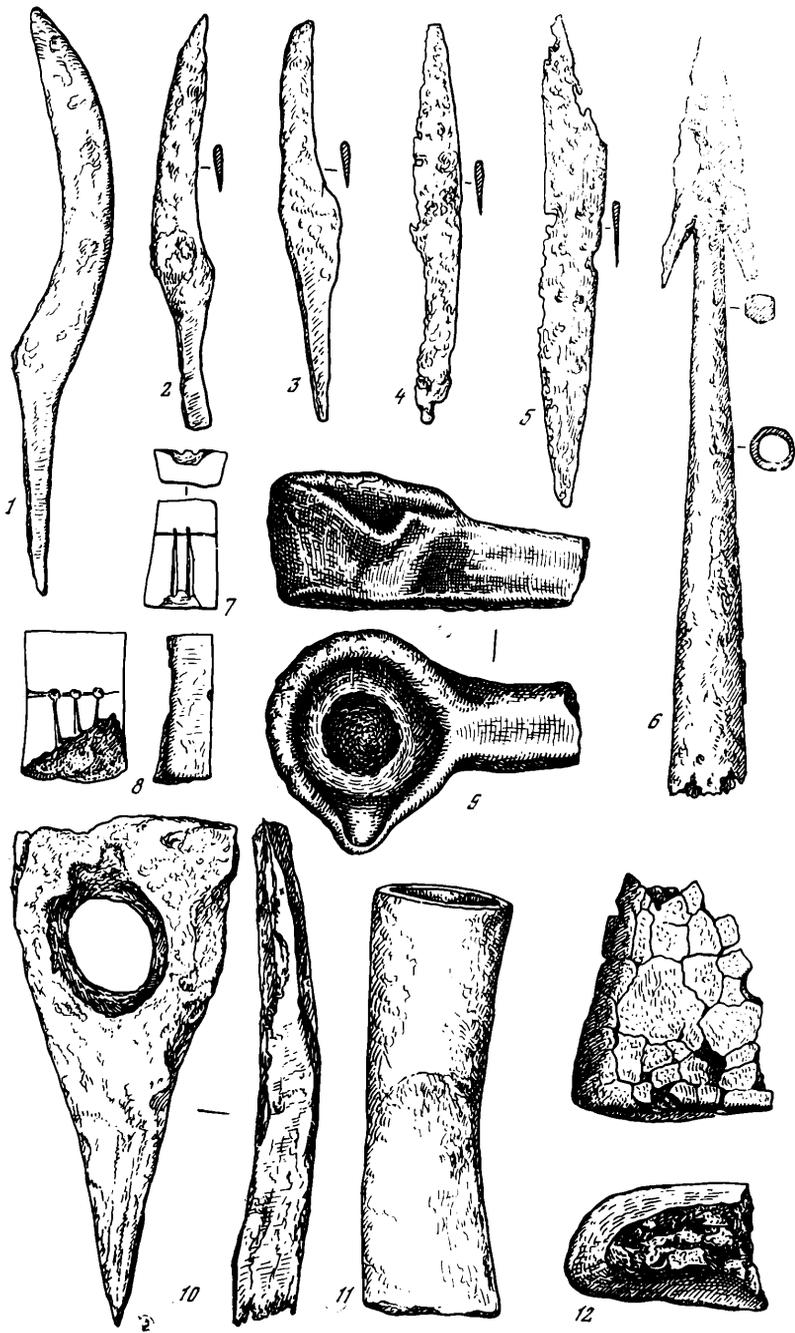

Рис. 1. Находки из раскопок городищ Боршевы (4—10, 12) и Селецкого (1—3, 11)
1—6, 10, 11 — железо; 7—9, 12 — глина

ской манере, характерной для прикамских древностей раннеананьинского времени (рис. 3, 7, 9, 18). Эти находки не только представляют интерес для датировки нижней части культурного слоя Боршевского городища, но и указывают направление культурных связей раннедьяковского населения долины Москвы-реки.

Описанные два яруса сооружений были перекрыты мощным (до 40 см) слоем древесного глена, очевидно остатками настила из тонких веток. Возведенные над этим слоем глинобитные площадки относятся к новому строительному периоду, отличаясь от предшествующих широт-

Рис. 2. Находки из раскопок городищ Боршевы (1, 4—29) и Селецкого (2, 3)
 1, 3 — 18, 20 — 25, 29 — кость и рог; 2, 19 — железо; 26—28 — глина

ным направлением, но близки им конструктивно и по размерам. Прямоугольно-овальной формы очаги с глиняным бортиком были заполнены прокаленным песком, вблизи них найдены обломки рогатых кирпичей и кусочки болотной руды. Культурный слой, перекрывший третий ярус сооружений, содержал только сетчатую керамику. В отличие от самого древнего слоя, в нем почти не найдено бронзовых украшений, но резко увеличивается количество костяных ножей, появляются роговые рукоя-

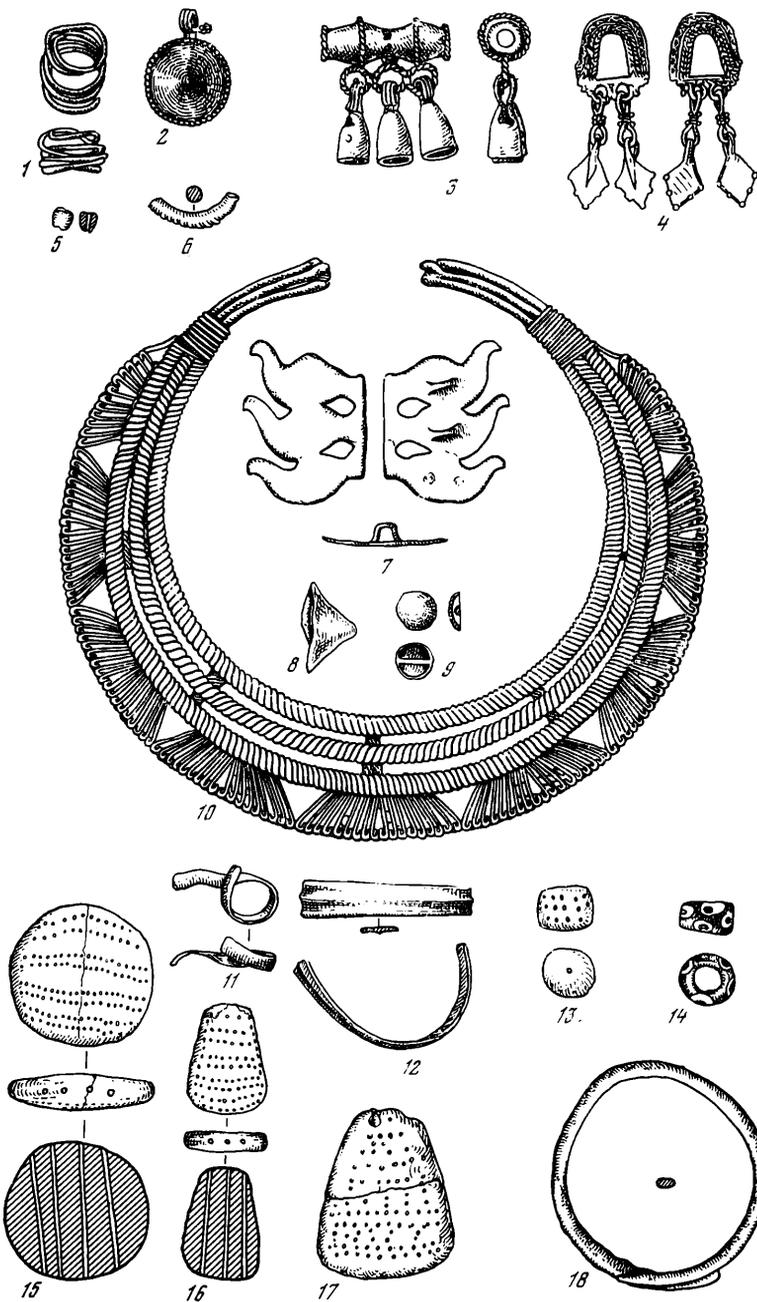

Рис. 3. Находки из раскопок городищ Боршевы (1—5, 7—9, 11, 14—16, 18) и Селецкого (6, 10, 12, 13, 17)

1—11, 18 — бронза; 12 — бирюза; 13, 15—17 — глина; 14 — стекло

ти ножей или кинжалов, роговые грузики (рис. 2, 20—23, 29). Костяные наконечники стрел — одношипные с уступчиком, с овально-уплощенным и ромбическим сечением, черешковые и втульчатые пулевидные — позволяют датировать этот слой IV в. до н. э.

Над тремя описанными ярусами сооружений на платформах на всей раскопанной площади находились глинобитные очажные сооружения овальной формы размером 0,90—1,10×1,30—1,60 м, расположенные в несколько ярусов. Они также были окаймлены глиняными бортиками, треугольными в поперечном сечении. Подобно очаговым сооружениям

из подстилающего слоя, центральная их часть была чашеобразная, заполнена сильно прокаленным чистым песком. Вокруг найдены обломки рогатых кирпичей, тиглей, болотной руды, пирита. В некоторых случаях можно было проследить остатки глиняной отмостки, окружавшей очаги, а также следы неоднократных ремонтов очаговых сооружений.

Находки из культурного слоя, перекрывавшего сооружения третьего яруса, представлены большим числом изделий из рога и кости: наконечниками стрел, ножами, рукоятями ножей или кинжалов. Здесь появляются железные ножи, сьюльгамы, глиняные орнаментированные габлички и грузики дьякова типа, получившие широкое распространение в более позднее время (рис. 1, 2—5; 2, 26—28; рис. 3, 15—17). Многочисленны миниатюрные сосуды.

Для датировки этого слоя представляют большой интерес синие стеклянные глазчатые бусы (рис. 3, 14), обломок бронзовой серьги скифского типа (рис. 3, 8), железный проушной топор (рис. 1, 10), предметы звериного стиля из рога и кости. Синие глазчатые гладкие бусы, бесспорно импортные, по аналогии с южными памятниками Северного Причерноморья датируются IV в. до н. э. К V в. до н. э. относится обломок бронзовой умбоновидной скифской серьги⁵. Железный топор аналогичен топору из поселения скифского времени на среднем Дону у с. Репенки, датирующегося V—III вв. до н. э.⁶ Из предметов, выполненных в зверином стиле, довольно редко встречающихся на городищах дьякова типа, найдены костяная плоская заготовка головки лося (рис. 2, 14) и уникальный предмет из рога с изображением припавшего к земле зверя (рис. 2, 13).

По стилю эта фигурка близка изображению на роговой рукоятки нагайки из кургана Черная гора у с. Абрамовка на р. Урал, относящейся к савроматскому времени⁷.

Расположение очаговых сооружений на всей раскопанной площади позволяет говорить о специализированном характере юго-восточной части городища. Производственный характер этих сооружений не вызывает сомнений. Возможно, они были связаны с металлургией. Около одного из них найдено более 30 тиглей крупных размеров и их обломков (рис. 1, 9).

Столь значительное число производственных сооружений на городищах дьякова типа открыто впервые. Самая ранняя находка двух расположенных рядом очагов сделана Ю. Г. Гендуне на городище Топорок. Один из них хорошо сохранился, имел впадину в центре и утолщенные края. Здесь были найдены уголь, зола, шлаки, обожженные формы⁸. В. А. Городцов открыл аналогичные сооружения на Старшем Каширском городище и пришел к выводу, что это жертвенники⁹.

Следует отметить большое сходство сооружений, открытых на Боршеве, с каширскими, причем не только в размерах самих очагов, но и в размерах и конструкции платформ, на которых они находились. Полная аналогия имеется и в их расположении ярусами, между которыми находилась прослойка древесного тлена. Как и в Боршеве; очаги Старшего Каширского городища были заполнены чистым песком, угольками, золой. Все это дает основание говорить об идентичности назначения очаговых сооружений Боршевы и Старшего Каширского городища. Отсутствие культовых находок в них и наличие тиглей, рогатых кирпичей, кусочков болотной руды, иногда обожженных, не позволяет предполагать в них остатки жертвенников.

Остатки очагов наблюдались и в верхней части культурного слоя Боршевского городища. Плохая сохранность из-за сильной потревоженности слоя не позволила проследить их планировку.

По размерам, конструкции и свите сопровождающих находок (тигли, рогатые кирпичи, болотная руда) они напоминали очаговые сооружения нижних горизонтов и, следовательно, были близки им по назначению.

Находки из верхней части культурного слоя стратиграфически не могут быть четко локализованы из-за нарушенности слоя. Не случайно

здесь были найдены костяные наконечники стрел и железная булава с шаровидной головкой IV в. до н. э. (рис. 2, 19)¹⁰, бронзовые умбовидные и лапчатые подвески V—VII вв. (рис. 3, 2—4) и железный наконечник копья II—IV вв. В этом слое обнаружена как сетчатая, так и гладкостенная и лощеная керамика, что также свидетельствует о его нарушении. Некоторые категории находок, например грузики дьякова типа, появившиеся еще в верхней части ненарушенного слоя, в потревоженном слое представлены наибольшим числом.

Слой позднедьяковского времени хорошо представлен на Селецком городище, где исследована площадь около 200 кв. м. Культурный слой в центре площадки городища не превышал 0,4 м, а у западного и южного краев утолщался до 2,5 м. Для расширения площадки городища и увеличения крутизны склонов слой глины из центральной части был перемещен на западный край, где выявлено трехкратное расширение площадки глиняными насыпями, разделенными прослойками культурного слоя и угля. В каждой из насыпей находились следы вертикальных столбов по контуру площадки, очевидно от оборонительных сооружений, неоднократно горевших. По краю площадки прослежены остатки столбовых построек, вероятно примыкавших к оборонительным сооружениям. Здесь же найдены следы бревенчатой постройки, относившейся к позднему этапу жизни на городище.

В нижнем слое Селецкого городища обнаружены обломки переносных горнов, рогатых кирпичей, тиглей и болотной руды, однако очаговые сооружения пока не найдены. Близка боршевской сетчатая керамика из нижнего слоя Селецкого городища, аналогичны формы костяных наконечников стрел и других изделий из кости и рога: грузиков, амулетов из клыков медведя, булавок, стругов, проколов. Особый интерес представляет железный плоский наконечник стрелы (рис. 2, 2), позволяющий, по аналогиям с находками из курганов у с. Мастюгина на среднем Дону, датировать нижний горизонт Селецкого городища IV—III вв. до н. э.¹¹

В слое сильного пожара у входа на городище обнаружена бронзовая пектораль, выполненная в технике скани (рис. 3, 10). Уникальность находки, не имеющей пока аналогии ни в памятниках дьяковской культуры, ни среди древностей синхронных культур, затрудняют ее хронологическое определение и культурную интерпретацию. Однако некоторые технологические детали (применение проволоки, полуколец, имитирующих витые, пайка цветных и черных металлов) встречаются на ряде изделий из дьяковских городищ.

Верхний горизонт Селецкого городища характеризуется гладкостенной керамикой. В самой верхней его части встречается подлощенная керамика, найден железный кельт (рис. 1, 11) и обломок билонного пластинчатого каннелированного браслета (рис. 3, 12). Подобные предметы известны в прибалтийских древностях середины и начала второй половины I тысячелетия н. э.¹² Этим временем, очевидно, и следует датировать поздний период существования поселения.

На основании полученных материалов можно считать, что Боршевское городище было основано в V в. до н. э. Селецкое городище возникло по керамике в более позднее время. Последний этап жизни на городищах на основании лощеной керамики и других находок должен датироваться серединой или началом второй половины I тысячелетия н. э. Вопрос о том, имели ли место перерывы в существовании поселения на Боршевском и Селецком городищах, пока не может быть решен из-за нарушения слоев и недостаточно узких дат вещей из промежуточных слоев.

¹ Древнее поселение в Подмоскowie.— МИА, 1970, № 156; Древнее поселение в Подмоскowie.— МИА, 1971, № 184; Дьяковская культура. М., 1974.

² Крис Х. И. Костяные и железные наконечники стрел Троицкого городища.— МИА, 1970, № 156, с. 150, 151, табл. 4, 1.

- ³ Збруева А. В. История Прикамья в ананьинскую эпоху.— МИА, 1952, № 30, табл. XIX.
- ⁴ Смирнов К. А. Дьяковская культура.— В кн.: Дьяковская культура. М., 1974, с. 30.
- ⁵ Петренко В. Г. Украшения Скифии VII—III вв. до н. э.— САИ, 1978, вып. Д4—5, с. 27, табл. 17, 19, 20.
- ⁶ Либеров П. Д. Памятники скифского времени на среднем Дону.— САИ, 1965, вып. Д1—31, табл. 14, 8.
- ⁷ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 243, рис. 80, 8.
- ⁸ Гендуле Ю. Г. Городище Топорок. Тверь, 1906, с. 8.
- ⁹ Городцов В. А. Старшее Каширское городище.— ИГАИМК, 1933, вып. 85, с. 41—44.
- ¹⁰ Петренко В. Г. Указ. соч., с. 14, 15, табл. 9, 32.
- ¹¹ Либеров П. Д. Указ. соч., с. 27, табл. 19, 44—49.
- ¹² Вассар А. К. К изучению племен I—IV вв. в западной и юго-западной Эстонии.— В кн.: Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956, с. 207, рис. 41, 3, 4.

А. А. ЕГОРЕЙЧЕНКО

ТИПОЛОГИЯ ГОРОДИЩ БЕЛОРУССКОГО ПОЛЕСЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Белорусское Полесье — специфическая физико-географическая зона, характеризующаяся однообразным равнинным рельефом местности, многочисленными болотами, сравнительно крупными массивами лесов. Общая площадь его составляет 6 млн га¹. Подобные географические условия, естественно, не могли не найти отражения в характере жизнедеятельности древнего населения с момента заселения этого региона, и в частности в расположении и типах укрепленных поселений.

К настоящему времени в Белорусском Полесье насчитывается около 150 городищ, имеющих материалы раннего железного века. Однако значительная часть их не только не подвергалась археологическому изучению, но даже не исследовалась визуально, что, несомненно, вносит определенные трудности в разработку типологии укрепленных поселений.

Первые отрывочные сведения о городищах Белорусского Полесья относятся ко второй половине XIX в. Незначительные материалы о них содержатся в работах М. В. Запольского, Г. Х. Тагура, Ф. В. Покровского и некоторых других исследователей², но их практическое значение невелико. В конце 20-х — начале 30-х годов XX в. несколько городищ на территории Белорусского Полесья раскапывалось А. Н. Лявданским и С. А. Дубинским. Ими же и некоторыми другими белорусскими археологами обследован ряд городищ по Припяти, Случи, Птичи и другим рекам, составлено подробное описание археологических памятников и сняты топографические планы ряда поселений. К сожалению, значительное количество материалов и документация раскопок этого времени безвозвратно утеряны в годы Великой Отечественной войны, и исследователи располагают только предварительной информацией, содержащейся в ряде публикаций³. В послевоенные годы начинается наиболее интенсивный этап в изучении археологических памятников Белорусского Полесья. В результате широких разведок Ю. В. Кухаренко, А. Г. Митрофанова, Л. Д. Поболя и других археологов стало возможным перейти к постановке и решению ряда вопросов по истории населения этого региона в раннем железном веке⁴. Тем не менее следует признать, что изучение укрепленных поселений во многих случаях носило формальный характер, поскольку материалы разведок не могут даже приблизительно дать представление о различных сторонах жизнедеятельности населения в этот период исторического развития. Раскопки городищ этого региона фактически не проводились, за исключением небольших работ А. Г. Митрофанова на городище около д. Качановичи и Ю. В. Кухаренко на городище у д. Моисеевичи⁵.

В настоящей работе предпринята попытка создания типологии горо-

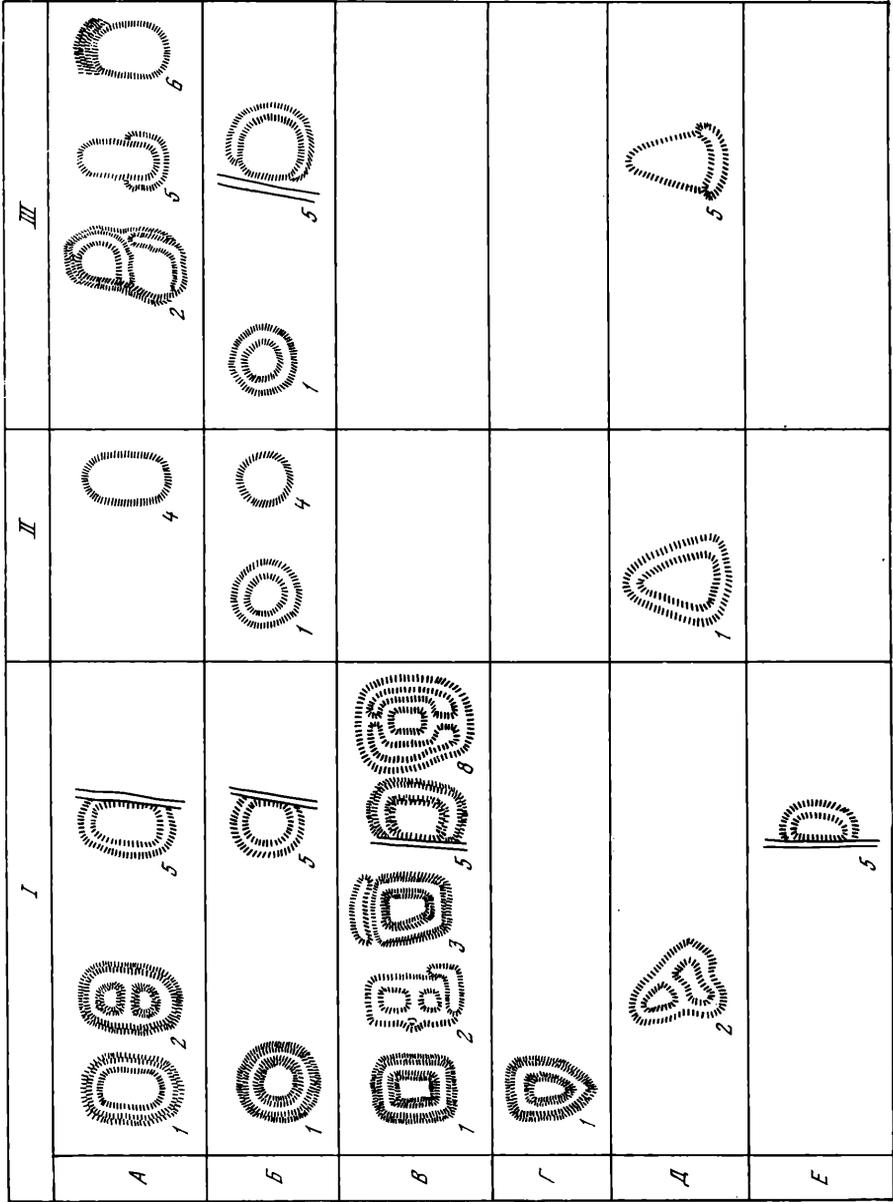

Рис. 1. Типы городищ
Белорусского Полесья
в раннем железном веке

Диц раннего железного века, известных на территории Белорусского Полесья, так как до настоящего времени такой классификации фактически не существует не только для этого региона, но и для всей Восточной Европы. Необходимость ее вызвана тем, что типология представляет собой первый необходимый этап в научной систематизации древних поселений. В археологической литературе довольно хорошо разработана типология городищ Древней Руси⁶, которая дает возможность проследить характер городищ, их оборонительную систему и ее эволюцию в результате развития производительных сил и производственных отношений. Вполне очевидно и необходимость изучения городищ с этой точки зрения в предшествующую эпоху, и в частности в период раннего железного века — времени их зарождения. В этом отношении заслуживает внимания работа А. Стубавса, в которой разработана универсальная типология укрепленных поселений Латвии. На основании формы городищ, вида оборонительных сооружений, соответствия отдельных групп оборонительным задачам и некоторых других признаков им выделено пять типов, подразделяющихся на варианты⁷.

Имеющиеся в литературе попытки разделить городища раннего железного века в Белорусском Полесье на мысовые и болотные следует признавать слишком формальными, так как они не отражают специфику различных городищ, их характер и систему оборонительных укреплений. К тому же крайне неудачным является термин «болотные» городища применительно к территории Полесья. Как известно, впервые этот термин ввел в научный оборот А. Н. Лявданский⁸, выделяя специфическую группу городищ Смоленщины и северо-восточной Белоруссии, которые характеризуются, во-первых, своими незначительными размерами (от 19 до 27 м в диаметре), во-вторых, расположением в труднодоступных местах (на низких мысах рядом с болотом либо на островках, находящихся среди болот, у которых форма площадки придана искусственно), в-третьих, отсутствием культурного слоя и, в-четвертых, своим назначением (культовые городища)⁹. В Полесье болотные городища смоленского типа немногочисленны (Велень). Все остальные городища, расположенные среди болот, характеризуются тем, что имеют значительно большую укрепленную площадь (от 0,1 до 9,5 га) и нередко культурный слой (Холопеничи, Большая Слива, Носовичи, Зеленковичи, Хвойно и др.). Все это позволяет утверждать, что эта категория городищ Полесья, несмотря на чисто внешние сходства с болотными городищами Смоленщины и северо-восточной Белоруссии, имеет иное функциональное назначение.

В настоящей статье в качестве критерия для выделения типов городищ (обозначены римской цифрой) принимается их местонахождение (расположение на естественно приподнятых невысоких местах или на ровном месте, холме, мысе). В зависимости от формы площадки выделяются подтипы (обозначены буквами), а характер оборонительных сооружений дает возможность выделить варианты (арабская цифра) (рис. 1). Разработка типологии основывалась на данных 85 городищ, для которых имеются планы либо составлено подробное описание. Ряд городищ, известных по опросным листам Наркомпроса БССР или по литературе, в силу отсутствия планов, неудовлетворительного описания, а также невозможности определить культурную принадлежность в расчет не принимался. Необходимо отметить, что из 85 городищ 9 (Акулинка, Городище, Мозырь, Моисевичи, Стрельск, Теплень, Юревичи, Хильчицы, Городище Клецкого района) имеют материалы не только раннего железного века, но и Древней Руси, поэтому нельзя исключать возможность более позднего происхождения, т. е. в древнерусский период, оборонительных сооружений.

ТИП I (73—85,9%)¹⁰

Городища, расположенные на невысоких естественно приподнятых на 2—3 м дюнах, грядах и т. п. или на ровном месте (часто среди и около болот). Среди них выделяются следующие подтипы:

А1 — городища овальной формы с одной или двумя линиями валов и рвов по всему периметру площадки (17 памятников — 23,3% I типа);

А2 — тоже овальные, разделенные валом-перемычкой на две части (2—2,7%);

А5 — овальные, защищенные с напольной стороны валом и рвом, а с противоположной — руслом реки (1—1,4%);

Б1 — круглой формы с одной или двумя линиями валов и рвов по периметру площадки (30—40,1%);

Б5 — круглой формы, у которых площадка с одной стороны защищена рекой, а с других — подковообразным валом (1—1,4%);

В1 — правильной четырехугольной формы, площадка которых укреплена одной или двумя линиями валов и рвов (12—16,4%);

В2 — тоже правильной четырехугольной формы, но площадка разделена перемычкой на две части (1—1,4%);

В3 — неправильной четырехугольной формы, окруженные валом вдоль всей площадки и, кроме того, имеющие дополнительный вал в слабозащищенном месте (1—1,4%);

В5 — подчетыреугольной формы, укрепленные с трех сторон валом и рвом, а с четвертой стороны защищенные рекой (1—1,4%);

В8 — городища прямоугольной формы, укрепленные двумя линиями валов и рвов вокруг площадки, причем внутренний вал повторяет форму площадки, а внешний близок к овалу. Внутренний вал соединен с внешним с двух противоположных сторон перемычками (1—1,4%);

Г1 — пятиугольной формы, площадка которых окружена одной или двумя линиями валов и рвов (2—2,7%);

Д2 — подтреугольной формы, обнесенные со всех сторон валом, причем площадка разделена валом-перемычкой на две части (1—1,4%);

Е5 — полукруглые городища, защищенные с напольной стороны валом и рвом, а с противоположной стороны — рекой (2—2,7%).

Городища I типа имеют наибольшее распространение в юго-восточной части Белорусского Полесья (32 памятника) (рис. 2). Распространение отдельных подтипов также неравномерно. Городища овальной формы характерны в основном для поречья Припяти и для нижних течений ее притоков. Концентрация правильных прямоугольных городищ наблюдается в бассейне нижней Припяти (Будовник, Небытов, Новоселки, Хвойники, Кулажин, Савичи) и в нижнем течении Горыни, где Ю. В. Кухаренко обнаружил два городища около д. Хотомель и два — около д. Юнищи¹¹. Круглые городища встречаются на всей территории Белорусского Полесья. Наиболее распространены городища овальной (20), круглой (32) и четырехугольной (16) форм. В настоящее время трудно сказать что-либо определенное в отношении многообразия подтипов I типа городищ. Наличие самых разных форм площадок, укрепленных одной, реже двумя линиями валов и рвов, вероятно, не может быть объяснено только соображениями оборонительного характера, как это делала О. Н. Мельниковская¹² в силу того, что городища I типа часто имеют очень схожие условия расположения. Возможно, эти различия связываются с формой естественной площадки под создаваемое поселение, как это обычно характерно для мысовых и холмовых городищ. Площадь городищ I типа — самая разнообразная. Она варьирует от 0,1 га (Будовник) до 9,5 га (Бечи). Однако половину (35 из 70) составляют городища, имеющие площадь 0,1—0,6 га. Доля более крупных не так значительна. У 14 городищ площадь колеблется в пределах от 0,7 до 1,5 га, у девяти — от 2 до 4 га, два выделяются своими очень большими размерами (Речень — 5 га, Бечи — 9,5 га). Городища I типа являются наиболее характерными для милоградской, а позднее и зарубинецкой культур. В небольшом количестве (Амговичи, Заградье, Замостье, Рыжица, Ивань, возможно и Холопеничи) они известны у культуры штрихованной керамики, в основном в зоне пограничья с ареалом милоградской культуры. Часть городищ этого типа не имеет культурного слоя, однако все они расположены в пределах территории милоградской культуры, поэтому проблематично могут быть отне-

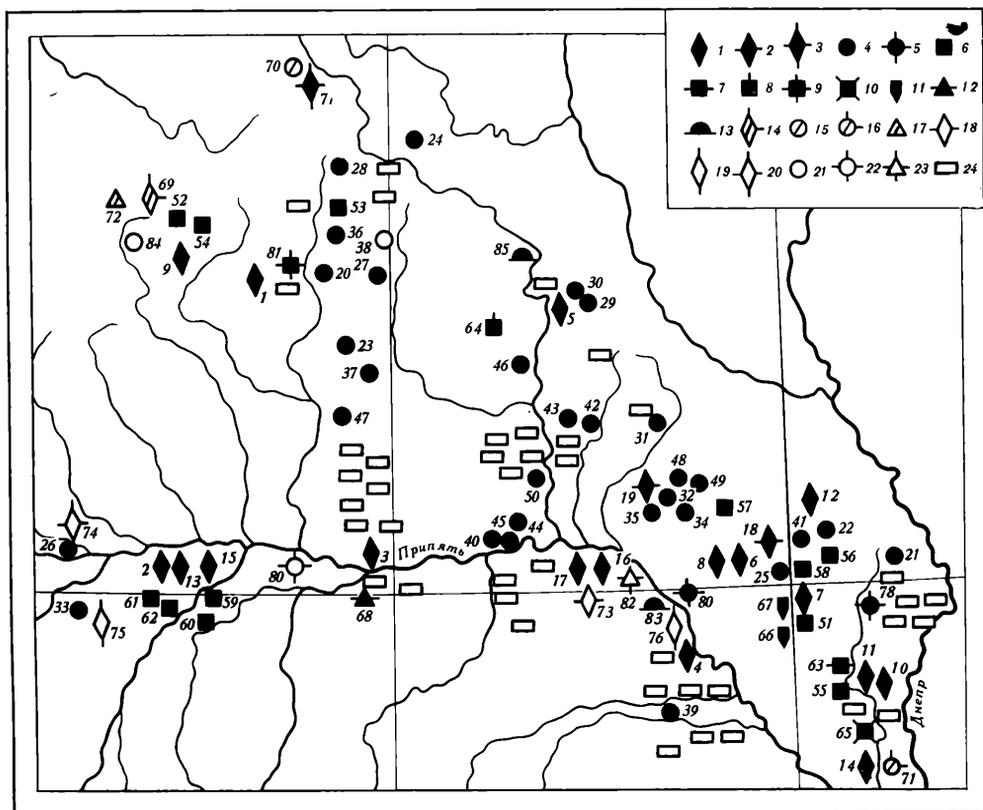

Рис. 2. Городища Белорусского Полесья

1 — IA1; 2 — IA2; 3 — IA5; 4 — IB1; 5 — IB5; 6 — IB1; 7 — IB2; 8 — IB3; 9 — IB5; 10 — IB8; 11 — IG1; 12 — ID2; 13 — IE5; 14 — IIA4; 15 — IIB1; 16 — IIB4; 17 — IID1; 18 — IIIA2; 19 — IIIA5; 20 — IIIA6; 21 — IIIB1; 22 — IIIB5; 23 — IIID5; 24 — необследованные городища. 1 — Амговичи; 2 — Бор Дубинецкий; 3 — Борки; 4 — Заракитное; 5 — Зеленковичи; 6 — Золотуха; 7 — Кливы; 8 — Клиск; 9 — Ленино; 10 — Кольбань; 11 — Команово; 12 — Новинки; 13 — Погост Заречный; 14 — Посудово; 15 — Тура; 16 — Ясенец; 17 — Ясенец; 18 — Дубровица; 19 — Козловичи; 20 — Большая Слива; 21 — Велетин; 22 — Великий Бор; 23 — Волоты; 24 — Велень; 25 — Дубровица; 26 — Городище; 27 — Заградье; 28 — Замостье; 29 — Зеленковичи; 30 — Зеленковичи; 31 — Карповичи; 32 — Кротово; 33 — Нечатово; 34 — Носовичи; 35 — Носовичи; 36 — Пацеры; 37 — Речень; 38 — Рыжица; 39 — Славечна; 40 — Снядин; 41 — Осов; 42 — Хвойно; 43 — Хвойно; 44 — Хвойня; 45 — Хвойня; 46 — Холопеничи; 47 — Хутор; 48 — Юшки; 49 — Юшки; 50 — Ваюжичи; 51 — Будовник; 52 — Выня-Ржавка; 53 — Городище; 54 — Коколичи; 55 — Кулажия; 56 — Небытов; 57 — Новоселки; 58 — Хойники; 59 — Хотомель; 60 — Хотомель; 61 — Юнищи; 62 — Юнищи; 63 — Савичи; 64 — Доколь; 65 — Чикаловичи; 66 — Борисовщина; 67 — Хвойное; 68 — Бечи; 69 — Качановичи; 70 — Городище; 71 — Гдень; 72 — Аношки; 73 — Мойсеевичи; 74 — Городище; 75 — Городно; 76 — Стрельск; 77 — Теплень; 78 — Городище; 79 — Юревичи; 80 — Хильчицы; 81 — Ивановь; 82 — Мозырь; 83 — Акулинка; 84 — Городище; 85 — Радугичи

сены к последней. Вместе с тем не исключена возможность того, что эти городища относятся к средневековью. Ю. В. Кухаренко относил укрепленные поселения прямоугольной формы не к раннему железному веку, а ко времени феодализма¹³.

ТИП II (4—4,7%)

Городища, расположенные на отдельно стоящих высоких холмах:

A4 — овалы без признаков валов и рвов (1);

B1 — круглые, имеющие по периметру вал и ров (1);

B4 — вариант предыдущего, но без признаков земляных укреплений (1);

D1 — подтреугольной формы, площадка которых укреплена со всех сторон валом и рвом (1).

Городища II типа немногочислены (Качановичи, Аношки, Городище, Гдень) и характерны в основном для верховьев Лани и Птичи. Их площадь колеблется от 0,3 до 0,5 га. Три городища относятся к культуре штрихованной керамики и лишь одно (Гдень) находится в ареале милоградской культуры.

ТИП III (8—9,4%)

Городища, расположенные на мысах:

A2 — овальной формы, площадка которых укреплена валом и рвом с напольной стороны и, кроме того, разделена перемычкой на две части (1);

A5 — овальной формы, защищенные одной или двумя линиями валов и рвов с напольной стороны (3);

A6 — тоже овальные, не имеющие валов, но предохраняемые в слабозащищенных местах рвом (1);

B1 — круглые городища, окруженные одной или двумя линиями валов и рвов (1);

B5 — тоже круглые, защищенные с напольной стороны валом и рвом (1);

D5 — подтреугольной формы, площадка которых укреплена с напольной стороны валом и рвом (1).

Мысовые городища в Белорусском Полесье являются наиболее распространенными после городищ I типа. Их площадь не равнозначна. Для трех памятников (Городище Брестской обл., Стрельск, Хильчицы) она не превышает 0,1 га, остальные значительно больше. Одно городище (Рыжица) имеет площадь 0,3 га, два (Мозырь, Городище Минской обл.) — 0,5 га и городище у д. Мойсеевичи — 2,1 га. По своей культурной принадлежности городища III типа делятся на две группы: 1) городища культуры штрихованной керамики (Рыжица); 2) городища милоградской культуры (все остальные).

Сравнительный анализ городищ Белорусского Полесья с городищами культуры штрихованной керамики в средней Белоруссии и днепро-двинской выявляет ряд существенных различий в характере возведения укрепленных поселений и в их оборонительной системе. Если в Полесье господствующими являются городища I типа, то для культур штрихованной керамики и днепро-двинской характерны укрепленные поселения II и III типов¹⁴. Различия в типах укрепленных поселений Полесья и смежных территорий повлекли за собой и различия в системе оборонительных сооружений. Среди 85 городищ Белорусского Полесья 70 имеют валы и рвы по периметру всей площадки (из них 57 милоградских и 13 культуры штрихованной керамики). 9 городищ выделяются тем, что их оборонительные сооружения защищают площадку с напольной стороны (8 милоградских и 1 культуры штрихованной керамики), и только 3 не имеют укреплений, поскольку расположены на высоких холмах (2 милоградских, 1 культуры штрихованной керамики).

Представляет интерес и расположение земляных оборонительных сооружений. П. А. Раппопорт выделял в качестве одного из критериев отличия древнерусских городищ от городищ раннего железного века расположение валов и рвов у последних на склонах ниже уровня площадки¹⁵. Однако это не совсем верно, так как этот признак характерен только для городищ II и частично III типов культур штрихованной керамики и днепро-двинской (Городище Брестской обл., Азяруты, Боровно, Багриново, Асиновик, Городище Минской обл., Кузевичи и др.). Что касается укрепленных поселений на территории Полесья, то их оборонительные сооружения всегда расположены на краю площадки.

Таким образом, анализ городищ Белорусского Полесья показывает следующее. Во-первых, доминирующим является I тип укрепленных поселений, которые характерны в основном для милоградской культуры, причем городища, площадка которых укреплена кольцевой системой ва-

Рис. 3. Взаимосвязь подтипов с культурной принадлежностью

1 — городища милоградской культуры;
2 — городища культуры штрихованной керамики

лов и разделена перемычкой на две части, встречаются только в ареале милоградских памятников и у культуры штрихованной керамики они не известны (рис. 3). Во-вторых, у большинства укрепленных поселений независимо от культурной принадлежности форма площадки представляет собой круг или овал. В-третьих, преобладающее количество городищ Полесья имеет кольцевую систему оборонительных сооружений.

¹ Проблемы Полесья. Минск, 1972, с. 209.

² Запольский М. Брагинская волость (истор. очерк).— Календарь северо-западного края на 1889 г. М., 1889; Тагур Г. X. Очерк археологических памятников на пространстве Минской губернии и ее археологическое значение. Минск, 1892; Покровский Ф. В. Археологическая карта Гродненской губернии.— Тр. IX AC, 1895, т. 1, Приложение.

³ Дубинский С. А. Доследы культур железнага перыяду на тэрыторыі БССР ў 1929 г.— Працы, Менск, 1930, т. II, с. 511—512; Ляўданскі А. Н. Кароткае паведамленне аб доследах культур эпохі жалеза ў БССР у 1930—1931 гг.— Працы, Менск, 1932, т. III, с. 230—234; Он же. Папярэдніе вынікі работы археалагічнай брыгады Палескай экспедыцыі.— Савецкая краіна, Менск, 1932, № 9; Юшчанка І. X. Археалагічныя доследы ў Гомельскай акрузе.— Працы, Менск, 1930, т. II, с. 513—515; Он же. Археалагічнае абследаванне р. Брагіні (вадазбор Ніжняй Прыпяці).— Працы, Менск, 1932, т. III, с. 241—242; Каваленя А. З., Шугаў С. С. Матэрыялы з дагісторыі Тураўшчыны.— Працы, Менск, 1930, т. II, с. 339—378; Каваленя А. З. Археалагічныя разведкі ў Магілёўскай, Бабруйскай і Менскай акругах.— Працы, Менск, 1930, т. II, с. 145—156; Рынейскі А. Археалагічная разведка на р. Пціч.— Працы, Менск, 1932, т. III, с. 197—214.

⁴ Кухаренко Ю. В. Памятники железного века на территории Полесья.— САИ, 1961, вып. Д1—29; Он же. Средневековые памятники Полесья.— САИ, 1961, вып. Е1—57; Он же. Зарубинецкая культура.— САИ, 1964, вып. Д1—19; Митрофанов А. К. К истории населения средней Белоруссии в эпоху раннего железа: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Л., 1955; Поболь Л. Д. Древности Туровщины. Минск, 1969; Он же. Славянские древности Белоруссии. Минск, 1974.

⁵ Митрофанов А. Г. К истории населения..., с. 12; Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья, с. 30.

⁶ Раппопорт П. А. Очерки по истории русского военного зодчества X—XIII вв.— МИА, 1956, № 52; Он же. Очерки по истории военного зодчества в Северо-Восточной и Северо-Западной Руси X—XV вв.— МИА, 1961, № 105; Он же. Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв.— МИА, 1967, № 140.

⁷ Stubavs A. Par latvijas pilskalnu tipologiju un klasifikaciju.— Archeologija un etnografija, Riga, 1974, t. XI, lpp. 74—84.

⁸ Ляўданскі А. Н. Матэрыялы для археалагічнай карты Смаленскай губерні.— Тр. Смаленск. гос. музея, 1924, вып. 1, с. 49—50; Он же. Некоторые данные о городищах Смоленской губ.— Научн. изв. Смоленск. гос. ун-та, 1926, т. III, вып. 3, с. 180—195; Он же. Археалагічныя доследы ў вадасборах рр. Сажы, Дняпра і Каспілі ў Смаленскай губ.— Працы, Менск, 1930, т. II, с. 335.

⁹ Ляўданскі А. Н. Матэрыялы для археалагічнай карты..., с. 49—50.

¹⁰ Первая цифра обозначает количество городищ I типа, вторая — то же в % от общего количества учтенных памятников.

¹¹ Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья, с. 21—22.

¹² Мельниковская О. Н. Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. М., 1967, с. 27.

¹³ Кухаренко Ю. В. Средневековые памятники Полесья, с. 21—22.

¹⁴ *Мигрофанов А. Г.* Железный век средней Белоруссии (VII—VI вв. до н. э.—VIII в. н. э.). Минск, 1978, рис. 4, 1, 2; 5, 2; 8, 1; *Третьяков П. Н., Шмидт Е. А.* Древние городища Смоленщины. М.; Л., 1963, с. 9; *Поболь Л. Д.* Славянские древности Белоруссии, рис. 149, 150.

¹⁵ *Раппопорт П. А.* Военное зодчество западнорусских земель X—XIV вв., с. 12.

А. А. МАСЛЕННИКОВ

ВАРВАРСКОЕ ПОГРЕБЕНИЕ VI В. ДО Н. Э. НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

Самым ранним скифским памятником в восточном Крыму принято считать погребение конца VII в. до н. э. в кургане на Темир-Горе¹. Более поздние скифские захоронения в курганах степной части полуострова относятся лишь ко второй половине V в. до н. э.² До последнего времени на этой территории не было известно ни одного скифского или вообще какого-либо чисто варварского погребения, относящегося к этому почти полуторавековому промежутку времени. В этой связи интересна одна из гробниц (№ 4), раскопанных в 1977 г. Восточнокрымским отрядом Института археологии АН СССР на обширном могильнике в 1,5 км юго-восточнее с. Золотое Ленинского района Крымской обл.

Рассматриваемая гробница представляла собой грубый каменный ящик без перекрытия, сложенный из больших плоских необработанных известняковых глыб. Внешние размеры ящика, ориентированного в направлении восток—запад с небольшим отклонением к югу, 3,2×1,5 м, внутренне — 1,82×0,86 м. Высота стен ящика колебалась от 0,45 до 0,86 м. Самая высокая плита составляла западную поперечную стену гробницы, т. е. стояла в изголовье. Стены гробницы были лишь слегка заглублены в землю и торчали на поверхности на 0,20—0,45 м. Вокруг ящика было выложено кольцо из крупных и средних камней, имевшее диаметр 4,4—4,6 м.

В ящике находилось одиночное захоронение. Несмотря на плохую сохранность, положение уцелевших костей черепа, рук, грудной клетки и отчасти ног позволяет судить, что покойник лежал в вытянутом положении, на спине, головой на запад с незначительным отклонением к югу.

Под кистью левой руки, по-видимому слегка согнутой и положенной на бедро, найдено сильно фрагментированное бронзовое зеркало с длинной ручкой, составляющей с плоским диском одно целое (рис. 1, 1). На конце ручки имеется круглое отверстие, а в части, прилегающей к диску, ширина ручки резким переходом увеличивается вдвое. Диаметр зеркала 18 см, толщина 0,2—0,3 см, длина ручки 18 см. По краям последней имеется орнамент из частых коротких насечек. Форма зеркала близка к так называемым коринфским зеркалам, относящимся к середине VI в. до н. э.³ Слева у остатков костей черепа лежала небольшая одноручная ионийская чашечка. Диаметр ее 10 см, высота 3,8 см (рис. 1, 2). На внутренней поверхности сосуда нанесены две неширокие полосы красноватого лака, следы которого частично сохранились и на венчике. Чашечка датируется VI в. до н. э., скорее всего его второй половиной⁴. Около левого плеча найдены фрагменты лепного горшка или корчажки из серо-бурой глины со слегка залощенной поверхностью. Ниже шейки нанесен нарезной орнамент в виде образующих острые углы косых линий (рис. 1, 5). Диаметр венчика, плавно переходящего в тулово, 12 см. Горшок имеет аналогии среди лепной керамики VII в. до н. э.⁵ На запястьях обеих рук обнаружены толстые, крутые в сечении бронзовые браслеты с незамкнутыми слегка утолщенными краями (рис. 1, 3, 4). Кольцевые перехваты делят поверхность браслетов как бы на отдельные звенья. Кроме того, в гробнице найдена стеклянная бусина. По определению Е. М. Алексеевой, она также может быть отнесена к VI—V вв. до н. э.⁶

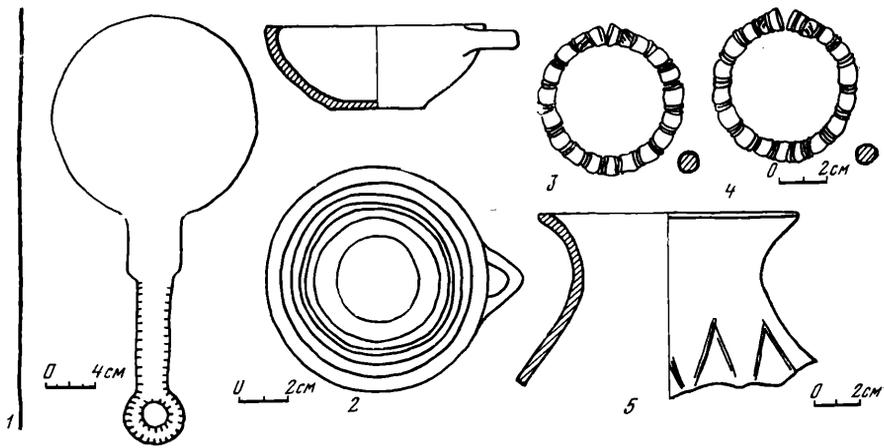

Рис. 1. Вещи из гробницы 1 (1—5)

Таким образом, рассматриваемое погребение следует датировать второй половиной VI в. до н. э. Весь исследуемый могильник содержит захоронения одной культуры, которые датируются с VI по I в. до н. э. Попутно отметим, что на территории могильника были сделаны находки, относящиеся, возможно, к еще более раннему времени. Таковы фрагменты лепной керамики с точечным орнаментом, обломок шлифованного каменного топора и редкие, к сожалению полностью ограбленные, громадные каменные ящики, напоминающие дольмены.

Сложен вопрос об этнической принадлежности обитателей этих мест, оставивших некрополь у с. Золотое. Как нам представляется, это было автохтонное население, входившее прежде в киммерийский союз, а после его разгрома оттесненное скифами в наиболее глухие прибрежные районы Керченского полуострова.

¹ Яковенко Э. В. Курган на Темир-Горе.— СА, 1972, № 3, с. 260—265.

² Яковенко Э. В. Рядовые скифские погребения в курганах восточного Крыма.— В кн.: Древности восточного Крыма. Киев, 1970, с. 115—116.

³ Белимович З. А. Греческие бронзовые зеркала эрмитажного собрания.— ТГЭ, 1976, XVII, рис. 2, с. 36, 39, 59.

⁴ Lambino M. F. Les vases archaïques d'Histria. București, 1938 p. 180, fig. 134.

⁵ Щепинский А. А. Население Южного берега Крыма в эпоху раннего железа.— Археология, Київ, 1977, 21, с. 34, рис. 7.

⁶ Принятому благодарность Е. М. Алексеевой за любезную консультацию по датировке бусины.

О. Д. ДАШЕВСКАЯ

ЗЕМЛЯНОЙ СКЛЕП НА БЕЛЯУСЕ

Во время раскопок 1976 г. на Беляусском могильнике, являющемся некрополем одноименного греко-скифского городища на северо-западном побережье Крыма¹, был открыт необычный земляной склеп (могила 114). Наряду с типичными чертами местного погребального обряда здесь встречаются такие особенности, которые могут оказаться оригинальными и неповторимыми, что и дало повод рассмотреть этот памятник в специальной заметке. Прежде всего необычно то, что могила представляет собой сочетание двух разновременных погребальных сооружений (рис. 1). Кроме того, первое из них своеобразно само по себе.

Сначала был вырыт глубокий колодец, который в силу каких-то обстоятельств был использован как погребальная яма. Глубина колодца в

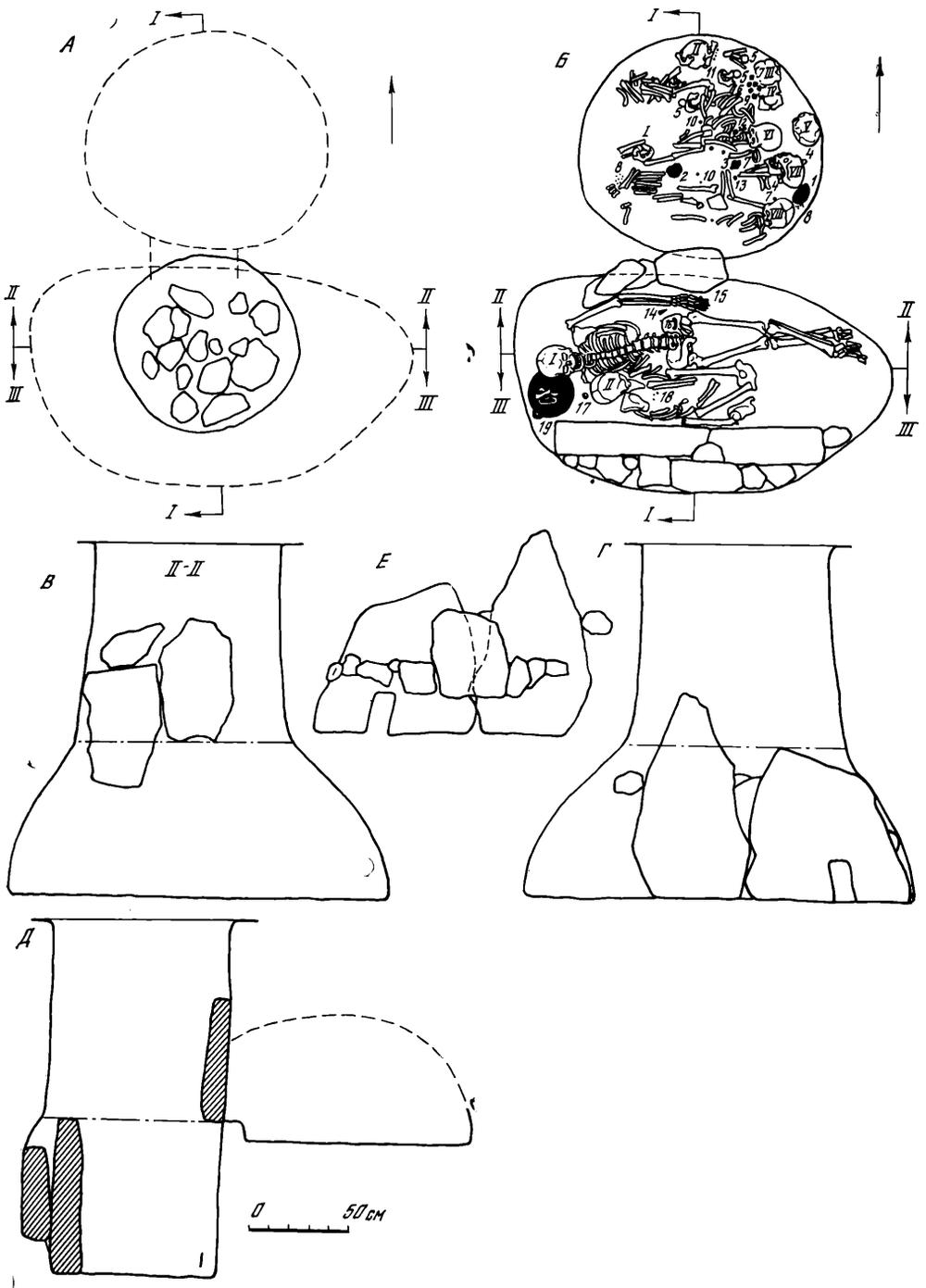

Рис. 1. Могила 114 Беляусского некрополя

А — план на уровне поверхности входного колодца; Б — план на уровнях дна входного колодца и северной камеры; В, Г, Д — разрезы (штрихпунктиром показана нижняя граница каменной забутовки); Е — южный фас ложного заклада; 1 — миска с красным ангобом; 2 — лепной горшочек в обломках; 3 — раковина; 4 — серьги бронзовые; 5 — браслеты бронзовые; 6 — фибула бронзовая; 7 — бусы; 8 — бисер; 9 — астрагалы; 10 — осколки кремня и гранита; 11 — кость ноги барана; 12 — реальный; 13 — бляшка серебряная; 14 — стрела бронзовая; 15 — стрелы железные и бронзовые; 16 — крючок поясной железный; 17 — кольцо височное серебряное; 18 — бусы; 19 — миска гончарная с ножом и костями барана

материке (почвенный слой толщиной 0,60 м над материком распахан) 1,80 м. Верхняя часть колодца до глубины 1 м в плане почти круглая: 0,90 м по меридиональной оси и от 0,95 до 1,10 м — по широтной. Нижняя часть его высотой 0,80 м значительно расширена подбоями с запада и востока и немного с юга. Таким образом, она была превращена в своего рода погребальную камеру, овальную в плане, широтно ориентированную, площадью 1,40×1,95 м. У южной стенки этой «камеры» был сделан заклад из вертикально поставленных каменных плит. Внутренний, обращенный к «камере» ряд (он был основным) образовывали две мощные плиты подтреугольных очертаний. Восточная плита, более высокая и узкая, имела высоту 1,05 м, среднюю ширину 0,55 и толщину 0,20 м; западная, более низкая и широкая, соответственно 0,80×0,70×0,15 м. У ее основания имелась выемка. Обращенная к «камере» поверхность этой плиты подтесана, восточная же плита необработана. Промежуток между верхними частями плит был заклинен двумя небольшими камнями. Такой же камень был засунут между восточным краем восточной плиты и стенкой «камеры». С внешней по отношению к «камере» стороны был поставлен второй ряд заклада (рис. 1, *Д, Е*), для которого вдоль южной стенки оставлена ступенька высотой и шириной около 0,20 м. На середине ее была поставлена плита размером 0,45×0,38×0,15 м, к которой с обеих сторон примыкали цепочкой небольшие камни: пять — с запада и три — с востока. Однако с юга от «камеры» не было никакого дополнительного сооружения, и, следовательно, плиты у южной стенки ямы можно объяснить только как имитацию заклада «камеры» со стороны воображаемого входа. Приведенное соотношение больших и малых камней, наличие ступенчатых говорят о стремлении сделать ложный заклад как можно более натуральным и придать мнимому входу направление с юга на север.

После установки фальшивого заклада в «камере» были погребены двое взрослых и младенец. Скелет I принадлежал мужчине 45—55 лет². Он покоился на подстилке, очевидно войлочной, головой на запад, в вытянутом положении, на спине. Руки лежали вдоль туловища, ноги были скрещены в голених и чуть-чуть отведены вправо, согласно форме погребального сооружения. В изголовье справа стояла крупная гончарная миска грубой работы из красной глины с белыми включениями, с приподнятой петлевидной ручкой, вдоль которой проходит желобок, на сплошном поддоне (рис. 2, 17). В миске находились остатки жертвенной пищи — кости барана (лопатка, два ребра и нижние части двух ног) — и железный нож с бронзовой заклепкой у рукояти (рис. 2, 16). На костях таза слева обнаружен железный поясной крючок (рис. 2, 15). У левой руки лежали стрелы (рис. 2, 5—14). Один бронзовый наконечник, трехгранный, со скрытой втулкой, оказался отдельно от прочих, близ локтевой кости, а остальные — 15 железных и два бронзовых — все вместе, у кисти, остриями вниз (очевидно, они были в колчане). Железные стрелы все втульчатые, трехлопастные, многие из них сильно корродированы. По стрелам погребение можно датировать IV—III вв. до н. э.³ С этой датой согласуется и форма миски⁴.

Скелет II, плохо сохранившийся, очевидно, был женским. Он располагался справа от первого, у самых плит ложного заклада. Сверху на нем наблюдались следы покрывала, такого же, как подстилка скелета I. Он лежал в скорченной позе, на правом боку, причем череп его находился на правом плече скелета I. За черепом обнаружено серебряное височное колечко с заходящими концами (рис. 2, 1), на груди — две бусины и подвеска в виде кувшинчика из прозрачного желтого стекла (рис. 2, 2—4). Под тазом лежал обломок стенки амфоры. Скелет III, принадлежавший младенцу, совершенно исчез. Ничтожные остатки его были найдены в восточной части камеры, около скелета II.

«Камера» была засыпана материковой глиной до высоты 0,80 м от уровня дна, т. е. именно до того места, выше которого идет почти круглый колодец без подбоев. Последний же был забутован камнями: сверху мел-

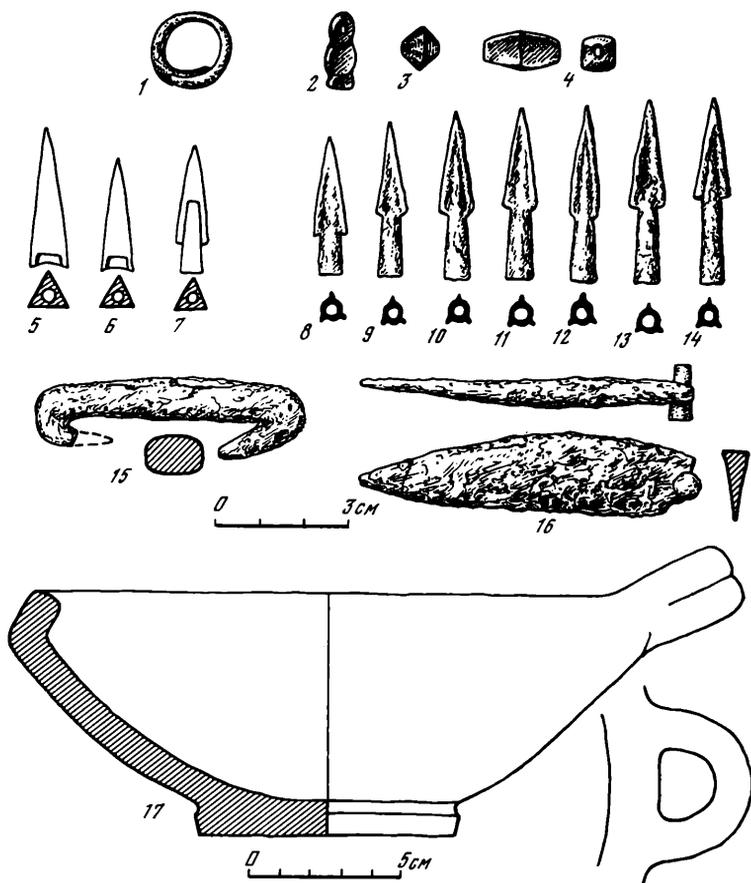

Рис. 2. Инвентарь погребений во входном колодце

1 — височное кольцо серебряное; 2—4 — подвеска и бусы стеклянные; 5—7 — стрелы бронзовые; 8—14 — стрелы железные; 15 — поясной крюк железный; 16 — нож железный с бронзовой заклепкой; 17 — миска гончарная красноглиняная
1—4 — погребение II; 5—17 — погребение I

кими и средними, снизу — крупными. Вероятно, первоначально, после совершения описанных выше погребений, колодец заполнили землей до самого верха, а каменная забутовка связана с его вторичным использованием. На уровне границы между забутовкой и глинистой засыпью (нарушенной только острой верхушкой восточной плиты фальшивого заклада) у северной стенки колодца были обнаружены плиты еще одного, верхнего, заклада. Собственно на этом уровне стояла одна из плит, восточная ($0,65 \times 0,35 \times 0,12$ м), а другая, западная ($0,60 \times 0,38 \times 0,10$ м), поверх которой торчал еще камень среднего размера, почти наполовину осела в землю. Этот заклад закрывал вход в камеру.

Северная камера была очень неглубокой по отношению к соответствующему ей уровню «дна» входного колодца: разница составляла всего 0,10 м. Вход в камеру имел вид очень короткого дромоса шириной 0,45 м и длиной 0,10—0,15 м. В плане камера была почти круглой, слегка вытянутой в широтном направлении, с едва заметным отклонением. Площадь ее $1,25 \times 1,08$ м, реконструируемая высота 0,65 м. При таких небольших размерах камера могла служить только для детских погребений, которые в ней и обнаружены. Здесь были последовательно похоронены восемь детей. Сохранность костяков очень плохая.

Скелет I имел западную ориентацию. О нем можно судить по остаткам черепа, костей рук и ребер в западной части камеры. Видимо, ему принадлежал лепной горшочек, раскрошившиеся обломки которого обнару-

жены справа от черепа. Остальные погребения имели восточную ориентировку.

Скелеты II—V были беспорядочно сдвинуты к северной стенке камеры, черепа их сконцентрированы в северо-восточной ее части. При них были бусы, главным образом крупные; подвеска из прозрачного стекла (рис. 3, 2); три бронзовых несомкнутых браслета, один из которых — пластинчатый, с орнаментом из ромбов, заполненных точечными наколами (рис. 4, 6—8); маленькая бронзовая фибула с подвижным приемником (в обломках). Под черепом скелета II оказалось десять просверленных астрагалов (рис. 4, 5) и остатки жертвенной пищи — кость бараньей ноги.

Скелет VI был сдвинут в центральную часть камеры. Анатомический порядок его сильно нарушен, но все же прослеживалось вытянутое положение на спине. У его груди найден реальгар. Скелет VII был тоже сдвинут и лежал южнее предыдущего, в такой же позе. В изголовье его слева была поставлена маленькая чаша, покрытая и внутри, и по верхней части снаружи красным ангобом (рис. 4, 10). У черепа обнаружены три бронзовые серьги: две парные — с обмотанной петлей и крючком (рис. 4, 2, 3), а третья, попавшая сюда, надо полагать, из какого-то другого погребения, — с зооморфным окончанием (рис. 4, 4). На груди справа была подвеска из тропической раковины *Murex* (рис. 4, 9), у пояса — серебряная бляшка плохой сохранности.

Скелет VIII лежал у входа, в вытянутом положении, на спине. Руки были вытянуты вдоль туловища, ноги параллельны. На шее обнаружены очень крупные стеклянные бусы (рис. 3, 1), у головы и ног — бисер из голубого египетского фаянса, возможно украшение головного убора и обуви, на животе — небольшой плоский камень.

Кроме того, на дне камеры, главным образом в центре ее, встречены предметы инвентаря, которые не удастся отнести к определенным погребениям: фрагмент железной фибулы, ведркообразная подвеска без ушка (рис. 4, 1), различные бусы, в том числе стеклянные глазчатые, гагатовые цилиндрические, скарабей из египетского фаянса и два подражания из стекла, пронизи из глухого стекла ромбического и квадратного сечения и др. (рис. 3). Там же собраны осколки гранита, связанные с культом огня.

Среди инвентаря погребений в северной камере наиболее надежную дату дают серьги, очень популярные у жителей Беляуса и находящие много аналогий в памятниках Северного Причерноморья I в. н. э.⁵ На то же время указывает и ведркообразная подвеска⁶. Этой датировке не противоречат и бусы. Так, концом I в. до н. э. датируется шаровидная бусина из серовато-синего стекла, почти сплошь покрытая синими глазками овальной формы и с желтыми треугольниками в центре, обведенными синей и белой каймой (рис. 3, 3)⁷. Овальные бусины из ярких многоцветных спиральных нитей и крупные граненые из одноцветного прозрачного стекла, представленные в нашем комплексе несколькими экземплярами (рис. 3, 1), появляются не ранее рубежа нашей эры⁸. Для этого же времени считаются характерными гагатовые бусы в форме коротких отрезков цилиндра⁹.

Таким образом, весь комплекс инвентаря северной камеры позволяет датировать погребения в ней I в. н. э. Следовательно, камера была устроена примерно на три столетия позже, чем были совершены захоронения во входном колодце. Последний, надо полагать, был чем-то отмечен на поверхности, что дало возможность в дальнейшем найти его и использовать снова.

Погребения в колодце интересны еще и тем, что являются самыми ранними из всех раскопанных в настоящее время на Беляусе. Они относятся к периоду греческого (херсонесского) господства на данной территории. Однако погребальный обряд (западная ориентировка, колчан со стрелами, жертвенная пища) показывает скорее варварские черты, чем греческие. Погребения в северной камере дают типичную картину дет-

Рис. 3. Бусы из погребений в северной камере (1—4)

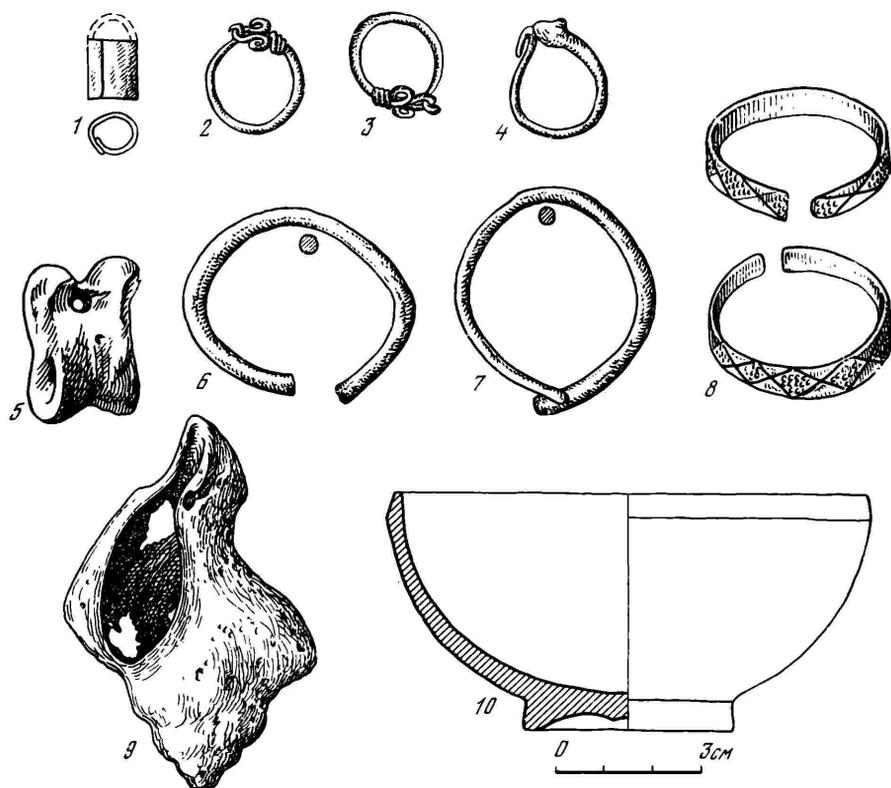

Рис. 4. Инвентарь погребений в северной камере

1 — подвеска бронзовая; 2—4 — серьги бронзовые; 5 — астрагал; 6—8 — браслеты бронзовые; 9 — раковина; 10 — миска с красным ангобом.

1, 4 — сдвинутые погребения; 2, 3, 9, 10 — погребение VII; 5 — погребение II; 6—8 — погребения II—V

ского земляного склепа позднескифского периода, как и само отдельно взятое вторичное погребальное сооружение.

Особенности, отличающие этот памятник, надо расценить не как проявление каких-то иных обычаев, а как любопытное отклонение от принятых канонов, о которых не забывали, даже нарушая их.

- ¹ Дашевская О. Д., Голенцов А. С., Старченко Е. В. Раскопки городища и некрополя Беляус.— АО 1976 г., М., 1977.
- ² Определение Т. С. Кондукторовой.
- ³ Мелюкова А. И. Вооружение скифов.— САИ, 1964, Д1-4, с. 25, табл. 9. Аналогичные стрелы были найдены нами в соседнем Кульчукском некрополе в погребении IV—III вв. до н. э.
- ⁴ Книпович Т. Н. Местная керамика из раскопа «И» в Ольвии.— В кн.: Ольвия. Киев, 1940, т. 1, с. 46, тип. 24б; Мелюкова А. И. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка. М., 1975, с. 164, рис. 47, 4; 48, 4. Пятышева Н. В. Ювелирные изделия Херсонеса. М., 1956, с. 45, 51, табл. XI, 10, 10а, 14; Арсеньева Т. М. Могильник у дер. Ново-Отрадное.— МИА, 1970, № 155, с. 140, табл. 9, 8.
- ⁵ Сымонович Э. А. Культура поздних скифов и черняховские памятники в Нижнем Поднепровье.— В кн.: Проблемы скифской археологии. М., 1971, с. 72, рис. 3, VII.
- ⁷ Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья.— САИ, 1975, Г1—12, с. 72, тип 129б.
- ⁸ Алексеева Е. М. Классификация бус некрополя у дер. Ново-Отрадное.— МИА, 1970, № 155, с. 167—168, табл. II, 7.
- ⁹ Там же, с. 168, табл. IV, 11, 12.

В. А. КОРЕНЯКО

ПОГРЕБЕНИЕ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В КУРГАНЕ У С. НОВОСЕЛИЦКОЕ В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

В 1974 г. Новоселицкий отряд Ставропольской экспедиции Института археологии АН СССР исследовал три кургана к востоку от с. Новоселицкое Новоселицкого района Ставропольского края. Курганы, располагавшиеся у водохранилища «Волчьи Ворота» на правом берегу р. Томузловки, левого притока р. Кумы, были насыпаны в эпоху катакомбной культуры, но содержали и захоронения более позднего времени. Среди последних представляет интерес погребение 6 в кургане 1.

Диаметр кургана составлял около 60 м, высота — 2,05 м. Погребение 6 было впущено с поверхности кургана в его западной половине в материковый грунт и имело катакомбную конструкцию (рис. 1). Пол камеры находился на глубине 4,27 м от вершины насыпи, в 3,98 м от ее поверхности и в 2,51 м от уровня древнего горизонта. Общая длина могилы, ориентированной длинной осью по линии восток — запад, равнялась 6,75 м, длина колодца — 2,88 м. Последний имел в плане форму трапеции, вытянутой по высоте. Ширина его в западной части — 0,77 м, у входа в камеру — 0,98 м. Вдоль западной стенки имелась небольшая ступенька высотой от дна колодца 0,83—0,91 м, шириной до 0,17 м. Стенки колодца отвесные и гладкие, заполнение — рыхлая супесь. Камера была непосредственным продолжением колодца, ориентирована длинной осью по линии восток — запад с небольшим отклонением, не отделялась от колодца ступеньками или перепадами. Ширина ее у входа — 0,97 м, в средней части — 0,88 м, в восточной части — 1,04 м. Наибольшая высота свода, имевшего купольную форму и частично просевшего, равнялась 1,35 м. Скелет лежал на некотором возвышении из материкового грунта высотой до 0,1 м. В юго-восточном углу камеры и вдоль ее восточной стенки прослежена ступенька, над которой имелась небольшая ниша. Здесь размеры ступеньки составляли 0,84×0,24 м при высоте 0,10 м над дном камеры.

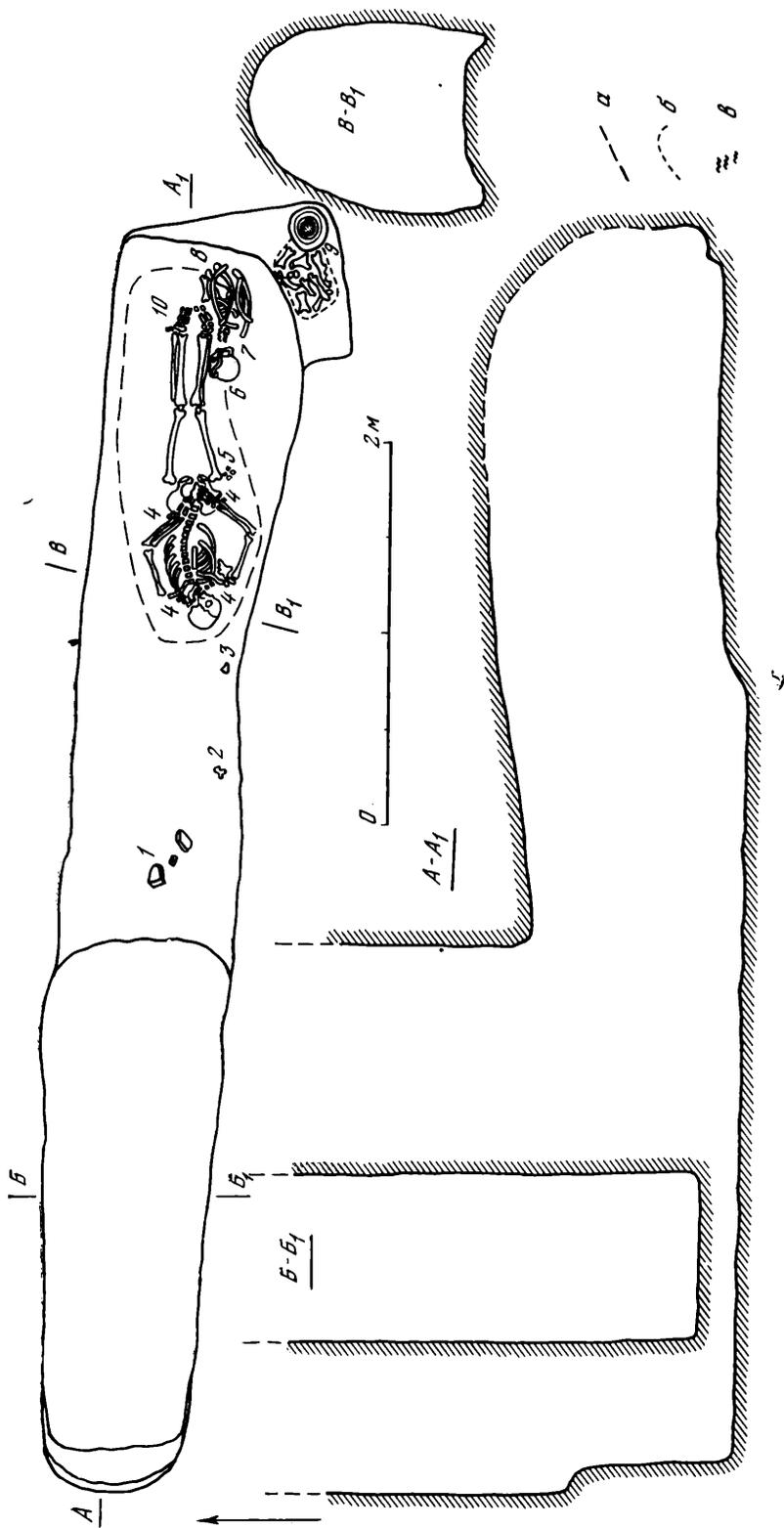

Рис. 1. План и разрезы погребения
 1 — камень; 2 — обломок грудной кости; 3 — фрагмент металлического предмета; 4 — бусы;
 5 — ониксы несохранившегося изделия; 6 — двуручный сосуд; 7 — галька; 8 — кости овцы и
 лошади; 9 — сосуд; 10 — обломок железного ножа; а — граница тлена от подстилки и циннов-
 ки; б — граница древесного тлена (от блюда или подноса?) под костями овцы; в — угольки

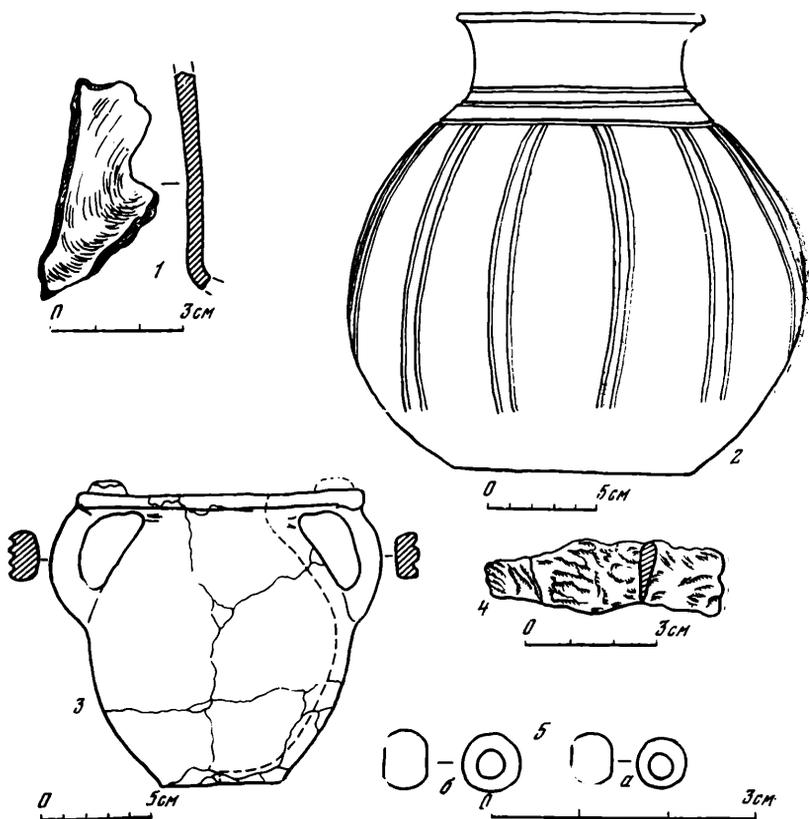

Рис. 2. Инвентарь погребения

1 — обломок медного предмета; 2 — сосуд; 3 — двуручный сосуд; 4 — фрагмент ножа; 5 — бусы с шеи (а) и запястьев (б)

Под костями скелета и вокруг них зафиксированы обширные пятна органических остатков, а поверх последних — пятна меловой посыпки. Костяк был перекрыт, видимо, циновкой из камыша или прутьев. Скелет принадлежал молодой женщине, лежал в вытянутом положении на спине, головой на запад. Руки были согнуты в локтях, кисти помещены на таз. Череп лежал на правом виске, лицевой частью к юго-востоку.

В 0,35 м от выхода в колодец на дне камеры лежало несколько мелких обломков серого крупнозернистого камня, восточнее — часть деформированной грудинной кости человека. У черепа обнаружен фрагмент медного изделия, возможно обломок стенки котла (рис. 2, 1). У шейных позвонков и у обоих запястьев погребенной находились бусы: 68 у шейных позвонков и по 30 у каждого запястья. Все бусы шаровидно-уплощенной формы, из бесцветного стекла с внутренней позолотой. Бусы, найденные у запястьев, более крупные. Подобные бусы датируются III—I вв. до н. э.¹ Справа у тазовых костей обнаружены окислы от несохранившегося небольшого бронзового или медного изделия. У берцовых костей левой ноги лежал фрагмент железного однолезвийного ножа с горбатой спинкой и вогнутым лезвием. У берцовых костей правой ноги на боку, горлом к северу, находился двуручный канфаровидный лепной сероглиняный сосуд, несколько асимметричный (рис. 2, 3). Тулово его округло-биконическое, приближающееся к яйцевидному, дно плоское, без поддона. Лишь у самого дна с внешней стороны имеется небольшое утолщение — наплыв. Ручки лентовидные, с глубокими продольными каннелюрами с внешней стороны (три на одной ручке и две — на другой). Верхняя часть ручек вместе с венчиком образует относительно плоскую верхнюю часть сосуда, украшенную четырьмя продолговатыми налечами,

из которых сохранился один. Сосуд имеет следы длительного употребления: отбиты налепы, оббиты венчик и ручки. Внешняя поверхность небрежно залощена. Тесто плотное, с дресвой. В сосуде обнаружены четыре небольшие округлые закопченные гальки и древесные угольки. Рядом лежала еще одна галька, видимо выкатившаяся из сосуда.

Слева у костей стоп, вне следов подстилки, найдены кости овцы (лопатка, части ноги, ребра с позвонками) и ребра лошади, а в нише в юго-восточном углу камеры прослежено округлое пятно древесного тлена (возможно, ст деревянного подноса), на котором лежали кости левых ног двух овец в возрасте около 2,5 лет². Кости имели следы пребывания в огне, здесь же встречались древесные угли.

В нише рядом с костями овец стоял глиняный плоскодонный сосуд. Тулово шаровидное, близкое к яйцевидному. Горло плавно сужается кверху и переходит в отогнутый наружу округлый венчик. Поверхность сосуда серая, хорошо заглажена и слабо залощена. Орнамент состоит из глубоко пролощенных бороздок: трех параллельных горизонтальных под горлом, от них в 13 местах спускаются по две бороздки ко дну. Поверхность шелушится и отслаивается, особенно в нижней части тулова и на дне, у дна закопчена. Венчик в нескольких местах оббит. Тесто в изломе охристо-серое, с примесью песка (рис. 2, 2). В заполнении сосуда обнаружено несколько мелких косточек.

Конструкция могилы рассматриваемого погребения может быть сопоставлена с катакомбами сарматов Поволжья и Приуралья II типа по классификации К. Ф. Смирнова³ или катакомбами I типа в Нижне-Джуглатской могильнике⁴. К. Ф. Смирнов гипотетически связывает их с сармато-аорсами⁵, большинство кавказоведов считает северокавказские катакомбы памятниками алан и относит их появление к периоду от I в. до н. э. до первых веков нашей эры⁶. Западную ориентировку погребенных, присущую в северокавказских степях в основном сиракам⁷, при фиксации ее в катакомбах принято объяснять совместным бытованием сиракских и аланских племен⁸. Помещение в могилу частей овечьих туш и посыпку мелом обычно определяют как сарматские черты похоронной обрядности. Что касается обычая помещать кисть руки или кисти обеих рук на таз, то можно согласиться как с мнением И. С. Каменецкого, считавшего, что данная особенность сама по себе не может служить признаком этнической принадлежности⁹, так и с мнением Д. Б. Шелова, который отмечает, что при системном подходе к погребальной обрядности этот ее элемент может обрести роль этнического индикатора¹⁰. Интересно, что именно в ранних катакомбах территориально близкого и хорошо исследованного Нижне-Джуглатского могильника, датируемых М. П. Абрамовой I в. до н. э.—I в. н. э., более часто встречается западная ориентировка погребенных, помещение одной или обеих кистей на таз или под него, помещение в камеру галек (в том числе в сосудах) и частей бараньей туши¹¹.

Находка двуручного ритуального сосуда дает возможность вслед за другими археологами обратиться к выяснению генезиса этой формы керамики и ее места в материалах сарматского времени на Северном Кавказе. В литературе неоднократно высказывалась гипотеза о влиянии культуры эпохи раннего железа Северного Азербайджана, отразившемся в появлении двуручных ритуальных «канфаровидных» сосудов¹². Несмотря на определенную, но не такую уж большую морфологическую близость, настаивают на том, что в среде ялойлутепинской культуры похожие сосуды, скорее всего, не имели ритуальной функции¹³. Тем не менее в одной из последних работ, посвященных этому вопросу, делается вывод о «синкретизме двух импульсов (прикубанского и закавказского)», который «дал тип рассматриваемой нами керамики», отмеченной вместе с тем и печатью «большой оригинальности»¹⁴. Что касается меотов Прикубанья, то, судя по опубликованным материалам, они помещали гальки при захоронении не в канфары, а в сосуды совершенно иных форм¹⁵; канфары же напоминают двуручные ритуальные сосуды Восточного Пред-

Кавказья достаточно отдаленно¹⁶. Приблизительно то же можно сказать и о Центральном Предкавказье¹⁷, за исключением Нижне-Джулатского могильника¹⁸. Основная масса аналогий сосредоточена в Восточном Предкавказье, главным образом в Терско-Сунженском междуречье¹⁹. Таким образом, можно отметить, что данный вопрос пока не получил ответа прежде всего из-за недостаточной изученности памятников сарматского времени Центрального Предкавказья. Обычай положения галек в могилы (как в сосудах, так и без них) бытовал на Северном Кавказе длительное время. Он может быть сопоставлен с обычаем класть в погребения каменные или глиняные «молоточки» (в нескольких случаях в сосудах) у прохоровских племен²⁰, восходящим, вероятно, к савроматскому времени²¹. Но можно предположить, что эта традиция на Северном Кавказе является более древней²². Кроме того, здесь она вызвала появление и распространение специальных сосудов, прежде всего «канфаровидных», совершенно неизвестных на исконно сарматской территории.

Что касается второго сосуда из публикуемого погребения, то подобные ему известны в большом количестве с прохоровского времени на сарматских или подвергавшихся сарматскому влиянию территориях.

В обряде и инвентаре рассмотренного нами погребения сочетаются таким образом, во-первых, элементы сарматского происхождения, во-вторых, черты, роднящие его с памятниками местного северокавказского населения, в-третьих, признаки, отразившие некоторую культурно-историческую общность степных племен и северокавказских аборигенов в раннем железном веке. Погребение можно считать сарматским (сиракским или алано-аорским) и датировать его в пределах III-I вв. до н. э. Вероятно, оно является одним из наиболее ранних катакомбных захоронений сарматского времени на Северном Кавказе.

¹ Благодарю Е. М. Алексееву за любезно данную консультацию по определению и датировке найденных бус.

² Приношу благодарность В. П. Данильченко, определившей костные остатки из Новоселицких курганов.

³ *Смирнов К. Ф.* Сарматские катакомбные погребения Южного Приуралья и Поволжья и их отношение к катакомбам Северного Кавказа.— СА, 1972, № 1, с. 74, 75.

⁴ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972, с. 8 и сл.

⁵ *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 76.

⁶ *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития меото-сарматской культуры Среднего Прикубанья.— КСИИМК, 1952, вып. XLVI, с. 15—16; *Виноградов В. Б.* Сарматы северо-восточного Кавказа. Грозный, 1963, с. 68 и сл.; *Нечаева Л. Г.* Об этнической принадлежности подбойных и катакомбных погребений сарматского времени в Нижнем Поволжье и на Северном Кавказе.— В кн.: Исследования по археологии СССР. Л., 1961, с. 156, 159; *Алексеева Е. П.* Этнические связи сарматов и ранних алагов местным населением северо-западного Кавказа (III в. до н. э.—IV в. н. э.). Черкесск, 1976, с. 22, 72—82, 161, 162; *Абрамова М. П.* К вопросу об аланской культуре Северного Кавказа.— СА, 1978, № 1, с. 76—77, 80, 81; *Она же.* Нижне-Джулатский могильник, с. 8—12.

⁷ *Виноградов В. Б.* Об интерпретации сарматских погребальных памятников Предкавказья III в. до н. э.—I в. н. э.— СА, 1968, № 1, с. 53.

⁸ *Смирнов К. Ф.* Основные пути развития..., с. 16; *Виноградов В. Б.* Об интерпретации..., с. 54.

⁹ *Каменецкий И. С.* Население нижнего Дона в I—III вв. до н. э.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1965, с. 14; ср.: *Виноградов В. Б.* Рец. на кн.: *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник. Нальчик, 1972,— СА, 1975, № 1, с. 305.

¹⁰ *Шелов Д. Б.* Танаис и нижний Дон в первые века нашей эры. М., 1972, с. 236—237.

¹¹ *Абрамова М. П.* Нижне-Джулатский могильник, с. 8—12.

¹² *Смирнов К. Ф.* Археологические исследования у дагестанского селения Тарки: в 1948—1949 гг.— МИА, 1951, № 23, с. 268, рис. 20, 9; 22, 4; *Виноградов В. Б.* Сарматы северо-восточного Кавказа, с. 90, 91; *Он же.* Археологические разведки в Чечено-Ингушетии в 1964 г.— АЭС, Грозный, 1966, т. I, с. 150—151; *Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гантимурава Т. М., Магомадов И. Д.* Заметки о древней культовой керамике из памятников Чечено-Ингушетии.— АЭС, Грозный, 1969, т. III, с. 84; ср.: *Петренко В. А.* Сарматские двуручные канфаровидные сосуды Северного Кавказа.— В кн.: Тезисы докл. IV Крупновских чтений по археологии Кавказа. Орджоникидзе, 1974, с. 41, 42.

¹³ *Пассек Т. С.* Джафарханский могильник: (Археологические разведки в Муганской степи).— ВДИ, 1946, № 2, с. 170—188, рис. 4, 12, 14, 15; *Тревер К. В.* Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.—VII в. н. э. М.; Л., 1959, с. 160—171, рис. 13, 4; 17; 20; 22; *Исмизаде О. Ш.* Ялойлутепинская культура. Баку, 1956,

- с. 50—51, табл. I, 10, 11; ХХVI, 10; ХХХI, 1, 3; ХХХII, 7 (VII тип керамики). По данным О. Ш. Исмаидае, лишь одному сосуду яллойлутепинской культуры (Там же, с. 35, 36, 39, табл. XVII, 1) можно приписать ритуальную функцию, да и то предположительно; при этом сосуд имеет совершенно отличный от рассматриваемых облик.
- ¹⁴ Петренко В. А. Указ. соч., с. 42.
- ¹⁵ Анфимов Н. В. Меото-сарматский могильник у станицы Усть-Лабинской.— МИА, 1951, № 23, с. 159, 168—170, 180, 188, 190, 191, 202; Смирнов К. Ф. Меотский могильник у станицы Пашковской.— МИА, 1958, № 64, с. 296—299.
- ¹⁶ Анфимов Н. В. Указ. соч., с. 177, рис. 10, 5, 6, 8, 10 (канфары 2-го типа).
- ¹⁷ Рунчи А. П. Сарматские катакомбы на берегу р. Юцы.— СА, 1961, № 1, с. 268—269, рис. 2, 9; Абрамова М. П. Отчет о раскопках могильника у ст. Подкумок близ г. Кисловодска в 1972 г.— Архив ИА АН СССР, № 4704.
- ¹⁸ Абрамова М. П. Нижне-Джулатский могильник, с. 12, 19, 20, рис. 3, 26; 4, 33.
- ¹⁹ ОАК за 1888 г., с. 267, 268; Виноградов В. Б. Сарматы..., с. 86—91; рис. 39, 1; 40, 5—9 (I—III вв. н. э.); Он же. Археологические разведки..., с. 146—151 (I в. до н. э.—II в. н. э.); Байбик В. Д., Виноградов В. Б., Гангимунова Т. М., Магомедов И. Д. Указ. соч., с. 82—86, 93, рис. 1, 5, 6; Петренко В. А. Указ. соч., с. 41, 42; Виноградов В. Б. Отчет о полевых исследованиях 1-го отряда археологической экспедиции ЧИНИИЯЛ летом 1970 г.— Архив ИА АН СССР, № 4535, с. 10—13, 18—22, рис. 14, 11; 15, 4; 19, 2; 22, 3 (II в. до н. э.—I в. н. э.).
- ²⁰ Мошкова М. Г. Памятники прохоровской культуры. М., 1963, с. 46, табл. 32, 15, 41—48.
- ²¹ Смирнов К. Ф. Савроматы. М., 1964, с. 255.
- ²² Анфимов Н. В. Протомеотский могильник с. Николаевского.— В кн.: Сборник материалов по археологии Адыгеи. Майкоп, 1961, т. II, с. 115.

Т. М. КУЗНЕЦОВА

ЗЕРКАЛА ИЗ САРМАТСКИХ ПОГРЕБЕНИЙ СТАВРОПОЛЬЯ

Летом 1977 г. Арзгирским отрядом Ставропольской экспедиции под руководством В. А. Коренько проводились работы в зоне строительства Арзгирской оросительной системы. В ходе раскопок двух курганных групп и одиночного кургана обнаружены погребения эпохи бронзы, раннего железного века и поздних кочевников. Сарматские погребения дали разнообразный инвентарь, среди которого обнаружены три бронзовых зеркала.

Одно из зеркал найдено в одиночном кургане, расположенном в 3 км к югу от р. Чограй, в погребении 15, у ног погребенного (рис. 1, 1). Оно представляет собой круглый диск, ограниченный вертикальным бортиком, слегка отклоненным наружу, и имеет петлевидную ручку на оборотной стороне. Петля полукруглая, на внешней ее стороне — две бороздки, отлитые вместе с диском. Ручка немного смещена относительно центра, бортик с одной стороны отогнут несколько больше, чем с другой. Диаметр зеркала 10,2 см, толщина диска 0,2 см, высота бортика 0,9 см, высота ручки 1,2 см.

Подобные зеркала имеют обширную область распространения, встречаются в ряде культур и существовали на территории Евразии в VII—IV вв. до н. э.¹ В савроматских погребениях они встречены в курганах Челябинской обл. и датированы К. Ф. Смирновым VII—VI вв. до н. э.² Близкое по форме и «орнаментации» ручки зеркало найдено в кургане 15 могильника Уйгарак и датируется здесь VII—VI вв. до н. э.³

Рассматриваемое нами зеркало значительно меньше уйгаракского (диаметр последнего 18,2 см, высота бортика 2 см) и поэтому находит более близкие аналогии в памятниках тагарской культуры начала V в. до н. э. Для более ранних зеркал этой культуры характерна ручка в виде буквы «П»⁴. Таким образом, рассматриваемый экземпляр можно датировать V в. до н. э. Подобные зеркала не являются типичными для савроматов, и находки их в погребении последних очень редки.

Происхождение зеркал с петелькой на обороте окончательно не установлено. По К. Ф. Смирнову, они возникли на востоке Сибири⁵, по Н. Л. Членовой — в Средней Азии⁶. Принимая во внимание находки

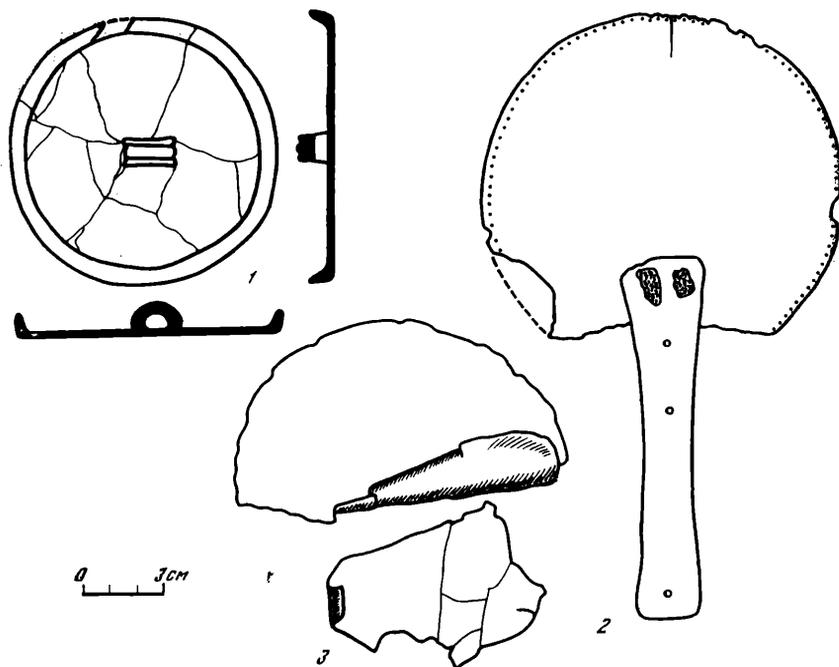

Рис. 1. Бронзовые зеркала

1 — одиночный курган, погребение 15; 2 — группа Чограй II, курган 19, погребение 1; 3 — группа Чограй I; курган 3, погребение 1

зеркал только рассматриваемого типа в низовьях Сырдарьи (Уйгарак и Тагискен), О. А. Вишневская не исключает возможности их производства в данном районе. Таким образом, все исследователи ищут происхождение зеркал с петелькой на обороте в восточных районах. Т. Б. Барцева, проводившая химико-металлургический анализ зеркал подобного типа, также пришла к выводу о восточном их происхождении^{7а}.

Второе зеркало найдено в сарматском женском погребении 1 кургана 19 группы Чограй II, расположенной на левом берегу р. Чограй. Зеркало находилось в правой руке погребенной. Этот экземпляр следует считать одним из вариантов типа зеркал с боковой ручкой. Круглый диск (диаметром 13,3 см снизу обломан, на оставшейся части имеется точечный орнамент по краю (рис. 1, 2). К диску была прикреплена костяная ручка, имеющая расширения в верхней и нижней частях и сужающаяся к центру. Длина ее 13,3 см, ширина в верхней части 3,1 см, в нижней части — 2,3 см, в центре — 1,9 см. Ручка состоит из двух костяных пластин, между которыми с помощью двух железных заклепок укреплен диск. Пластины между собой скреплены тремя бронзовыми заклепками по одной прямой ниже крепления к диску.

Диск рассматриваемого зеркала, украшенный точками по краю, находит многочисленные аналогии среди зеркал так называемого куль-обского типа в Северном Причерноморье⁸. Исходя из того, что нижний край диска сломан, а сам диск слегка сужается к месту среза, можно предположить, что зеркало в целом имело иную первоначальную форму. В данном случае налицо вторичное его использование. Возможно, что первоначально зеркало имело ручку, вырезанную вместе с диском из одного куска бронзы, как у зеркал, обнаруженных в урочищах Холодный Яр (курган 20, южное погребение)⁹ и Дарьевка¹⁰, у с. Броварки (курган 505)¹¹ и найденных случайно у сел Узенковка, Шестерницы, Будки¹². Эти зеркала имеют и сходную орнаментацию диска.

Близкие аналогии для формы ручки мы находим в кургане Холодный Яр¹³ и в кургане Чертомлык¹⁴. Однако ручка рассматриваемого зеркала, в отличие от зеркал из Чертомлыка и Холодного Яра, скреплена брон-

зовыми заклепками, а железные использовались для прикрепления ручки к диску. Подобное явление, видимо, связано со стремлением изготовителей укрепить место соединения диска с ручкой более прочным материалом.

Инвентарь погребения, в котором найдено зеркало, не позволяет точно его датировать, что заставляет обратиться к аналогиям. В сарматских погребениях подобные зеркала нам не известны. Зеркала с костяными ручками иной формы встречаются, но не обнаружено ни одного, имеющего диск с точечным орнаментом по краю. Зеркала, имеющие диск, близкий по орнаментации рассматриваемому, или близкую по форме ручку, встречаются, как уже отмечалось, в погребениях лесостепной и степной Скифии V и IV вв. до н. э. Е. Ф. Покровская, датируя могильник в урочище Холодный Яр в целом IV в. до н. э., относит все встреченные здесь зеркала к V—IV вв. до н. э.¹⁵ Следует упомянуть, что в этом могильнике обнаружены как цельнометаллические зеркала, так и зеркало с костяной ручкой. В. Г. Петренко отмечает отдельные находки зеркал, имеющих точечные наколы по краю диска и ручку из иного материала (дерево, железо) в погребениях V в. до н. э., и указывает на их широкое распространение в Северном Причерноморье в IV—начале III в. до н. э.¹⁶

Однако все упомянутые зеркала, исключая зеркало из кургана 28, урочище Холодный Яр, имеют диск большего диаметра (от 21 до 16 см), чем рассматриваемый экземпляр. Более близкие по размеру аналогии нам не известны. Если при классификации отдельных групп или типов зеркал (зеркала с центральной ручкой и зеркала «ольвийского» типа)¹⁷ исследователями учитывался и размер диска, то для интересующего нас типа такого рода сравнения не проводились. Вопрос этот очень интересен и важен и требует специальной разработки.

Таким образом, на основании приведенных аналогий зеркало из погребения 1 кургана 19 в группе Чограй II можно ориентировочно датировать V—IV вв. до н. э.

Определить происхождение типа цельнометаллических зеркал с точечным орнаментом по краю и типа зеркал с аналогичным диском и ручкой из другого материала, основой для которых могли служить поврежденные цельнометаллические зеркала, пока не представляется возможным. К. Ф. Смирнов, Н. А. Онайко, В. Г. Петренко считают, что цельнометаллические зеркала так называемого кульобского типа могли производиться как в греческих городах Северного Причерноморья, так и в самой Скифии¹⁸. То же можно сказать и о зеркалах с ручками из кости, железа, дерева. Т. Б. Барцева на основании химико-металлургического анализа предполагает существование ряда местных центров производства подобных зеркал, однако считает, что для конкретизации данного предположения необходимы дополнительные исследования.

Следует отметить, что установление даты какого-либо погребения по имеющемуся в нем зеркалу нужно проводить с большой осторожностью, так как период существования зеркала может быть довольно длительным, особенно для зеркал, использовавшихся вторично.

В погребении 1 кургана 3 группы Чограй I у левого плеча и под левой бедренной костью погребенного были обнаружены два фрагмента деформированного зеркала. Оно представляло собой круглый плоский и тонкий диск диаметром 13 см (рис. 1, 3). Подобные зеркала без ручек существовали на протяжении всей прохоровской культуры IV—II вв. до н. э.¹⁹ и господствовали в сусловской культуре²⁰. По типологии М. Г. Мошковой, рассматриваемое зеркало относится к I типу 1-го отдела²¹, по классификации А. М. Хазанова — к IV типу.

Зеркало было разбито в древности, о чем свидетельствуют следы коррозии на месте слома. Обычай разбивать зеркала характерен для сарматов и свидетельствует о том, что эти предметы имели не только бытовое, но и религиозно-магическое значение²².

Таким образом, рассмотренные нами зеркала, обнаруженные в памятниках одного региона, указывают на связь его населения как с Северным Причерноморьем, так и с восточными районами.

- ¹ *Грязнов М. П.* Памятники майэмирского этапа эпохи ранних кочевников на Алтае.— КСИИМК, 1947, вып. XVIII, с. 11; *Он же.* Северный Казахстан в эпоху ранних кочевников.— КСИИМК, 1956, вып. 61, с. 10; *Членова Н. Л.* Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. М., 1967, с. 82—83; *Брашинский И. Б.* Раскопки скифских курганов на нижнем Дону.— КСИА, 1973, вып. 133, с. 55—56; *Вишневская О. А.* Культура сакских племен низовьев Сырдарьи в VII—V вв. до н. э. М., 1973, с. 84—85; *Смирнов К. Ф.* Савроматы. М., 1964, с. 155 и др.
- ² *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 155.
- ³ *Вишневская О. А.* Указ. соч., с. 84.
- ⁴ *Членова Н. Л.* Указ. соч., с. 82.
- ⁵ *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 155.
- ⁶ *Членова Н. Л.* Указ. соч., с. 90.
- ⁷ *Вишневская О. А.* Указ. соч., с. 85.
- ^{7a} *Барцева Т. Б.* Доклад на секторе.
- ⁸ *Петренко В. Г.* Правобережье Среднего Приднепровья в V—III вв. до н. э. М., 1967, с. 35; *Онайко Н. А.* Античный импорт в Приднепровье и Побужье в VII—V вв. до н. э. М., 1966, с. 34.
- ⁹ Смела. СПб., 1887, т. 1, с. 72; *Покровська Е. Ф.* Курганы IV ст. до н. э. біля Холодного Яру поблизу м. Сміли.— Археологія, Київ, 1957, т. 10, с. 68.
- ¹⁰ *Петренко В. Г.* Указ. соч., с. 35.
- ¹¹ *Ильинская В. А.* Памятники скифского времени в бассейне р. Псел.— СА, 1957, т. XXVIII, с. 273.
- ¹² *Онайко Н. А.* Указ. соч., с. 65.
- ¹³ *Покровська Е. Ф.* Указ. соч., с. 68.
- ¹⁴ МАР, 18..., т. 2, с. 118.
- ¹⁵ *Покровська Е. Ф.* Указ. соч., с. 71, 77, 79.
- ¹⁶ *Петренко В. Г.* Указ. соч., с. 35.
- ¹⁷ *Членова Н. Л.* Указ. соч., с. 82; *Скуднова В. М.* Скифские зеркала из архаического некрополя Ольвии.— ТГЭ, 1962, т. VII.
- ¹⁸ *Смирнов К. Ф.* Указ. соч., с. 159; *Онайко Н. А.* Указ. соч., с. 34; *Петренко В. Г.* Указ. соч., с. 35.
- ¹⁹ *Мошкова М. Г.* Памятники прохоровской культуры. М., 1964, с. 41.
- ²⁰ *Хазанов А. М.* Генезис сарматских бронзовых зеркал.— СА, 1963, № 4, с. 60.
- ²¹ *Мошкова М. Г.* Указ. соч., с. 41.
- ²² *Хазанов А. М.* Религиозно-магматическое понимание зеркал у сарматов.— СЭ, 1964, № 3, с. 89—96.

Э. А. СЫМОНОВИЧ

ЧЕРНЯХОВСКОЕ СЕЛИЩЕ БУРГУНКА НА НИЖНЕМ ДНЕПРЕ

В 1974 г. были начаты работы на одном из самых южных черняховских памятников возле с. Бургунка Бериславского района Херсонской обл. Поселение, обнаруженное разведками 1965 г., располагалось примерно в 3 км от известного позднескифского городища и относящегося к нему могильника близ с. Николаевка (так называемый Городок Николаевка). Новый памятник представляет определенный интерес для установления культурных связей черняховского населения с позднескифскими и сарматскими племенами, древними обитателями степей. Важным представлялось выяснить время проникновения лесостепного населения на юг, к берегам Черного моря. Особенности хозяйственно-экономической жизни переселившегося с севера населения, господствующее домостроительство и специфические особенности материальной культуры черняховских племен в столь южных районах только начинают изучаться. Южнее Бургунского поселения в Поднепровье нам известно только два селища у с. Токаревка, недоступные для полевых исследований. Ближайшие черняховские памятники раскапывались на Ингульце и в областях Причерноморья, прилежащих к устью Днепра.

В 1973 г. поселение в Бургунке было подвергнуто шурфовке, а в 1974 г. Черняховская экспедиция Института археологии АН СССР вскрыла здесь около 1250 кв. м.

Поселение располагалось на возвышенности левого берега, доминирующего над обширной поймой р. Бургунки, впадающей в 0,5 км от этого

места в проток Днепра р. Казак. На этом протоке, как известно, находился «Городок Николаевка».

Бургунское селище имело размеры около 200×70—80 м. Будучи вытянуто вдоль берега, оно ограничивалось с севера и с юга неглубокими ложбинами. С запада склон к берегу речки тоже был довольно пологим, только местами переходившим в кручу.

Обширная пойма до недавнего времени была покрыта зарослями. Несмотря на отсутствие укреплений, жители при выборе места для поселения предусмотрели все, чтобы избежать неожиданного нападения.

Характер напластований на селище разнообразен, судя по заложенным в разных его частях четырем раскопам. Серый зольный культурный слой не превышает 0,40—0,50 м. Наиболее насыщенным находками оказывается второй пласт (0,20—0,40 м). Предматериковый желтовато-коричневый слой на глубине 0,60 м переходит в светлую плотную лёссовую глину. Памятник однослойный, если не считать более ранние погребения эпохи поздней бронзы. Два скорченных костяка, ориентированных черепами в восточном направлении, были открыты в наиболее удаленной от берега части раскопа I, которым почти все поселение было пересечено поперек (длина раскопа 50 м). Инвентаря с погребенными не было, но при раскопках изредка попадались мелкие обломки керамики бронзового века. Скорченные костяки были окружены прерывающимися кольцами из небольших камней.

Раскопками 1974 г. на поселении было обнаружено семь построек и 45 ям различного хозяйственного назначения. Жилища представляются наиболее интересным объектом. Шесть из них — углубленные в землю постройки и только одно — наземное, сложенное из камня.

Постройка 1, овальная в плане, была ориентирована широтно и имела вход с северо-восточной стороны (рис. 1, 1). Вдоль ее северной и западной сторон шел уступ — лежанка. Отапливалась постройка очагом, признаки которого связаны с углублением в земляном полу в центральной части строения. Заполнение жилища было крайне бедным. Найдено несколько невыразительных мелких обломков лепной посуды и костей животных.

Постройка 2 — двучастная полуземлянка в форме буквы Г (рис. 2). Большее и менее углубленное помещение 1 имело вид прямоугольника и было ориентировано по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Земляной пол помещения был хорошо утрамбован. Вход, отмеченный земляной ступенькой и следом столбовой ямки, располагался в северо-восточном углу. В юго-западной стороне находилось помещение 2, отделенное порожком со следом столбовой ямы. В середине помещения 2 находилось очажное углубление, а на юг от него была небольшая земляная скамья или лежанка. В обоих помещениях найдено сравнительно много керамики и костей животных. Кучей накиданные кости животных в зольном заполнении помещения 1 принадлежали частям лошадей, коров и мелкого рогатого скота. Весьма вероятно, после того как постройку перестали использовать по прямому назначению, она была превращена в жертвенное место. Своеобразные овальные небольшие неглубокие ямы с восточной стороны постройки тоже, очевидно, были вырыты не случайно. Кроме значительного количества сделанной на гончарном круге и вылепленной от руки керамики, из постройки происходили небольшой обломок глиняного грузила от ткацкого станка и бусина из коричневатой пасты с белым волнистым пояском поперек в средней ее расширяющейся части (рис. 3).

Постройка 3 — двучастная полуземлянка со слабо углубленным помещением 1 и глубоким ямообразным помещением 2 (рис. 1, 3). Первое помещение было ориентировано по линии запад-северо-запад — восток-юго-восток. Земляной его пол был прорезан столбовыми ямками. Вход, обозначенный выступом, находился с южной стороны. Помещение 2, непосредственно примыкавшее с севера к первому, представляло собою яму-погреб, сужающуюся книзу. В заполнении постройки найдены обломки лепных и гончарных сосудов, кости животных и угольки (рис. 3).

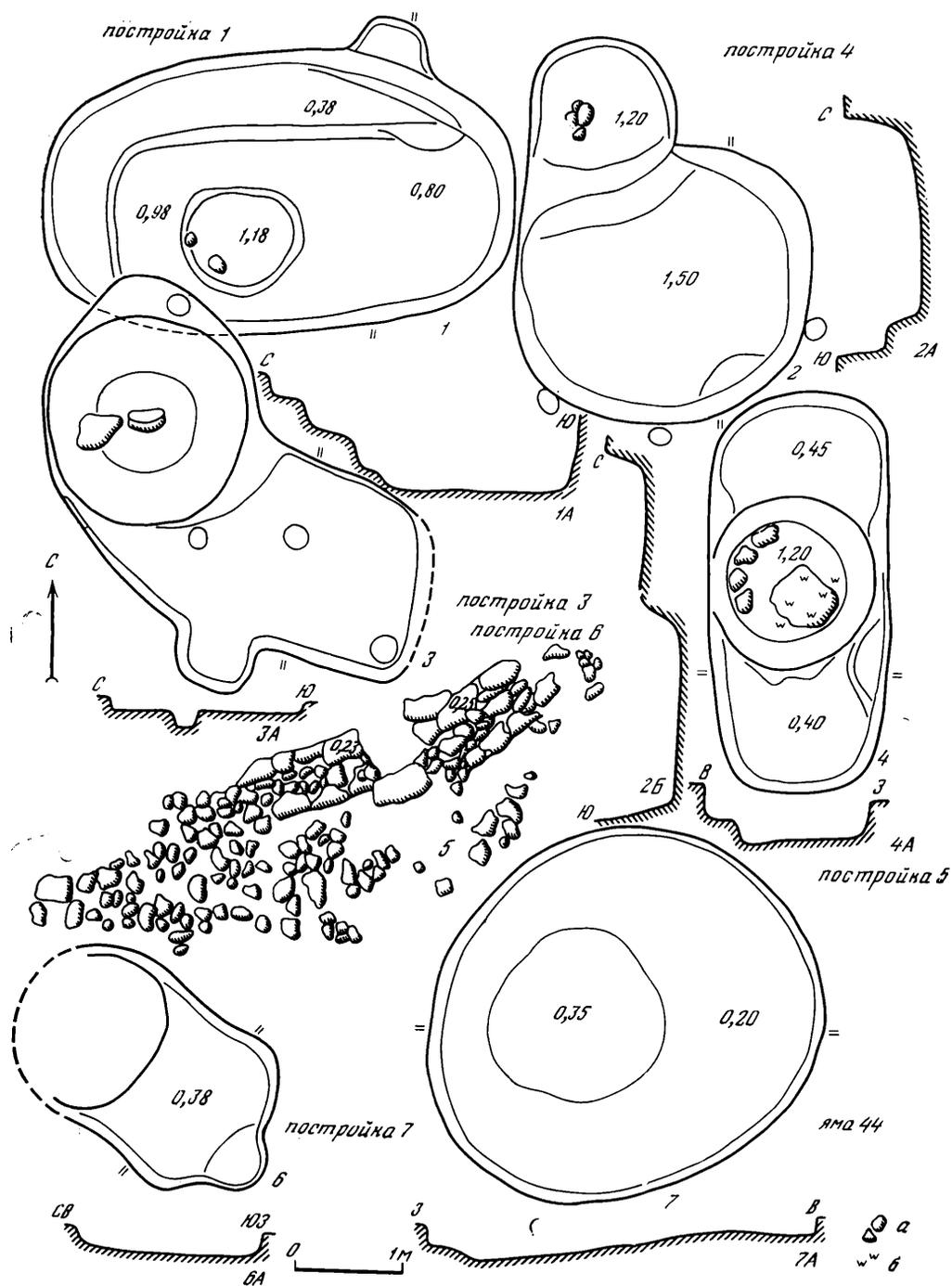
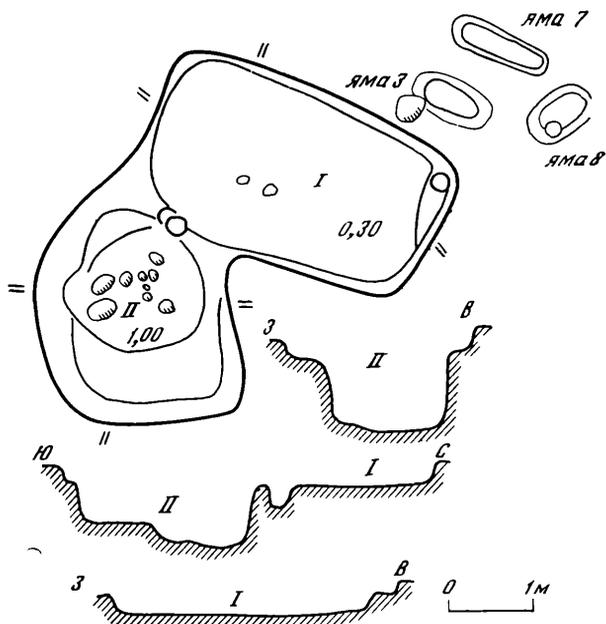

Рис. 1. Остатки построек (1—7) на поселении Бургунка

а — камни; б — угли

Постройка 4 была округлой в плане полуземлянкой с вынесенной за основной ее контур печью (рис. 1, 2). Ровный земляной пол был углублен на 0,30 м ниже пода печи. Вход располагался с юго-западной стороны и был отмечен ступенькой. Ямки для столбов, поддерживавших кровлю, немного заходили за пределы контура землянки. В заполнении была лепная и гончарная керамика. По мере углубления количество первой увеличивалось. Костей животных было больше, чем обломков глиняной посуды.

Рис. 2. План и разрезы постройки 2 на поселении Бургунка

Особый интерес представила находка в постройке второго для этого поселения косыганого «стиля». Один конец его был заполнирован и заострен, другой, лопатообразный, был частично утрачен (рис. 3)¹.

Постройка 5 — вытянуто-овальной формы, ориентированная по линии север—юг (рис. 1, 4). Ее земляной утрамбованный пол прорезала посередине яма, составлявшая второе зимнее помещение. Вход в постройку находился с восточной стороны и был обозначен ступенькой. В углубленной части постройки обнаружены следы очага, которым обогревалось жилище. В заполнении найдено несколько обломков лепной и гончарной керамики, а также кости животных.

Постройка 6 — наземное сооружение, от которого сохранился только кусок каменной стены и развал камней (рис. 1, 5). Сохранились только камни фундамента и местами второй ряд камней, положенный без раствора. Более крупные камни располагались по краям, а более мелкие шли на забутовку. Стена шириной 0,50—0,60 м шла по направлению северо-восток — юго-запад. Находки в этом месте обломков керамики черняховской культуры, круглой заготовки каменного грузила, фрагментов известняковых ротационных жерновов дают основание предполагать, что стена, прорезанная дверным проемом, относилась к какому-то строению позднеримского времени.

Постройка 7 — небольшая двухчастная полуземлянка (рис. 1, 6). Она имела неправильно-овальную форму и была ориентирована по линии северо-запад — юго-восток. Помещение 1 было неглубоко впущено в материк (с юго-восточной стороны). С этой стороны находился вход в помещение, обозначенный выступом. Помещение 2 было более глубоким. В заполнении были обнаружены обломки лепной посуды и кости животных.

Заканчивая краткое описание построек селища, нельзя не упомянуть остатки необычного для черняховских памятников сооружения (рис. 1, 7). Это плоскодонная яма (№ 44) диаметром более 3 м. Ни в ней, ни за ее ближайшими пределами столбовых ям не обнаружено. В средней части было прослежено нерезкое углубление пола, может быть обозначавшее место очага. Заполнение ямы ничем не отличается от находок в других черняховских ямах и постройках (рис. 3).

Итак, вместо обычного для причерноморских памятников господства каменных наземных сооружений, на черняховском селище Бургунка преобладают полуземлянки. Большая часть из них имеет прямые аналогии в более северных областях распространения этой культуры. На чер-

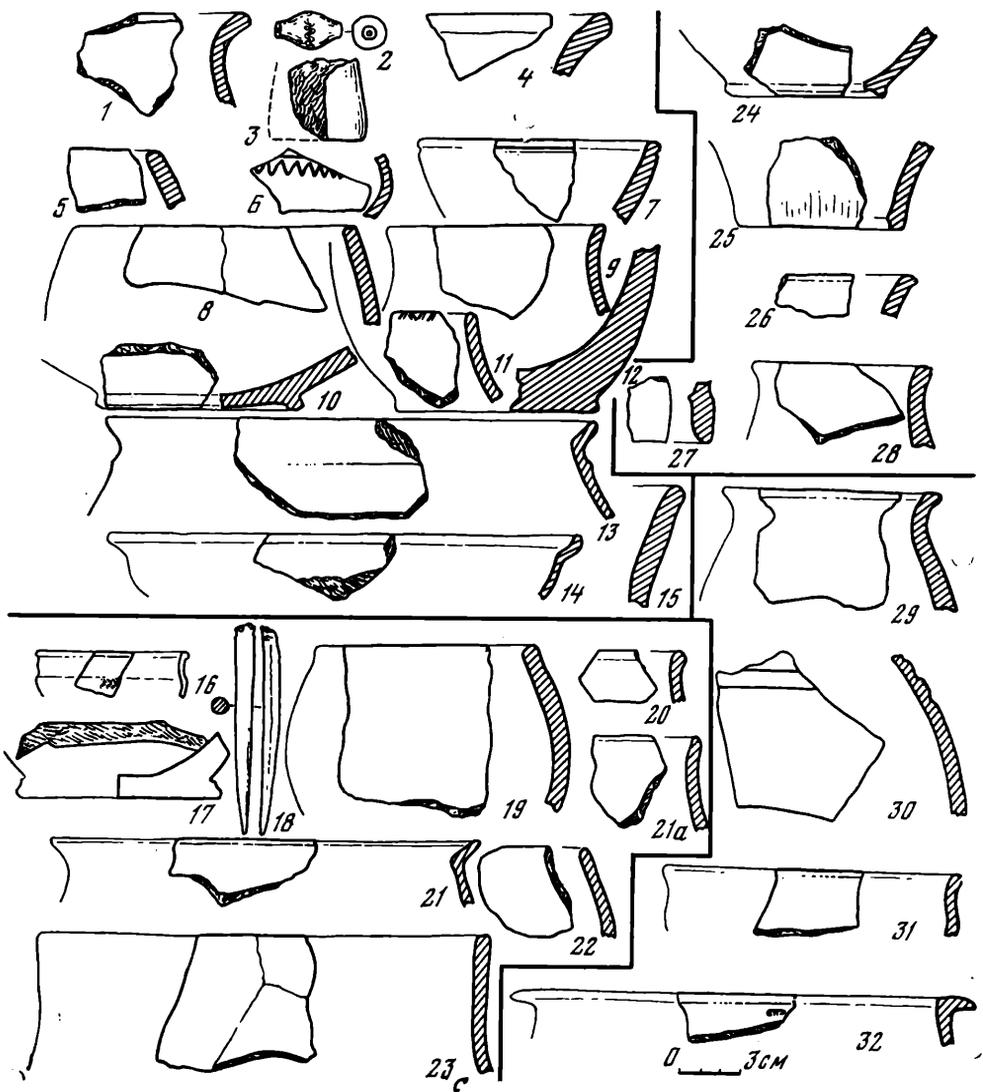

Рис. 3. Керамика и другие находки из построек поселения Бургунка

1—15 — находки из постройки 2; 24—28 — находки из постройки 3; 29—32 — находки из ямы 44; 16—23 — находки из постройки 4

няховских поселениях открыты как одночастные овалы в плане жилища, так и двухкамерные углубленные в землю постройки. В частности, на среднеднепровском поселении Журавка среди построек были близкие по форме и планировке жилища с очагами в углубленной части строения или с помещенными в их пределах ямами-погребями. После раскопок, проведенных в Грушевке, стали известны постройки с вынесенными за основной их контур печами. Неудивительным для южных причерноморских черняховских памятников является факт сосуществования полуземлянок с наземными каменными постройками, что уже было установлено ранее на поселении Тилигуло-Березанке I.

Расположение строений группами, как это можно заметить по размещению в Бургунке построек 1—3, также было прослежено на некоторых черняховских поселениях.

Необычными для черняховской культуры должны быть признаны такие черты, которые могут быть объяснены тесным контактом с позднескифскими и сарматскими племенами. К числу таких особенностей следует отнести наличие углублений от юртообразных построек (яма 44).

Подобные сооружения в северных районах черняховского ареала есть лишь в Посеймье. Отметим большое количество и своеобразие лепной керамики селища у с. Бургунка (около 30—50%). Лепные горшки с расширяющимся кверху горлом, с примесью шамота в тесте близки к аналогичным сосудам на позднескифских и сарматских памятниках. Среди гончарной посуды на селище не представлены некоторые характерные формы черняховской керамики, например кубки с орнаментом, которые часто встречались в неподалеку расположенном поднепровском могильнике в с. Гавриловка, у Овчарни совхоза Приднепровского. Необходимо также отметить сравнительно большой процент среди керамики обломков амфорной тары (до 30%). Вещи из металла встречаются на поселении очень редко: были обнаружены два обломка железных предметов — фрагмент черешка железного ножа и кусок лезвия серпа (?), а из цветных металлов — проушина бронзовая игла и тонкая обкладка деревянного ларца (?). Обитатели селища занимались земледелием и скотоводством. Об этом свидетельствуют различные находки, например отпечатков посуды и зерен на сосудах. В одной из ям был обнаружен целый ротационный жернов с выступом посередине и выдолбленной в нем ямкой.

Материалы черняховского селища у с. Бургунка приводят к выводу о важности изучения периферийных памятников этой культуры. Черняховское население, переселившись в Нижнее Поднепровье и Причерноморье, вступило в тесное взаимодействие со скифо-сарматскими племенами и попало в сферу воздействия позднеантичной цивилизации. Оно утратило некоторые черты материальной культуры, которые характерны для черняховского населения Среднего Поднепровья. Многолетнее изучение черняховских памятников Нижнего Поднепровья и Причерноморья позволяет выделить их в одну из локальных групп черняховской культуры, в зоне тесного контакта пришлого черняховского населения с позднескифскими и сарматскими племенами, с античным миром.

¹ Симонович Э. А. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье.— КСИИ, 1963, вып. 94, с. 81, рис. 23; *Он же*. Поселения культуры полей погребений в районе города Никополя.— МИА, 1967, № 139, с. 64—65, рис. 2, 3; *Он же*. Итоги исследований черняховских памятников в Северном Причерноморье.— МИА, 1967, № 139, с. 212, рис. 2.

В. И. САРИАНИДИ, Т. Х. ХОДЖАНИЯЗОВ

ПРОДОЛЖЕНИЕ РАБОТ НА ТИЛЛЯ-ТЕПЕ

Прошло десять лет со времени открытия Советско-Афганской экспедицией (САЭ) культуры раннего железного века в северном Афганистане, однако поселение Тилля-тепе до сих пор остается единственным эталонным памятником этой культуры. Небольшие раскопки памятника¹ показали его большую научную значимость, что было отмечено в специальной литературе². Несмотря на многолетние поиски САЭ, второй такой памятник в пределах северного Афганистана пока не найден. Это предопределило необходимость проведения в 1977 г. дополнительных раскопок Тилля-тепе с целью получения более полной информации о характере материальной культуры североафганских племен в раннем железном веке (рис. 1).

Первые пробные раскопки на Тилля-тепе были проведены в 1969 г. В следующем году большая часть холма была уничтожена в результате строительных работ, так что остатки поселения представляли собой теперь уже ровную площадку (совпадающую по общему уровню с поверхностью окружающей равнины) с небольшим останцом, сохранившимся от бывшего всхолмления.

В результате более ранних шурфовок общая толща слоев в предварительном порядке была подразделена на три строительных горизонта. На самом верху холма располагались строения первого строительного горизонта с мощными стенами и четко выраженными полами, местами сохранившими белую подстилку. Ниже находились постройки второго строительного горизонта. Они сложены из сырцовых кирпичей, полы их покрыты глиняной обмазкой. Два верхних строительных горизонта большей частью оказались разрушенными экскаваторами, а их остатки прослеживаются в вертикальном срезе сохранившегося останца (рис. 2).

Раскопки третьего строительного горизонта (рис. 3) были начаты в центральной части поселения на площадке, образованной в результате работ экскаваторов, уровень которой в целом соответствует уровню окружающей поверхности. Раскоп площадью 15×10 м выявил остатки древних построек и, что особенно важно, оборонительную стену с башнями. Последнее обстоятельство имеет первостепенное значение, так как ранее ни в Афганистане, ни в Средней Азии на памятниках восточнохорасанской культуры оборонительные сооружения известны не были.

Оборонительная стена на Тилля-тепе (помещение 6) сложена из сырцового кирпича размером 40×20×10 см и 44×21×10 см, выстроена так, что изнутри она имеет строго вертикальную плоскость, а с внешней стороны идет наклонно, что, по-видимому, имело, помимо конструктивного, и определенное фортификационное значение. Ширина сохранившегося гребня стены 125—130 см, внизу стена имеет толщину до 215—220 см (рис. 3, А). Округлая в плане башня (помещение 5) имела почти вертикальные стены, достигавшие толщины 110—120 см (рис. 2). Внутри башня полая. Северо-восточная ее часть нарушена поздней мусорной ямой (помещение 5). Судя по найденному материалу, яма впущена сверху в ахеменидское время, т. е. в заключительный период существования памятника.

Уцелевшие части стен на высоте 150—170 см от верха сохранили четко выраженный пол (мощностью до 15—20 см), состоящий из горизонтальных обмазок зеленоватой глины (зеленый пол). Он соответствует уровню кирпичной платформы, внешний фас которой совпадает с плоскостью оборонительной стены. Внутри башни и оборонительной стены имеется мощная кирпичная обкладка, основание которой на 25—30 см возвышается над основным полом зеленоватого цвета. Эта обкладка фиксирует второй этап внутри третьего строительного горизонта. В это время оборонительная стена была значительно утолщена. К моменту раскопок 1971 г. вся внутренняя часть башни и оборонительной стены, т. е. площадь, непосредственно возвышающаяся над платформой, оказалась плотно забутованной сырцовым кирпичом в виде правильной кладки. Размеры кирпича 42×22×10 и 39×20×9 см.

Таким образом, история существования исследованной части оборонительной стены рисуется в следующем виде. В центре поселения была возведена кирпичная платформа, внешний край которой обведен оборонительной стеной с башней, возвышавшимися над полом платформы (зеленый пол). Раскопки этой части дали мало вещевого материала, что объясняется наличием сплошной кирпичной забутовки. Небольшое количество керамики было встречено на зеленом полу и в особенности в яме внутри башни. Очевидно, что стена и башня относятся к периоду возникновения поселения и лишь позднее, когда первоначальное значение оборонительных сооружений было утрачено, на этом горизонте вводятся жилые строения, выделенные нами как третий строительный горизонт. Однако стена и башня к тому времени не были разрушены, свидетельством чего являются постройки третьего строительного горизонта, которые как бы «обтекают» стену с башней, оставляя узкий проход. Эти строения представляют собой часть какого-то архитектурного комплекса, внешний (северный) фас которого сохранил две прямоугольные пилястры. Характер этой постройки в совокупности с толстыми стенами, возможно, указывает на принадлежность всего комплекса выда-

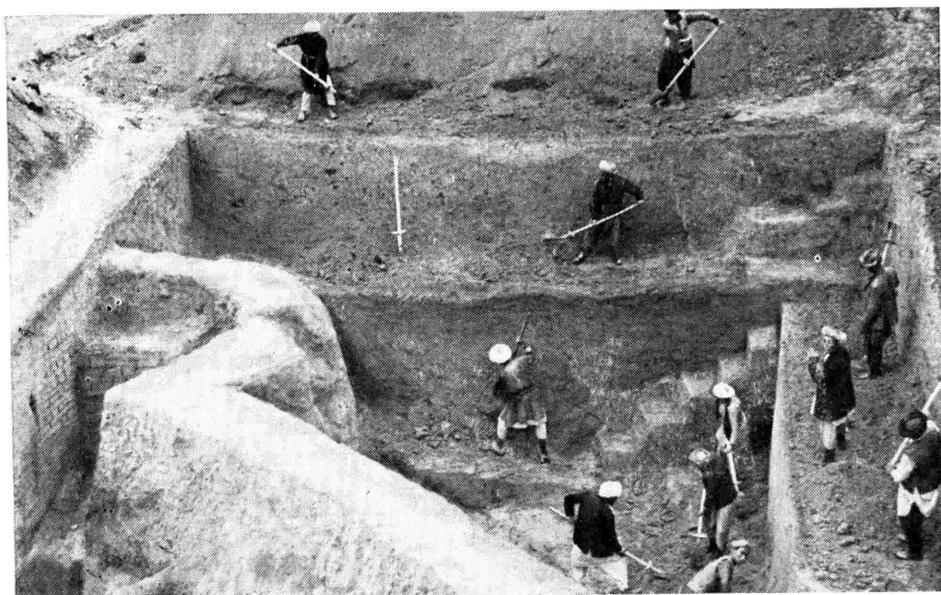

Рис. 1. Тилля-тепе. Общий вид раскопок 1977 г.

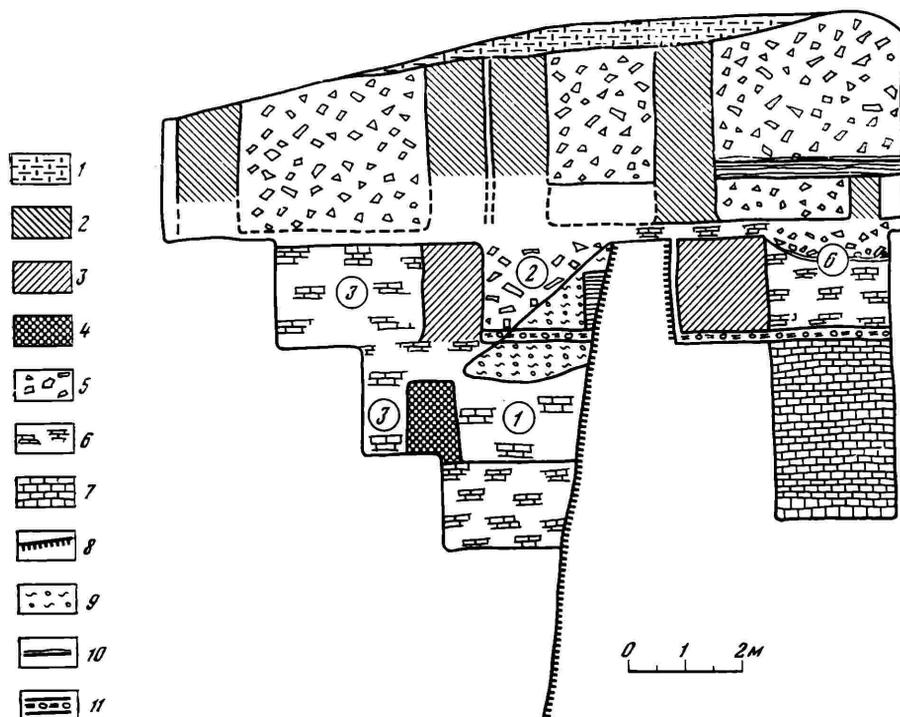

Рис. 2. Тилля-тепе. Стратиграфический разрез раскопа (цифры на плане обозначают номера сооружений, упомянутых в тексте)

1 — первый строительный период; 2 — второй строительный период; 3 — третий строительный период; 4 — четвертый строительный период; 5 — строительный завал; 6 — закладка из кирпича; 7, 8 — кладка платформы и стены; 9 — мусорные прослойки; 10 — «белый» пол; 11 — «зеленый» пол

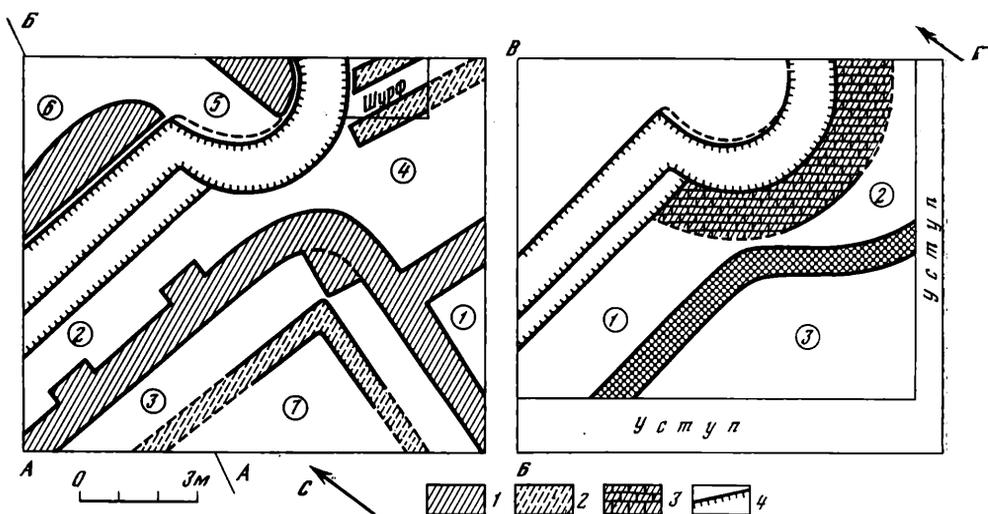

Рис. 3. Тилля-тепе. Общий план раскопа на уровне 3-го (А) и 4-го (Б) строительных периодов (цифры на плане обозначают номера сооружений, упомянутых в тексте) 1 — постройки третьего строительного периода; 2 — постройки позднего этапа третьего строительного периода; 3 — кладка «футляра» башни; 4 — кладка платформы и стены

ющемся члену общества. Северная стена с пилястрами идет параллельно оборонительной стене так, что образовалось узкое вытянутое коридорообразное помещение (помещение 2), сплошь заполненное внутри горелым слоем, включающим уголь, золу, куски обожженных докрасна кирпичей (один целый кирпич имеет размер $44 \times 26 \times 11$ см). Показательно, что обожженными оказались плоскости как внешней оборонительной стены, так и стены с пилястрами. Следы пожара относятся, очевидно, к заключительному этапу существования построек третьего строительного горизонта. В горелом слое, помимо керамики, встречена нижняя челюсть человека.

Смежное помещение 4 оказалось сплошь заложённым сырцовым кирпичом. Кладка регулярная. Кроме того, здесь расчищены плохо сохранившиеся остатки двух параллельных стенок, относящихся к позднему этапу третьего строительного периода.

Керамический материал представлен как лепной, в том числе расписной, так и гончарной посудой (рис. 4—6). Среди последней выделяются сосуды средних размеров, под венчиками которых имеются рельефные «воротнички» и изредка нацарапанный орнамент из треугольников (рис. 5, 6). Расписная керамика немногочисленна и практически повторяет уже известные орнаменты керамики, полученной при раскопках в предыдущие сезоны. Отметим большой фрагмент «салатницы» (рис. 5, 4) и лепной кухонный котел с наклепным воротничком, украшенным вдавлениями (рис. 5, 5).

Итак, история существования третьего строительного горизонта рисуется в следующем виде: к этому времени оборонительная стена потеряла свое назначение, но частично использовалась обитателями, о чем свидетельствуют кирпичные обкладки второго этапа. На этом уровне возводятся, по-видимому, бытовые строения в виде обширного помещения с пилястрами (помещение 3) и частично сохранившегося помещения 1. Перед нами лишь часть бывшего архитектурного комплекса, остальные постройки находились за пределами раскопа. О длительном периоде существования зданий этого строительного горизонта свидетельствуют встроённые помещения, как, например, помещение 7 и стены внутри помещения 4.

На уровне следующего, четвертого строительного горизонта размеры стратиграфического раскопа были уменьшены за счет оставления уступов

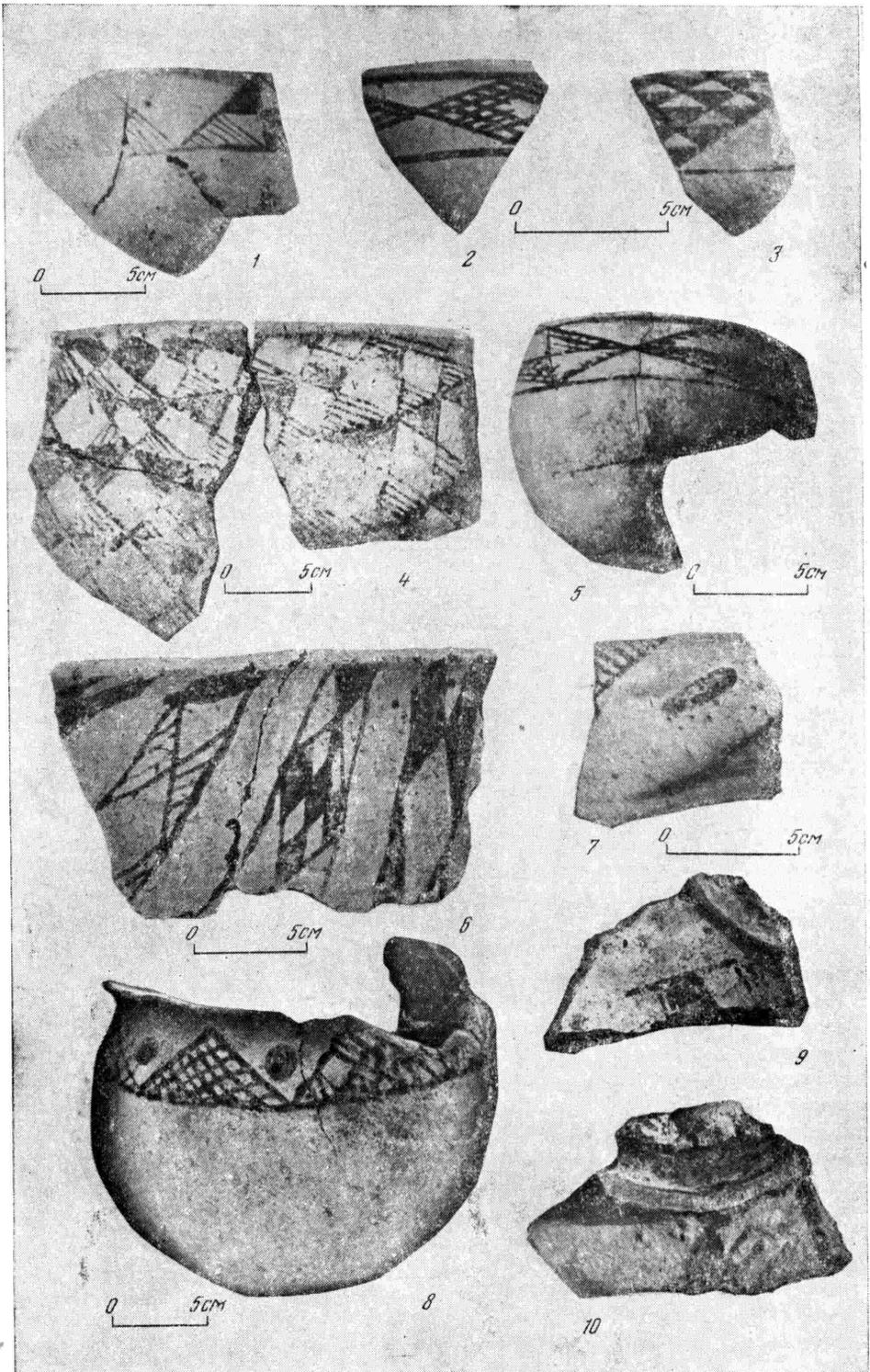

Рис. 4. Тилля-гепе. Керамика третьего (2—4, 6—10) и четвертого (1, 5) строительного горизонтов

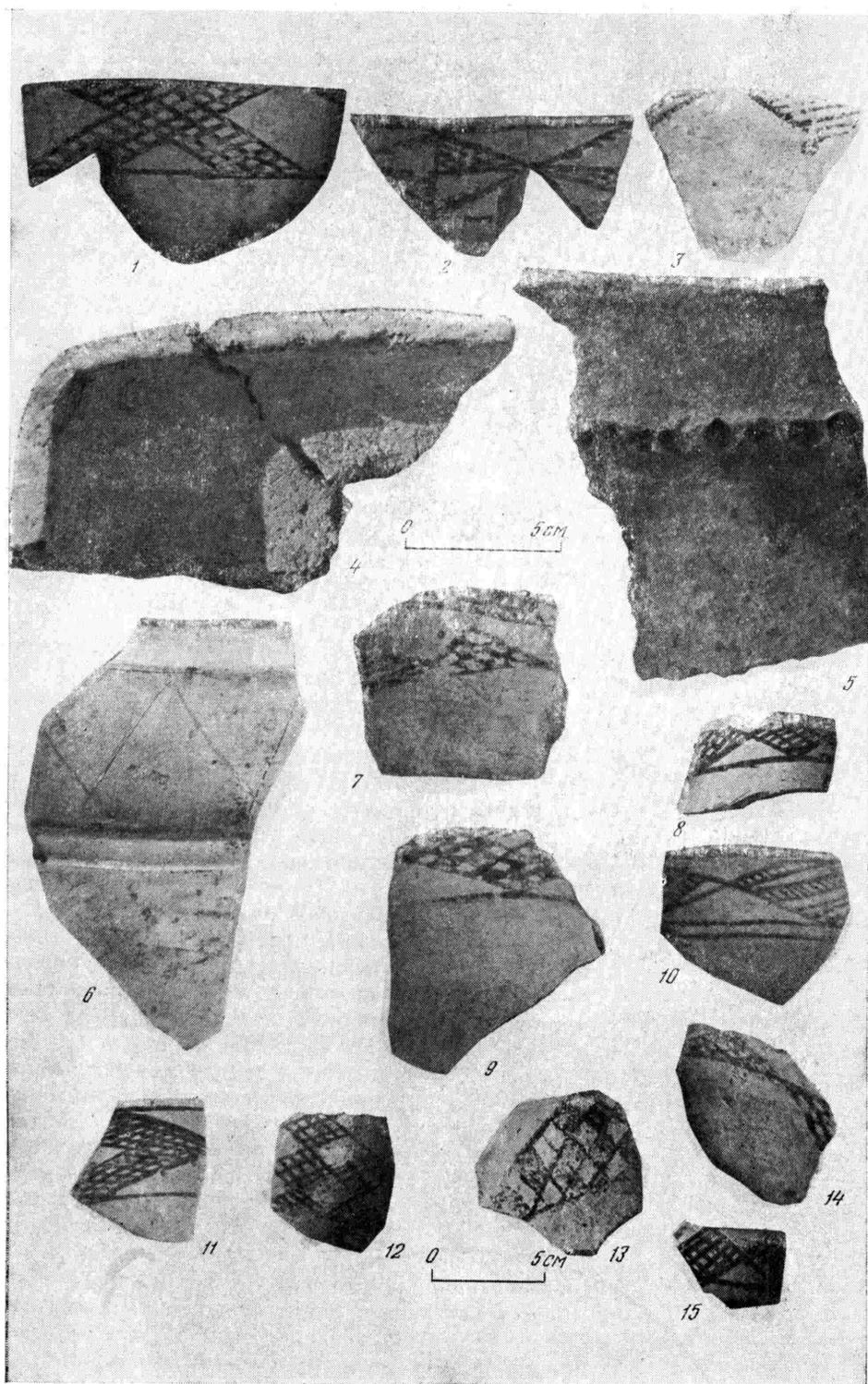

Рис. 5. Тилля-тепе. Керамика

1—7, 9—11, 13, 14 — третий строительный горизонт; 8, 12, 15 — четвертый строительный горизонт

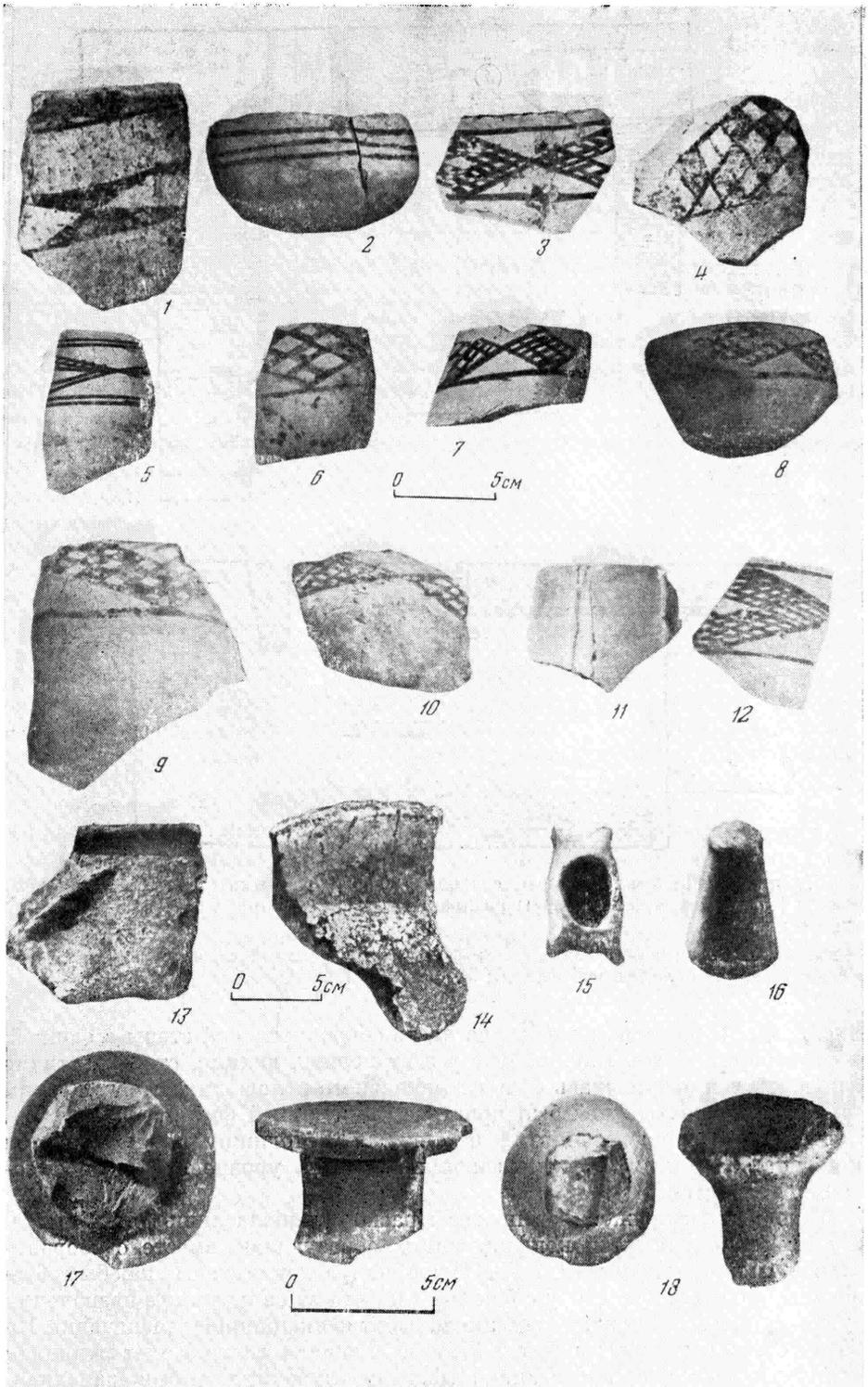

Рис. 6. Керамика и каменные изделия из Тилля-тепе

1—15 — керамика; 16—18 — камень; 1—10 — третий строительный горизонт; 11—18 — четвертый строительный горизонт

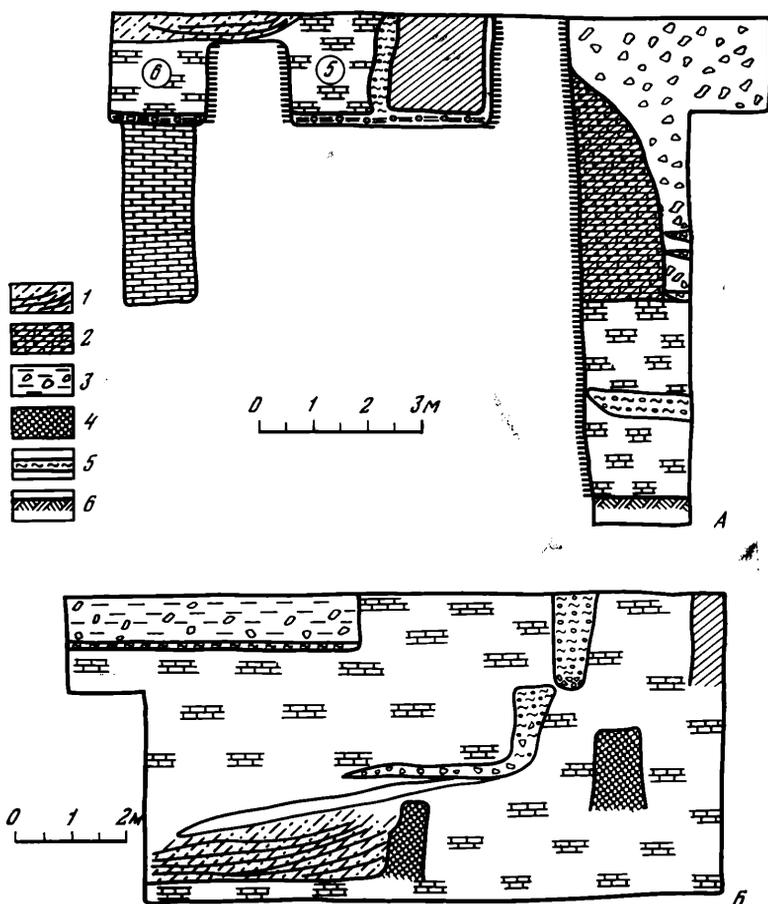

Рис. 7. Стратиграфические разрезы северо-восточной (А) и юго-западной стенок (В) раскопа 1977 г. Тилля-тепе (цифры на плане обозначают номера сооружений, упомянутых в тексте):

1 — дождевые затеки; 2 — обкладка стены «футляра»; 3 — рыхлый строительный завал; 4 — сооружения пятого строительного периода; 5 — пол с золой; 6 — материк

(рис. 3, В). В раскопе исследована часть оборонительной стены с башней, рассмотренной выше. Башня, уже в этот период, видимо, стала частично разрушаться и отклонилась от первоначального положения. В связи с этим с внешней стороны к ней был пристроен кирпичный футляр (рис. 7, А). У своего основания кирпичный футляр имеет толщину 1,5 м, выше он уменьшается за счет скосов и заканчивается на уровне 1 м от верха сохранившихся стен.

Из других сооружений в пределы раскопа попала лишь длинная стена необычной изогнутой конфигурации, образующая вместе с оборонительной стеной помещения 1—3. Общее направление стены как бы «обтекает» оборонительную стену с башней так, что об ее истинном назначении трудно судить. Возможно, она имела фортификационное назначение. На уровне стены четвертого периода по всей площади раскопа идет сплошная кирпичная закладка, прорезанная местами глубокими ямами, заполненными кусками необработанного камня. Обнаруженный материал весьма немногочислен и включает всего несколько расписных сосудов ручной лепки (рис. 4, 1, 5; рис. 5, 8, 12, 15). Чернополированные сосуды с вертикальным рифлением, обломки которых найдены здесь (рис. 6, 11), ранее в Тилля-тепе не были известны. Среди кухонной посуды обращает на себя внимание венчик котла с налепным орнаментом (рис. 6, 13) и сковороды (рис. 6, 14). Из каменных предметов интересны тщательно заполирован-

Соотношение строительных горизонтов Тилля-тепе

Шурф 1	Шурф 2	Шурф 3	Шурф 4	Раскоп 1977 г.
	Третий горизонт			I строительный горизонт
Второй горизонт	Второй горизонт	Второй горизонт	Второй горизонт	II строительный горизонт
Первый горизонт	Первый горизонт	Первый горизонт	Первый горизонт	III строительный горизонт
				IV строительный горизонт
				V строительный горизонт

Материк

ные изделия черного цвета, назначение которых недостаточно ясно (рис. 6, 16 — 18).

Еще глубже стратиграфический раскоп за счет уступа был вновь сокращен до $10 \times 8,5$ м. Несмотря на ограниченные размеры, и здесь частично сохранились остатки древних сооружений, образующие пятый строительный период (рис. 7, Б). В пределы раскопа попало небольшое сооружение с кирпичной стеной и частью пола. Внутри ее сохранились тонкие глинистые горизонтальные прослои от натечной воды, свидетельствующие о длительном периоде, когда это помещение было заброшено. Выше натечков прослежены мусорно-горелые линзы, частично нарушившие саму стену. Остальная площадь раскопа была заполнена сплошной кирпичной закладкой, которая идет ниже пола указанного помещения. На этом уровне, на глубине в 5,5 м от поверхности, раскопочные работы были остановлены. Однако для выяснения общей толщи культурных напластований в восточном углу раскопа, непосредственно вдоль башни, был заложен шурф размером $2 \times 1,5$ м, который прорезал почти сплошную кирпичную кладку мощностью в 3,5 м, нарушенную посередине мощной мусорной линзой. Ниже основания кирпичной кладки башни шли горизонтальные аллювиальные, явно материковые отложения.

Результаты раскопок на Тилля-тепе в 1977 г., определившие стратиграфию памятника (табл. 1), позволяют сделать несколько предварительных выводов.

Во-первых, эти раскопки, проведенные в центральной части памятника, свидетельствуют, что ядро поселения составляла кирпичная платформа, обведенная по внешнему фасу мощной оборонительной стеной, усиленной по периметру круглыми башнями. Платформа высотой 6,0 м была сложена регулярной кладкой сырцовых кирпичей и, по-видимому, имела общую прямоугольную форму. По внешнему фасу платформа была обведена оборонительной стеной высотой около 9 м, причем верх сохранившейся части стены возвышался над полом платформы на высоту до 2 м. Вероятно, первоначально оборонительная стена имела еще большую высоту. Естественно думать, что столь высокая стена уже вскоре потребовала возведения у ее основания кирпичной обкладки, а для башен — специального футляра высотой около 4 м. Столь хорошая сохранность оборонительных стен объясняется специфическими условиями шиберганского оазиса, расположенного у предгорий. Это способствовало естественной аккумуляции почвы на равнине. Свидетельством тому служит небольшой шурф, заложенный в 30 м к востоку от башни, на ровной такыровой поверх-

ности, окружающей холм Тилля-тепе. Шурф прорезал почти 5-метровую толщу чистых, без каких-либо включений, аллювиальных наслоений, и лишь только в конце 5-го метра стали появляться первые черепки, в том числе расписные, столь характерные для этого памятника. Эти данные свидетельствуют, что общая площадь древнего поселения намного превосходит размеры современного холма, а сами культурные слои поселения Тилля-тепе ныне погребены под многометровыми, вновь образованными аллювиальными наносами подгорных речушек селевых потоков.

Очевидно, холм Тилля-тепе отмечает лишь центральную часть поселения, платформу-цитадель с остатками монументального сооружения наверху. За пределами цитадели располагались здания, включавшие, помимо жилых, также и парадные помещения, но уже более позднего времени.

С самого начала платформа-цитадель резко возвышалась над самим поселением. Дома рядовых жителей первоначально располагались у основания цитадели. Косвенным свидетельством тому служат строения пятого и четвертого периодов, но есть все основания предполагать существование еще более ранних сооружений, некогда располагавшихся у самого основания цитадели. Показателен факт сплошной кирпичной закладки, вплотную примыкающей к оборонительной стене и заключающей в себе остатки жилищ, пришедших в негодность. Такая кирпичная закладка укрепляла основание оборонительных стен, выполняя роль контрфорсов. Впрочем, может быть, что первоначально вокруг цитадели не было никаких строений, они возникли позже в связи с ростом самого поселения Тилля-тепе.

Найденный при раскопках материал немногочислен и преимущественно представлен керамикой. В целом керамический комплекс полностью соответствует уже опубликованному. На расписной посуде встречаются исключительно геометрические орнаменты. Среди гончарной керамики имеются образцы, украшенные как рельефными «воротничками», так и концентрическими процарапанными кругами ниже венчика. Встречено несколько обломков каменных изделий, выточенных из черного камня, тщательно заполированных, назначение которых не совсем ясно.

Таковы фактические данные, свидетельствующие о многовековой истории этого памятника и в известной степени всего шиберганского оазиса в эпоху раннего железа.

¹ Сараниди В. И. Раскопки Тилля-тепе в Северном Афганистане. М., 1972.

² Ghirshman R. L'Iran et la migration des Indo-Aryens et des Iraniens. Leiden, 1977; Le Plateau Iranien et L'Asie centrale des Origines a La Conquete Islamique. Paris, 1977.

ХРОНИКА

Г. Ф. НИКИТИНА

РАБОТА СКИФО-САРМАТСКОГО СЕКТОРА В 1974—1977 ГГ.

Тематика проблем, разрабатываемых сектором в последние годы, разнообразна как в хронологическом, так и в территориальном отношении. В области скифской археологии исследовались вопросы взаимосвязей предскифских культур Кавказа, нижней Волги, лесостепной Украины, Крыма и Молдавии с Западной Сибирью (Н. Л. Членова), взаимоотношения скифского и фракийского мира (А. И. Мелюкова). Продолжаются работы по систематизации погребального обряда рядового населения кочевых племен Скифии (В. Г. Петренко). Разрабатываются вопросы, связанные с локальными вариантами и особенностями скифской культуры и культур скифского времени на периферии скифского мира (О. Д. Дашевская, П. Д. Либеров, О. Н. Мельниковская, А. И. Пузикова).

В области сарматской археологии разрабатываются важные в историческом плане темы развития сарматских племен на поздних этапах их существования от Казахстана до Северного Причерноморья (К. Ф. Смирнов, М. Г. Мошкова).

В археологии железного века Восточной Европы, Сибири и Средней Азии ведутся работы по проблемам истории и хронологии местных племен (Г. А. Брыкина, В. И. Козенкова, Х. И. Крис, В. А. Могильников, И. Г. Розенфельдт, К. А. Смирнов).

В области изучения культур полей погребений разрабатываются проблемы происхождения, хронологии и расселения черняховских племен в Северном Причерноморье, а также вопросы взаимосвязи черняховской культуры и культур полей погребений Средней Европы (В. В. Кропоткин, Ю. В. Кухаренко, Г. Ф. Никитина, Э. А. Сымонович).

По зарубежной тематике выполняются работы по археологии Ирака и Мезоамерики (В. А. Башилов, В. И. Гуляев).

С 1976 г. сотрудники сектора активно включились в подготовку многотомного издания «Археология СССР». Сектором целиком готовятся два тома (редакторы А. И. Мелюкова и Э. А. Сымонович). В других томах авторами различных разделов являются 10 сотрудников сектора.

За отчетный период сотрудниками сектора были завершены следующие плановые темы:

1974 г. — В. Б. Ковалевская. Датировка памятников Северного Кавказа IV—IX вв.; Н. Л. Членова. Карасукская эпоха Западной и Средней Сибири.

1975 г. — Ю. В. Кухаренко. Готы в Восточной Европе; М. Г. Мошкова. История поздних сарматов; И. Г. Розенфельдт. Поздняя дата дьяковской культуры; Э. А. Сымонович. Поселения черняховской культуры. САИ.

1976 г.— В. И. Гуляев. Города-государства Мезоамерики в I тысячелетии н. э. культуры майя; А. И. Мелюкова. Скифия и фракийский мир; Г. Ф. Никитина. Погребальный обряд черняховской культуры; К. А. Смирнов. Сетчатая керамика в лесной полосе Восточной Европы I тысячелетия до н. э.— I тысячелетия н. э.; К. Ф. Смирнов. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии.

1977 г.— В. А. Могильников. Кочевники Западной Сибири и Алтая в VII—XIII вв. Раздел написан для тома «Археология СССР».

Большая полевая работа проделана сотрудниками сектора за отчетные годы.

Г. А. Брыкина (Ляйлякская экспедиция). Исследована усадьба Кайрагач середины I тысячелетия н. э. в Киргизии. Выявлена планировка и стратиграфия поселения. Одновременно изучался курганный могильник, синхронный усадьбе.

О. Д. Дашевская (Донузлавская экспедиция). Продолжены многолетние работы по исследованию позднескифского городища и некрополя у с. Беляус в Крыму.

В. И. Козенкова (Северокавказский отряд). В 1974 г. завершены многолетние работы по исследованию могильника X—VI вв. до н. э. кобанской культуры в Сержень-Юрте. В 1976—1977 гг. велись разведки памятников кобанской культуры на Северном Кавказе.

Х. И. Крис (Второй Московский отряд). Проводились многолетние раскопки на дьяковском городище Боршева. Выявлена четкая стратиграфия раннего и среднего этапов дьяковской культуры.

Ю. В. Кухаренко (Полесский отряд). После большого перерыва продолжены раскопки на могильнике Брест-Тришин.

П. Д. Либеров (Воронежская скифская экспедиция). В 1974 г. завершены многолетние раскопки на скифском городище Волошино V—IV вв. до н. э. В 1977 г. в зоне новостройки исследовались памятники катакомбной культуры.

В. А. Могильников (Алейская экспедиция). Велись раскопки памятников эпохи бронзы и железа в зоне строительства Гилевского гидроузла в Алтайском крае.

Г. Ф. Никитина (Среднеднестровская экспедиция). Велись раскопки на могильнике черняховской культуры на Днестре.

В. В. Кропоткин (Волынская экспедиция). Проводились многолетние раскопки на многослойном поселении Ромош на Волыни.

В. Г. Петренко (Ставропольская экспедиция). В 1974—1976 гг. велись раскопки курганов скифского времени VI в. до н. э. в зоне строительства оросительного канала.

А. И. Пузикова (Курская экспедиция). В 1974—1976 гг. велись многолетние раскопки на городище скифского времени VI—V вв. до н. э. у с. Марица.

К. А. Смирнов (Московская экспедиция). Велись раскопки дьяковских и славянских памятников в Московской и Калининской областях.

К. Ф. Смирнов (Оренбургская и Азово-Донецкая экспедиции). В 1974 г. в Оренбургской области раскапывались курганы ранних кочевников V—IV вв. до н. э. В 1976—1977 гг. в Ростовской обл. велись раскопки курганов разных эпох от бронзы до средневековья.

Э. А. Сымонович (Черняховская экспедиция). Все годы велись раскопки черняховских и позднескифских памятников в Одесской, Херсонской, Киевской, Кировоградской и Курской областях.

Н. Л. Членова (Северокавказская экспедиция). В 1975 г. велись раскопки кобанского крематория, а в 1977 г.— раскопки памятника раннежелезного века.

Все эти годы В. А. Башилов и В. И. Гуляев принимали участие в работе Иракской экспедиции. В составе Венгеро-Советской экспедиции приняли участие в 1976 г. К. А. Смирнов, в 1977 г. А. И. Пузикова.

С 1976 г. в секторе активно работает теоретический семинар, посвященный теоретическим и методическим проблемам археологии. Среди част-

ных тем, рассмотренных в семинаре, следует выделить посвященную анализу древних поселений как источнику для общепроисторических и социологических построений, а также методике изучения поселений при раскопках. Эта тема обсуждалась систематически в течение года и была рассмотрена в различных аспектах.

За отчетный период в различных советских и зарубежных изданиях вышли из печати свыше 180 работ сотрудников сектора, в том числе книги:

1974 г. — Г. А. Брыкина. Карабулак; М. Г. Мошкова. Происхождение раннесарматской (прохоровской) культуры; Г. Ф. Никитина, В. А. Могильников. Погребальный обряд культур полей погребений I тысячелетия до н. э. — первой половины I тысячелетия нашей эры.

1975 г. — К. Ф. Смирнов. Сарматы на Илеке; Г. Б. Федоров. Памятники славян VI—XIII вв. в Молдавии.

1976 г. — А. И. Мелюкова. Поселение и могильник скифского времени у с. Николаевка; Н. Л. Членова. Карасукские кияжалы.

1977 г. — В. И. Козенкова. Кобанская культура (восточный вариант). САИ; В. И. Гуляев. Города майя.

За отчетный период сотрудники сектора принимали участие в различных научных конференциях:

1974 г. — в конференции по археологии Донбасса (К. Ф. Смирнов); в конференции Института этнографии, посвященной памяти А. П. Дульзона (В. А. Могильников); в IV Крупновских чтениях (В. И. Козенкова).

1975 г. — в конференции Корреляции древних культур Сибири и стран Тихоокеанского бассейна (В. А. Башилов, В. И. Гуляев); в конференции Кочевники Средней Азии и Казахстана (Г. А. Брыкина); в работе Всесоюзной конференции Отделения истории и Института археологии АН СССР и АН УССР с докладами приняли участие В. В. Кропоткин, В. И. Козенкова, О. Д. Дашевская, О. Н. Мельниковская, А. И. Мелюкова, В. А. Могильников, Г. Ф. Никитина, В. Г. Петренко, Э. А. Симонович; в V Крупновских чтениях приняли участие В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова; в конференции, посвященной 15-летию Одесского археологического музея приняли участие К. Ф. Смирнов, А. И. Мелюкова, В. Г. Петренко, Э. А. Симонович; на конференции по археологии Западной Сибири в г. Томске выступил В. А. Могильников; на конференции Научного совета Молдавской АН по славяно-волошским связям и происхождению молдавского народа выступил Г. Б. Федоров.

1976 г. — во Всесоюзной конференции по проблемам древнего и средневекового города (Г. А. Брыкина, В. И. Гуляев); в пленуме Института этнографии Тадж. АН (Г. А. Брыкина); в конференции по археологии Северного Кавказа (В. Б. Ковалевская, В. И. Козенкова); в XIV международной конференции социалистических стран «Эйрене-76» (М. Г. Мошкова, К. Ф. Смирнов); в конференции по проблемам археологии Поволжья и Приуралья (К. Ф. Смирнов, Н. Л. Членова); в юбилейной конференции 150-летия Керченского музея (Э. А. Симонович); в симпозиуме по проблемам хронологии раннесредневековых древностей, проведенной Эрмитажем (В. Б. Ковалевская, В. В. Кропоткин, В. А. Могильников, М. Г. Мошкова, Г. Ф. Никитина, И. Г. Розенфельдт, Э. А. Симонович); в юбилейном заседании сектора Кавказа в ЛОИЭ (В. И. Козенкова); во второй областной Московской конференции по результатам охранных археологических работ в Московской обл. (Х. И. Крис, К. А. Смирнов); в совещании по археологии Нижнего Подонья принял участие К. Ф. Смирнов; во II Поволжско-Уральском совещании в Уфе приняли участие К. Ф. Смирнов и Н. Л. Членова.

1977 г. — во Всесоюзной конференции по проблемам этногенеза в неолите в Ленинграде (В. А. Башилов); во Всесоюзной конференции по раннесредневековой культуре Средней Азии (Г. А. Брыкина); в VII Крупновских чтениях (В. И. Козенкова, В. Г. Петренко, Н. Л. Членова); в IV Уральском совещании в Нижнем Тагиле (В. А. Могильников).

Сотрудники сектора приняли участие в международных конференциях и симпозиумах:

В международном симпозиуме «Этнические проблемы древней истории Центральной Азии во II тысячелетии до н. э.» в Душанбе (К. Ф. Смирнов); в Московском международном симпозиуме по славянской керамике V—VII вв. (В. В. Кропоткин, Г. Ф. Никитина, Э. А. Сымонович); в международном симпозиуме «Демографические и культурные изменения в междуречье Одры и Днепра в I тысячелетии до н. э.» (В. В. Кропоткин, Г. Ф. Никитина, К. А. Смирнов, Э. А. Сымонович); в международной конференции «Славяне и номады в Болгарии» (В. В. Кропоткин).

Большая работа ведется в области популяризации археологических знаний и укрепления контактов с местными краеведческими обществами и музеями. Многие сотрудники сектора во время полевой работы проводили экскурсии по местам раскопок, выступали с лекциями и беседами об истории археологических памятников и их охране, выступали в местной областной и районной печати. Постоянную консультативную работу с местными и центральными музеями ведут О. Н. Мельниковская, Г. А. Брыкина, О. Д. Дашевская, В. И. Козенкова, Х. И. Крис, А. И. Пузикова.

Весьма успешно развиваются международные связи сотрудников сектора. В 1974 г. в иностранных журналах вышли статьи К. Ф. Смирнова и О. Н. Мельниковской. В течение двух месяцев в научной командировке на Кубе находились В. А. Башилов и В. И. Гуляев.

В 1975 г. в совместном советско-болгарском сборнике вышли статьи А. И. Мелюковой и Н. Л. Членовой. В различных иностранных журналах вышли статьи О. Н. Мельниковской, В. В. Кропоткина и Э. А. Сымоновича.

В 1976 г. сотрудники нашего сектора принимали участие в полевых работах за рубежом (В. А. Башилов, В. И. Гуляев, А. И. Пузикова). Многие сотрудники сектора участвовали в Международном симпозиуме по славянской керамике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АС — Археологический съезд
АЭБ — Археология и этнография Башкирии
АЭС — Археолого-этнографический сборник
ВАУ — Вопросы археологии Урала
ВДИ — Вестник древней истории
ВУАК — Воронежская ученая археологическая комиссия
ГИМ — Государственный Исторический музей
ЗАО — Записки Одесского археологического общества
ЗСО РГО — Западносибирский отдел Русского географического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КЧНИИИЯЛ — Карачаево-Черкесский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАК — Материалы по археологии Кавказа
МАО — Московское археологическое общество
МАР — Материалы по археологии России
МАЭ — Марийская археологическая экспедиция
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МЭ — Материалы по этнографии
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ОИПК — Отдел истории первобытной культуры
Працы, т. II — Працы археалёгічнай камісіі Беларускай АН
Працы, т. III — Працы сэкцыі археалёгіі Беларускай АН
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
Смела — А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы
СЭ — Советская этнография
ТГЭ — Труды Государственного Эрмитажа
ТОИПКЭ — Труды Отдела истории первобытной культуры Государственного Эрмитажа
ТТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции

- УЗКБНИИ — Ученые записки Кабардино-Балкарского научно-исследовательского института
- УЗСГУ — Ученые записки Саратовского государственного университета
- УЗ ТНИИЯЛИ — Ученые записки Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории
- Учен. зап. — Ученые записки Научно-исследовательского института языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Чувашской АССР
- УОМ — Уральский областной историко-краеведческий музей
- ЧИНИИИЯЛ — Чечено-Ингушский научно-исследовательский институт истории, языка и литературы
- ААН — Acta Archaeologica Akademie Scientiarum Hungaria
- AR — Archeologické rozhledy
- ESA — Eurasia Septentrionalis Antiqua
- SCIV — Studii și Cercetări de Istorie Veche

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Д. Г. Савинов, Н. Л. Членова.</i> Северокавказские оленные камни в ряду оленных камней Евразии	3
<i>Ю. С. Гришин.</i> О «фигурных» плиточных могилах Забайкалья и Монголии	12
<i>В. Г. Петренко.</i> Изображение богини Иштар из кургана в Ставрополье	15
<i>В. С. Патрушев.</i> Антропоморфные изображения из Старшего Ахмыловского могильника	19
<i>В. П. Копылов.</i> Мечи из погребений V в. до н. э. Елизаветовского курганного могильника	24
<i>Т. Б. Барцева.</i> О химическом составе уздечных наборов, найденных в Посульских курганах	28
<i>Б. Ф. Железчиков.</i> Материалы из раскопок П. С. Рыкова в 1927 г. на территории Уральской области	32
<i>К. Ф. Смирнов.</i> О мечях синдо-меотского типа	38
<i>М. Г. Мошкова.</i> К вопросу о месте производства некоторых групп сарматской лощеной керамики	45
<i>И. Г. Розенфельдт.</i> Еще раз о Березняковском городище	52
<i>Ю. А. Краснов.</i> О дате Березняковского городища	60

Полевые исследования

<i>В. А. Могильников.</i> Два оленных камня с Алтая	68
<i>К. А. Смирнов.</i> Раскопки Мутенковского городища	72
<i>Х. И. Крис, И. Л. Чернай.</i> Городища дьякова типа Боршева и Селецкое	75
<i>А. А. Егорейченко.</i> Типология городищ Белорусского Полесья в раннем железном веке	82
<i>А. А. Масленников.</i> Варварское погребение VI в. до н. э. на Керченском полуострове	89
<i>О. Д. Дашевская.</i> Земляной склеп на Беляусе	90
<i>В. А. Коренько.</i> Погребение сарматского времени в кургане у с. Новоселицкое в Ставропольском крае	96
<i>Т. М. Кузнецова.</i> Зеркала из сарматских погребений Ставрополья	101
<i>Э. А. Сымонович.</i> Черняховское селище Бургунка на нижнем Днепре	104
<i>В. И. Сариниди, Т. Х. Ходжаниязов.</i> Продолжение работ на Тилля-тепе	109

Хроника

<i>Г. Ф. Никитина.</i> Работа скифо-сарматского сектора в 1974—1977 гг.	118
---	-----

Ранний железный век

КСИА, вып. 162

Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии АН СССР

Редактор издательства Е. П. Прохоров
Художественный редактор Н. Н. Власик
Технический редактор Н. Н. Плохова
Корректор Л. Р. Мануильская

ИБ № 18316

Сдано в набор 19.06.80
Подписано к печати 13.11.80
Т-19612. Формат 70×108^{1/16}
Бумага типографская № 1
Гарнитура обыкновенная
Печать высокая
Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 11,7
Тираж 2300 экз. Тип. зак. 3253
Цена 1 р. 20 к.

Издательство «Наука»
117864 ГСП-7, Москва, В-485, Профсоюзная ул., 90

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10